

КОНСТАТИН

18
2
1

Всего М. Е. Зубинцева.

1. Опись сундуков
2. Не в германском строе.

ОТЕЦЪ СЕМЕЙСТВА

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ

И. ЧЕРНЫШЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Степанъ Михайловичъ Трубинъ-Разладницъ, помѣ-
щикъ, 60-ти лѣтъ г. Мартыновъ.
Анна Ивановна, жена его г-жа Линская.
Александра Степановна, 22-хъ лѣтъ. . . , } ихъ дѣти.
Федоръ Степановичъ, 20-ти лѣтъ. } г-жа Снѣткова 2-я.
Настасья Степановна, 19-ти лѣтъ. } г. Малышевъ.
Алексѣй Васильевичъ Сусловъ, небогатый помѣ-
щикъ, сосѣдъ Трубина г-жа Снѣткова 3-я.
Навелъ Петровичъ Шершнинскій, богатый помѣ-
щикъ и откупщикъ г. Максимовъ 1-й.
Навелъ Петровичъ Шершнинскій, богатый помѣ-
щикъ и откупщикъ г. Григорьевъ 1-й.

Первое дѣйствіе въ имѣніи Трубина, остальные въ Петербургѣ.

28913

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ ценсурный комитетъ законенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 12 февраля 1860 года.

Ценсоръ А. Ярославцовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Большой фруктовый садъ, на право барскій домъ, позади идутъ службы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Степанъ Михайловичъ, Анна Ивановна, Федоръ Степановичъ, Настасья Степановна и Павелъ Петровичъ, все сидятъ за столомъ. При открытіи занавѣса, лакеи убираютъ тарелки и подаютъ десертъ.

Степанъ Михайловичъ (наливая наливку Шерстинскому). А вотъ попробуйка, вотъ этой наливочки! поляничная, братецъ, ты мой, завѣтная! Ты, чай, въ столицахъ отвыкъ отъ деревенскихъ запеканокъ, да водянокъ, у васъ тамъ все французскія вина... Что? Какъ на твой вкусъ?

Павелъ Петровичъ (на веселъ). Чудо! прелесть! этой наливки, я ни на какое вино не смѣняю! Налей еще! Благодарю! (тѣтъ.) Анна Ивановна! послѣ этой наливки, я влюбленъ въ васъ, я за вами влочиться стану!

Степанъ Михайловичъ. Не хвали по пустому! Гдѣ ей! Она только и знаетъ, что съ дѣтьми нѣжничать, да баловать ихъ!... Это все я одинъ распоряжаюсь; самъ и ягоды сортирую, самъ и вину препорцію назначаю! Безъ похвальбы сказать: весь домъ, какъ Атласъ, на своихъ раменахъ держу! Теперь лѣтнее время—всталъ часа въ 4-ре, и въ поле! Надо всемъ свое око! У меня ужъ мужикъ не залѣнится, самъ не лежу на боку—и ему не дамъ поблажки!

Павелъ Петровичъ. За мужикомъ нуженъ глазъ,—да и глазъ!

Степанъ Михайловичъ. Мужикъ примѣръ нуженъ! Если ты съ нимъ вмѣстѣ выдешь въ поле, если онъ увидитъ, что ты дѣло смѣкаешь, если ты отличишь трудолюбиваго отъ лѣнтяя,—мужикъ тогда полюбить тебя, и станетъ для тебя трудиться. Нашъ мужикъ уменъ и честенъ,—надо только обращаться съ нимъ умѣючи! А то есть вонъ у насъ баричи, какъ напримѣръ, недалеко ходить,—сосѣдъ Алексѣй Васильичъ Сусловъ... Имѣньишко безъ того грошовое, изъ за хлѣба на квасъ перебиваться только... гдѣ бы налечь на работу,—а онъ далъ крестьянамъ такую потачку, что со стороны сер-

це щемить!... Этотъ лѣнтяй, на печи зиму и лѣто' лежитъ,—гдѣ-бы его пристраститъ,—а онъ ему лѣсу на избу даетъ! Тотъ пьяница, весь хлѣбъ въ кабакъ спустилъ,—придетъ къ нему расплатится,—нашъ мужикъ хитеръ, попроситъ ржицы, да овсеца на посѣвъ,—а онъ и амбары растворитъ, загребай, куда руки не устанутъ! Нѣтъ, ты лѣнтяя, да пьяницу накажи,—тѣмъ хорошаго крестьянина поощришь,—а то никакого различія нѣтъ, всѣ на одномъ счету! Молокосось этакой! Я, говоритъ, бельгійскую методу изучилъ! Мало-ли что у нѣмцевъ хорошо,—да у насъ неприкладно!—Нѣтъ, хоть колъ на головѣ теши—не понимаетъ этого!

Анна Ивановна. Какъ-же ему, Степанъ Михайлычъ, не понимать? Вѣдь онъ въ университетѣ учился.

Степанъ Михайловичъ. Ну-съ, вы еще съ голосомъ! Это что? Съ чего ты суешься?

Анна Ивановна. Я такъ, Степанъ Михайлычъ...

Степанъ Михайловичъ. Молчи!

Павель Петровичъ. Теперь этихъ скороспѣлыхъ умниковъ развелось многое множество!.. Судятъ, рядятъ... Крыловскія снницы!.. Неважность изучить дѣло въ теоріи, во всякаго болвана можно вдолбить,—а вотъ ты приложи его къ практикѣ... А! вотъ тутъ и точка съ запятой!

Степанъ Михайловичъ. Покойнику, батюшкѣ, Царство ему небесное, всѣмъ я обязанъ! 20 лѣтъ онъ былъ управляющимъ у князя Рагужинскаго... Ну, приобрелъ кое-что, честными трудами. А въ тѣ поры я въ Москвѣ на гражданской службѣ состоялъ, ко второму чину представленъ былъ! Эхъ, кабы съ того времени, да по сю пору служилъ, такъ можетъ статья, теперь высокородіемъ, или выше чѣмъ величали!

Павель Петровичъ. Съ твоими талантами и на превосходительство можно рассчитывать!

Степанъ Михайлычъ. Гм!.. на превосходительство! *(со вздохомъ.)* Пути Божіи неисповѣдимы!.. Князь померъ, батюшка шибко прихворнулъ и вытребовалъ меня къ себѣ. Благодарю моего Создателя, что привелось застать его въ живыхъ; умри онъ на чужихъ рукахъ, ну, и пиши пропало, отыскивай тамъ, осталось ли что отъ покойника. Въ это время продавалась эта деревушка, дворовъ десять всего. Купилъ я ее, назвалъ въ честь батюшки Михайловкой, и принялся за работу... Знаешь самъ, чѣмъ-чѣмъ ни промышлялъ; и въ торговлю пускался, никакимъ дѣломъ, будь только оно честно, не брезгалъ!... Отъ сосѣдей почетъ получилъ и достояніе свое увеличилъ! Сначала домъ старый разворотилъ, новый построилъ, потомъ Кузнецовку,—съ аукціона продавалась, прикупилъ! Шло дѣло! И за-

думаль я жениться, нужна баба въ домѣ! Помнишь, Анна, какъ я увидѣлъ тебя въ первый разъ замарашку—замарашкой? Думала-ли ты тогда,—да гдѣ думать! что я обращаю на тебя свое вниманіе? (*Павлу Петровичу.*) За красоту взялъ! Бѣлая она была, румяная, кровь съ молокомъ! Почувствовалъ я къ ней склонность и взялъ за себя! Отецъ ея былъ отставной капитанъ, забуддыга преественственный, — промотался до тла, не помоги я, — быть-бы ему въ тюрьмѣ!

Анна Ивановна. Степанъ Михайлычъ, вся моя родня до смерти благодарны были... и Богу молятъ!

Степанъ Михайловичъ. Еще-бы они осмѣлились быть неблагодарными! Вотъ послѣ женитьбы я началъ еще больше устраниваться, и понемногу, довелъ хозяйство до теперешняго положенія... Была одна Михайловка, а теперь у меня Кузнецовка въ полтораста душъ, да село Сырково въ двѣсти! Своимъ собственнымъ умомъ нажилъ! Не зарылъ свой талантъ въ землю,—а удесятирилъ его! Въ семьѣ полное счастье, миръ и благоденствіе! Здѣсь всѣ веселятся и радуются и ни объ чемъ не беспокоятся, потому, что одна голова за всѣхъ думаетъ, однѣ руки держатъ бразды правленія... Дочь одну замужъ выдалъ за петербургскаго чиновника, мѣсто знатное занимаетъ... Теперь она у меня гоститъ; мужъ на лѣто отпустилъ... У меня всѣ счастливы! Ты не вѣришь, можетъ быть? Спроси, вотъ жена, не дастъ солгать! (*женѣ.*) Всѣмъ-ли ты довольна? а? говори!

Анна Ивановна. Само-собою-съ, Степанъ Михайлычъ!

Степанъ Михайловичъ. Говори, я приказываю тебѣ! довольна, или нѣтъ?

Анна Ивановна. Могу-ли я быть вами недовольной?

Степанъ Михайловичъ (*ему*). Слышишь? (*дочери*) Ну, а ты, попрыгунка, шалунья! (*беретъ ее за подбородокъ.*) Довольна-ли?

Настасья Степановна (*робко*). Очень довольна-съ!

Степанъ Михайловичъ. Слышишь? (*сыну.*) Ну а ты стихотворецъ, кислякъ, бабій баловень, — ты пожалуй, скажешь, что недоволенъ?

Федоръ Степановичъ. Я всегда и всѣмъ доволенъ!

Навель Петровичъ. Да полно братецъ, какъ же имъ не быть довольными?... Имѣніе все твое, ты могъ его промотать, а ты увеличилъ! Ну, дѣти видятъ тутъ себѣ... такъ сказать, обезпеченіе!... Ну, и благодарны!... Ты примѣрный отецъ! (*Настѣ.*) Какъ вы милы, моя *дусецька!*...

Степанъ Михайловичъ. На повиновеніи утвердилъ я жизнь всего моего семейства! Я не боюсь будущаго, напередъ все своимъ умомъ

предвидѣль и устройль! А что касается до дѣтей... о!... Я то еще для нихъ сдѣлаю, объ чемъ они и не помышляютъ!... Пусть только смотрятъ, да дивятся, каковъ у нихъ отецъ! (*Въ это время сынъ взялъ книгу и читаетъ про себя.*) Это что такое? (*вырываетъ у него книгу.*) Какъ ты смѣешь, за столомъ читать?

Федоръ Степановичъ. Виноватъ, очень интересное мѣсто... и я...

Степанъ Михайловичъ. Невѣжа! дуракъ! чему васъ въ гимназiи учили? Отецъ говоритъ, а онъ книгу читаетъ! И опять романъ! И опять принесъ этотъ Алексѣй Васильичъ, чтобъ его чортъ побралъ! (*бросаетъ книгу.*) Пошелъ вонъ изъ за стола!

Анна Ивановна. Степанъ Михайлычъ!

Павель Петровичъ. Ну, послушай, оставь его... чей романъ? Польде-Кока?... Ну, что жъ... ничего!...

Степанъ Михайловичъ. Вонъ пошелъ!... Ишь-ты, Лермонтовъ! (*Сынъ хочетъ поцѣловать у него руку, онъ отталкиваетъ.*) Прочь!... и не смѣй показываться ко мнѣ на глаза!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же, кромѣ Федора Степановича.

Павель Петровичъ. Я, братецъ, не раздѣляю твоего взгляда на этотъ предметъ... По моему, надо послѣ азбуки, тотчасъ давать романы... Польде-Кока пріучить ихъ къ жизни!

Степанъ Михайловичъ. Ишь ты, пошелъ и прощенія не попросилъ! Набрался фанаберiи въ гимназiи, набилъ голову вздоромъ, вообразилъ себя Пушкинымъ и дурить, дурить мальчишка! Охъ, доведетъ онъ меня! Не для того я отдавалъ его учиться, чтобы онъ уваженiе къ отцу забылъ! Мать; все твое баловство! Все твое!

Анна Ивановна. Да вѣдь еще молоденежъ... Ну, не взыскивайте съ него строго... еще ребенокъ!

Степанъ Михайловичъ. Хорошъ ребенокъ; женить пора! Ты-бы его въ рубашечкѣ водила!

Павель Петровичъ. Я думаю и страстишки того... исхода требуютъ!

Анна Ивановна. И здоровьемъ-то куда, бѣдненькiй, слабенежъ! Сами видите, Степанъ Михайлычъ, какой онъ блѣдный, да худой... кашлитъ такъ нехорошо... Начали, вотъ теперь, парнымъ молокомъ поить... присовѣтывали... Ну, и какъ словно въ тѣло сталъ входить... А то прежде, передъ экзаменами,—смотрѣть было—жалости подобно!...

Павель Петровичъ. Надо, братецъ, ему волю дать! Пусть и на посидѣлки ходитъ, пусть и въ хороводахъ шалитъ. Пусть дурачится и въ жизнь входить!

Степанъ Михайловичъ. Подъ крылышкомъ у матушки баловницы разныя хворости являются, она его закармливаетъ вареньицами, да печеньицами,—а чужіе люди вышколятъ такъ, что и не узнаешь!... Вотъ я его упрячу на службу, въ Петербургъ, отдамъ подъ начальство одного моего стараго пріятеля... Онъ человѣкъ суровый, не нынѣшніе, спуску не дастъ; онъ съ него либерализмъ-то пособьетъ!

Анна Ивановна. Ужъ какая ему служба!... Пусть пока до университета поотдохнетъ!

Павель Петровичъ. А ты его въ университетъ хочешь отдать?...

Степанъ Михайловичъ. Думаль, да передумаль! Зачѣмъ ему въ университетъ? Ученаго профессора я не желаю изъ него сдѣлать... Курсъ въ гимназіи кончилъ первымъ, отдамъ теперь на службу, пусть въ чины входитъ! Заняются они больно въ университетахъ-то, къ родителямъ почтеніе забываютъ!

Анна Ивановна. Ахъ, не такой онъ... почтительный...

Павель Петровичъ. Что же такое ты, братецъ, хотѣлъ мнѣ сообщить?... И въ гости нарочно звалъ, новость какую-то хотѣлъ объявить!...

Степанъ Михайловичъ. И объявлю! Барыни, прогуляйтесь, подите! (*Женщины встаютъ. Дочери.*) Ты что сегодня такая надутая?... Что съ тобой?

Настасья Степановна. Ничего-съ!...

Степанъ Михайловичъ. Съ брата берешь примѣръ, что-ли? Смотри, я этого не люблю, при мнѣ всѣ должны быть съ веселыми лицами!.. Отчего ты хмуришься?

Анна Ивановна. Да отчего ей?

Степанъ Михайловичъ. Не тебя спрашиваютъ! (*дочери*) Отчего?... Говори!

Настасья Степановна. Такъ-съ, ни отчего!

Степанъ Михайловичъ. То-то! не отчего,—такъ и не хмурься!... Ну, улыбайся!... вотъ такъ!... (*деретъ ее слезка за ухо.*) Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, негодница! Смотри веселѣ!... Ну, пошли въ садъ!

Павель Петровичъ. (*цѣлуя руку у Насты, дѣтскимъ выговоромъ.*) Не надо хмуриться, моя невѣста дорогая... отъ этого портится ваше прекрасное личико...

Настасья Степановна. (*освобождая руку*) Я не хмюрюсь!... (*Уходитъ съ матерью; лакеи отставляютъ столъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Степанъ Михайловичъ и Павель Петровичъ.

Павель Петровичъ. У тебя, братецъ, дочка заглядѣнье... глаза, прелесть... Я влюбленъ въ нее!

Степанъ Михайловичъ (*отходя въ сторону и садясь на скамейку*). Вотъ, братецъ, какъ я поступаю съ семействомъ!... Строгость у меня на первомъ планѣ! Вольничать, забываться не позволю! Моя воля законъ! Всѣ передо мной трепещать и не смѣютъ слова сказать; значить внушена—кротость и повинование!

Павель Петровичъ. Молодецъ! Я самъ тоже съ своей дочерью, отчасти, придерживаюсь твоей методы! Она у меня въ дѣтствѣ шали, дурачась, а что касается до карьеры, тутъ я распоряжаюсь по своему!

Степанъ Михайловичъ (*помолчавъ*). Ну, душа, поздравь... вѣдь я въ золотые промыслы ударился!

Павель Петровичъ. Что ты?

Степанъ Михайловичъ. Ей-Богу, право!...

Павель Петровичъ. Можетъ-ли быть?

Степанъ Михайловичъ. Ударился!... Столкнулись мы какъ-то въ губерніи съ Бахтулинымъ,—онъ только-что изъ Сибири прибылъ! Ну, и соблазнилъ онъ меня!... Эхъ ма, была не была! На все ударилъ!

Павель Петровичъ. Какъ на все?

Степанъ Михайловичъ. Кузнецовку и Сырково продалъ!

Павель Петровичъ. Вотъ!

Степанъ Михайловичъ. Обратилъ имѣнье въ деньги, и взошелъ съ Бахтулинымъ въ пай! У нихъ тамъ новыя розсыпи открыты! Милліоны можно нажить! Будетъ ужъ мнѣ по копѣйкамъ-то скалачивать,—хвачу разомъ тыщенокъ сотнягу,—да и шабашъ! Богъ не безъ милости, казакъ не безъ доли,—у другихъ меньше моего было, а теперь милліонами ворочаютъ! Да вотъ ты, не пустишь въ откупа, перебивался бы по копѣйкамъ!

Павель Петровичъ. Да, откупа, дѣло великое! Такъ вотъ какъ: золотопромышленникъ! Что жъ, ты въ Сибирь поѣдешь?

Степанъ Михайловичъ. Вотъ-те два дни! Что мнѣ тамъ дѣлать? У насъ въ Петербургѣ контора устроится, я тамъ поселюсь и стану только проценты получать, а ужъ тамъ будутъ безъ меня работать.

Павель Петровичъ. Одинъ поѣдешь въ Петербургъ, или...

Степанъ Михайловичъ. Всей семьей двинусь! Будетъ ужъ въ захолусты прозябать, надо Божій свѣтъ увидѣть!

Павель Петровичъ. Жена-то, чай, огорчается... Жаль, я думаю, съ деревней-то разстаться?

Степанъ Михайловичъ. Да я еще никому ничего не говорилъ! Зачѣмъ имъ знать, до поры до времени? Развѣ это ихъ дѣло? Развѣ слѣдъ имъ входить въ мои распоряженія? велю укладываться въ

дорогу,—вотъ тогда и узнають! Они должны только слушаться,— а ужъ обдумать и рѣшить мое дѣло!

Навель Петровиць. Поздравляю, поздравляю!

Степанъ Михайловичъ. Да и дѣтямъ надо карьеру сдѣлать!... Эхъ, сынъ-то у меня не на радость, не въ родъ, а изъ роду! все возится съ глупостями: романами, да стихами!—Ну да въ Петербургѣ я примусь за него посвойски! Дочь тоже пристроить хочется за человѣка познатнѣе, да побогаче!.. Я давно замѣчаю, что этотъ бахвалышка, Сусловъ, на нее заглядывается, пронохаль про приданое-то... да нѣтъ, не такого зятя мнѣ надобно...

Навель Петровиць. (*шутя*). Послушай, братецъ, выдай ее за меня! Она этакій *хеловимчикъ*!...

Степанъ Михайловичъ. (*со смѣхомъ*). И съ руками и съ ногами!

Навель Петровиць. Ха, ха!... Ура! завтра свадьба!

Степанъ Михайловичъ. (*серьезно*). Теперь и я могу назваться современнымъ человѣкомъ!. Когда читаешь въ газетахъ, что вотъ тутъ-то основалось такое-то общество, тутъ такое-то,—задоръ бывало, возьметъ! Господи ты, Боже мой! Люди наживаютъ въ мѣсяць ты-сячи, а ты по годамъ только сотняги сколачиваешь!.. За границей, вонъ, всякій свои деньги въ проэктъ пускаетъ, и намъ надо перени-мать хорошее! И вдругъ какъ посчастливится нажить, этакъ ты-сченокъ сотнягу, другую!

Навель Петровиць. Милліонъ наживешь! Умъ, братецъ, у тебя министерскій!.. (*зѣвая*). Однако всхрапнуть немного не мѣшаетъ! (*встаетъ*).

Степанъ Михайловичъ. (*вставая*). Да, чтобъ нажить то, что я нажилъ, надо кой-что въ головѣ имѣть! Небось, мы и въ Петербургѣ не уронимъ себя! а? какъ ты думаешь? уронимъ, или нѣтъ?

Навель Петровиць. Нигдѣ ты себя не уронишь! Ты человѣкъ ге-ніальный! (*идетъ къ дому*).

Степанъ Михайловичъ. Да, въ этомъ чердакѣ (*бьетъ себя по лбу*). матеріалу еще на долго хватитъ, съ этимъ чердакомъ непо-гибнешь! (*оба уходятъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Алексѣй Васильевичъ и Александра Степановна.

Александра Степановна. (*подъ руку съ нимъ*). Михайловка!... милая моя Михайловка!. Пять лѣтъ ужъ я ее не видала!. Каждая тропинка, каждое деревцо мнѣ здѣсь знакомы!... Лужокъ, гдѣ я играла маленькая... Прудъ, гдѣ я каталась на лодкѣ съ няней... Помню, какъ я однажды, чуть не утонула—какъ тогда папенька сердился... вездѣ воспоминанія! Я здѣсь ужъ второй мѣсяць,—а какъ будто одинъ день!.

Алексѣй Васильевичъ. Что же вашъ супругъ не пріѣхалъ съ вами?

Александра Степановна. Ему некогда, у него дѣла! Да онъ и не любитъ деревни... Ему нравится Каменный, Елагинъ островъ... А я не могла жить на тѣхъ дачахъ, я всегда вспоминала родную мою Михайловку! И какъ только подумаю, что я опять скоро должна ѣхать въ этотъ сырой, холодный Петербургъ...

Алексѣй Васильевичъ. А развѣ васъ не радуется свиданіе съ мужемъ?...

Александра Степановна. Радоваться можно свиданію только съ любимымъ человекомъ, а я... меня выдали замужъ, не спросивъ, даже, правится-ли мнѣ женихъ! Онъ былъ присланъ сюда въ губернію на ревизію... Познакомился съ батюшкой, узнать, что у него есть дочь, что онъ за ней даетъ хорошее приданое... И, не выдавъ меня ни разу, сдѣлалъ предложеніе!... Батюшка велѣлъ шить приданое, насъ благословили, свезли въ церковь, потомъ чрезъ мѣсяцъ,—мужъ увезъ меня въ Петербургъ. Вотъ моя исторія,—въ ней нѣтъ ни любви, ни увлеченія...

Алексѣй Васильевичъ. По крайней мѣрѣ, онъ любитъ васъ теперь-то?

Александра Степановна. Право не знаю! Кажется, что ему все равно, съ нимъ-ли я, или нѣтъ!... Теперь представьте вы мою радость, когда я узнала, что вы и сестра любите другъ друга! Мнѣ нечего ожидать счастья, судьба моя рѣшена, хоть на сестру-то глядя я порадуюсь... Она добрая, у ней характеръ превосходный! Любите ее, Алексѣй Васильевичъ, сердце у ней теперь какъ воскъ, вы все можете изъ него сдѣлать, что ни захотите!

Алексѣй Васильевичъ. Сегодня же я думаю сдѣлать предложеніе Степану Михайловичу!...

Александра Степановна. Ахъ Боже мой! Я боюсь!... Хоть пельзя полагать, чтобы онъ вамъ отказалъ, но все таки онъ такой странный, его не узнаешь! Ну, какъ онъ заупрямится?.. Вы же часто съ нимъ не соглашаетесь, спорите!...

Алексѣй Васильевичъ. Онъ самъ вызываетъ на споръ. Онъ начитался безъ толку журналовъ и бредитъ проектами, совершенно невозможными. Вотъ недавно въ нашъ городъ пріѣзжалъ нѣкто Батулинъ, аферамъ себѣ состояніе нажилъ, пустилъ слухъ про какое-то новое товарищество, которое затѣваетъ въ Сибири. Рассказывалъ, будто найдена полоса, гдѣ золото лопатой гребн, показывалъ новопозобрѣтенные чертежи машинъ для принсковъ... Ну, видимое дѣло, что все составлено неосновательно, на обумъ,—и все предпріятіе спекуляція, пuffed, ловушка для новичковъ! А Степанъ Михайловичъ,

спорить, что миллионы можно нажить.. Ну, я и началъ ему доказывать... зачѣмъ же его оставлять въ заблужденіи?

Александра Степановна. Да, онъ что-то часто поговариваетъ объ этомъ обществѣ; я боюсь, чтобы онъ... Впрочемъ я спрошу Павла Петровича, онъ мнѣ разкажетъ, если папенька ему открылъ что-нибудь!. А все таки-бы вамъ слѣдовало быть повоздержнѣе въ спорахъ. Сами на себя пѣняйте, если онъ теперь заупрямится!

Алексѣй Васильевичъ. Авосъ, Богъ дастъ согласится! Онъ самолюбивъ, строгъ,—но на него находятъ и добрыя минуты!

Александра Степановна. Дай вамъ Богъ попасть въ такую минуту! гдѣ же Настя? я пошла се къ вамъ! Неужели, когда вы женитесь, намѣрены всегда жить въ деревнѣ?

Алексѣй Васильевичъ. Непремѣнно; я буду заниматься хозяйствомъ!

Александра Степановна. А въ Петербургъ, къ намъ въ гости, не прїѣдете?

Алексѣй Васильевичъ. Что мнѣ тамъ дѣлать? Прїѣзжайте вы лучше къ намъ!

Александра Степановна. Еслибъ я могла,—я бы никогда не выѣхала отсюда! *(уходитъ въ домъ)*

ЯВЛЕНИЕ V.

Алексѣй Васильевичъ, потомъ Настасья Степановна.

Алексѣй Васильевичъ. Вѣроятно она въ саду?... *(осматриваясь)*
Настасья Степановна!

Настасья Степановна. *(изъ саду)* Алеша!

Алексѣй Васильевичъ. Настенька! *(отходитъ съ ней къ скамейкѣ въ кустахъ.)*

Настасья Степановна. А я только шла въ поле... на встрѣчу къ сестрѣ... Ты съ ней пришелъ?

Алексѣй Васильевичъ. Да, матушка показывала ей свое хозяйство... потомъ отправились сюда... Я хотѣлъ было заложить дрожки,—но она пожелала идти пѣшкомъ!...

Настасья Степановна. Да далеко-ли, всего 4 версты! А я тебя, шутка-ли, со вчерашняго дня не видала! Когда я не вижу тебя мнѣ такъ скучно!... А тебѣ?

Алексѣй Васильевичъ. Да... и мнѣ тоже...

Настасья Степановна. Съ первой нашей встрѣчи... А помнишь, какъ мы встрѣтились съ тобою, когда ты прїѣхалъ изъ Петербурга?... Ты былъ одѣтъ по русски!.. Ахъ, какъ тебѣ пристала красная рубашка и ямщицкая шляпа! И въ этомъ платьѣ ты хороши, а какой ты тогда былъ... Ты одѣнешься еще когда-нибудь въ русское платье?

Алексѣй Васильевичъ. Одѣнусь, если тебѣ этого хочется!..

Настасья Степановна. Одѣнся, одѣнся! А я въ сарафанъ наряжусь... Вотъ чудесно-то! Непремѣнно такъ одѣнемся, если папенька, Богъ дастъ, куда-нибудь уѣдетъ и придемъ оба къ маменькѣ.. А ты тогда сказалъ, помнишь, что ты прикащикъ!. Ахъ обманщикъ какой!. И тебѣ не стыдно?.. А я, дурочка, и повѣрила! право, повѣрила! Потомъ на другой день, мы опять съ тобой встрѣтились... Я притворилась, будто ненарочно, а сама ужъ знала что ты придешь!.. И тутъ я тебя совсѣмъ полюбила... И ты признался, что обманулъ меня, что ты не прикащикъ! А знаешь что Алеша? Я тебѣ не говорила, а я ужъ съ перваго раза думала: что такой за прикащикъ? Какой онъ умный, да ученый, все знаетъ! А помнишь, Леля, ты мнѣ ни слова не говорилъ про свою любовь.. Какъ же такъ сдѣлалось, что мы оба догадались, что любимъ другъ друга? Какъ это сдѣлалось? Я часто, на ночь, думаю объ этомъ, и ничего не придумую! Это какъ-то само сдѣлалось! Я всегда боялась замужества! Павелъ Петровичъ меня маленькую невѣстой называлъ, какъ мнѣ страшно было, я всегда плакала, я думала, что мужа всѣ такіе, какъ мой папенька, сердитые, строгіе, а ты не такой, ты добренькій... Какой у тебя ласковый взглядъ!.. Ты мнѣ говорилъ, что жена не раба, а другъ, что мужа не слѣдуетъ бояться, а надо только любить!.. А можетъ быть, послѣ женитьбы и ты перемѣнишься?

Алексѣй Васильевичъ. Нѣтъ, Настенька, не бойся! Я никогда не перемѣнюсь!

Настасья Степановна. Я не боюсь, а люблю тебя! Папенька напрасно говорить: кого любишь, того и боишься! Это неправда! Вотъ я его боюсь—а не... Господи! прости меня, я грѣшу! Я должна любить своего родителя, а то не долготѣна буду на землѣ!. Ахъ, если бы онъ не былъ такой сердитый!

Алексѣй Васильевичъ. Сегодня же, Настенька, я переговорю съ Степаномъ Михайлычемъ и сдѣлаю ему предложеніе!

Настасья Степановна. (*въ испугъ*). Ахъ, Боже мой!.. Какъ я боюсь его!.. Я убѣгу, спрячусь куда-нибудь!..

Алексѣй Васильевичъ. Полно, мой дружечекъ! Что за ребячество. Какъ онъ ни строгъ, а вѣрно не захочетъ твоего несчастья!

Настасья Степановна. Ахъ, ты его не знаешь!.. Вдругъ заупрямится, и Богъ знаетъ съ чего?.. Ну, какъ онъ разсердится, закричитъ?.. Господи! что со мной будетъ?

Алексѣй Васильевичъ. Полно же, Настенька, не бойся!

Настасья Степановна. Если онъ меня не выдастъ за тебя, — я брошусь въ Острѣчину!

Алексѣй Васильевичъ. Ой-ой-ой! Какіе страхи ты выдумываешь! Вѣрно братъ вслухъ читалъ *Айвено*?

Настасья Степановна. Да читалъ!

Алексѣй Васильевичъ. Оно и замѣтно; ишь какія страшныя мысли!
ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, Анна Ивановна и Федоръ Степановичъ.

Анна Ивановна. Ахъ, Алексѣй Васильичъ... Вы пожаловали.. милости просимъ!..

Федоръ Степановичъ. Здравствуйте, Алексѣй Васильичъ, я ужъ прочиталъ *Айвено*,— одолжите мнѣ другой романъ!

Алексѣй Васильевичъ. Завтра я вамъ принесу *Антикварія*!

Анна Ивановна. Ахъ, Алексѣй Васильичъ, батюшка у насъ въ домѣ что-то неладно!

Алексѣй Васильевичъ. Что такое?

Анна Ивановна. Ужъ и ума не приложу, что... А какъ будто недоброе дѣется... Баринъ что-то затѣваетъ... Вотъ пріѣхалъ этотъ... Павель-то Петровичъ... Не люблю я его, неблагопристойный такой... все бы къ женщинамъ... И совѣтъ объ чемъ-то держать съ бариномъ!.. Намедни нашъ-то, знаете, въ губерніи былъ!... Такъ кузнецовскіе мужички сказывали, что въ городѣ слышали будто баринъ по присутствіямъ ходилъ.. А предводительскіе ребята смѣялись: баринъ-де продалъ васъ! Отецъ Иона тоже за тайную тайность открывалъ, будто баринъ велѣлъ ему два свидѣтельства, Ѳедино, да Настино о крещеніи написать... И печати къ нимъ будутъ прикладывать, къ свидѣтельствамъ-то.. И къ чему это все?. Не придумаю!..

Алексѣй Васильевичъ. Вы-бы спросили у него!.

Анна Ивановна. Какъ-же я смѣю? Ишь что сказали: спроси! Обь двухъ головахъ, я что-ли? Охъ, что-то не доброе затѣвается!.. И примѣты такія нехорошія! Новый шкапъ такъ и трещить. Мыши по ночамъ скребутся, спать не даютъ... Охъ, выживаютъ онѣ насъ!

Алексѣй Васильевичъ. Шкапъ потому и трещить что онъ новый, а мыши и прежде скреблись, да вы не обращали вниманія!

Анна Ивановна. Нѣтъ, не говорите! Ужъ меня примѣта никогда не обманетъ! Коли Васька начнетъ прятаться подь стулья, значитъ Степанъ Михайлычъ сердитъ будетъ, а коли Васька прыгаетъ по стульямъ,—значитъ въ веселомъ духѣ будетъ баринъ... И ужъ эта такая вѣрная примѣта, такая вѣрная... никогда не обманетъ!

Алексѣй Васильевичъ. Я сегодня рѣшилъ поговорить съ Степаномъ Михайлычемъ на счетъ Настеньки!..

Анна Ивановна. (*въ испугѣ*). Ахъ, вотъ, вотъ она... бѣда-то!.. не любитъ онъ васъ, батюшка, за что-то!быть бѣдѣ! Отложите лучше... хоть до завтраго!

Алексѣй Васильевичъ. И такъ долго откладывалъ! Чѣмъ больше медлить, тѣмъ хуже, нужно же рѣшиться!

Настасья Степановна. (*прижимаясь къ матери.*) Маменька! мы уйдемъ, уйдемъ куда нибудь! Спрячемся!

Анна Ивановна. Спрячемся и станемъ молиться Богу! авось сердце его смягчится!

Федоръ Степановичъ. (*застѣнчиво.*) Алексѣй Васильичъ! Я стихи написалъ, посланіе къ ней!

Алексѣй Васильевичъ. Къ кому же это, къ ней?

Федоръ Степановичъ. Это мой секретъ!

Алексѣй Васильевичъ. Ну, прочтите!

Федоръ Степановичъ. Еслибъ вѣдалъ, гдѣ умру я,
Еслибъ зналъ свой смертный часъ,
То-бы доску гробовую
Я заранѣе припасъ!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Александра Степановна (*изъ дому.*)

Александра Степановна. (*встревоженная.*) Алексѣй Васильичъ! мнѣ надо вамъ два слова сказать!..

Алексѣй Васильичъ. Какъ вы встревожены!

Настасья Степановна. Саша, что съ тобой?

Александра Степановна. Я тебѣ послѣ скажу... ты сама узнаешь... Алексѣй Васильичъ! Пройдемтесь по саду!..

Алексѣй Васильевичъ. (*подавая ей руку*) Что такое случилось?

Александра Степановна. (*тихо.*) Я сейчасъ узнала отъ Павла Петровича такую новость... (*въ слухъ*) Мамаша! васъ папенька зоветъ!.. (*уходитъ въ садъ съ Алексѣемъ Васильевичемъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, кромѣ Александры Степановны и Алексѣя Васильевича.

Анна Ивановна. (*въ испугъ*) Зоветъ меня? ой, вѣрно сердце сорвать хочетъ! (*идетъ въ домъ.*)

Настасья Степановна. Что такое случилось? (*идетъ за ней*)

Федоръ Степановичъ. Какъ досадно, что я не успѣлъ прочесть! Кажется не дурно?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Степанъ Михайловичъ. (*изъ дому.*)

Степанъ Михайловичъ. А! всѣ тутъ... Ну, и ладно! Эй, ты, Державинъ! поди сюда! Ну, цѣлуй руку, проси прощенія!

Федоръ Степановичъ. Простите, виноватъ! (*цѣлуетъ руку.*)

Степанъ Михайловичъ. То-то виноватъ! Смотри, чтобъ впередъ этого у меня не было!

Федоръ Степановичъ. Слушаю-съ!

Степанъ Михайловичъ. Ну, женскій полъ,—слушай! Я вамъ новость скажу!

Анна Ивановна. (*про себя*) Охъ, сердечушко забилось!

Степанъ Михайловичъ. Вы вѣдь до новостей-то падки! Кашей не корми, а секретъ разкажи! Не даромъ ваше любопытство въ половицу вошло! Этакая новость вамъ и во снѣ никогда не грезилась! (*промогласно*). Собирайтесь въ Санктпетербургъ!

ВМѢСТѢ

Анна Ивановна. (*поблѣднѣвъ*) Въ Петербургъ?!

Настасья Ивановна. (*вздвинувъ*). Господи!

Федоръ Степановичъ. (*весело*). Слава Богу!

Степанъ Михайловичъ. (*мобуясь впечатлѣніемъ*.) Да... въ Петербургъ! Что? отъ радости, чай, духъ захватило? Ну, могли-ли вы когда вообразать, что увидите эту сѣверную Пальмиру?

Анна Ивановна. Въ Петербургъ? Да надолго-ли?

Степанъ Михайловичъ. Навсегда!

Анна Ивановна. Какъ навсегда?.. А какъ же домъ, хозяйство? На кого Михайловку—то оставимъ?

Степанъ Михайловичъ. Михайловка заложена!

Анна Ивановна. Какъ заложена?

Степанъ Михайловичъ. Это покуда,—а тамъ можетъ совѣмъ спущу! Подъ Петербургомъ купимъ имѣнье, на желѣзной дорогѣ! А Кузнецовка и Сырково—проданы!

Анна Ивановна. Какъ? Кузнецовка... Сырково... проданы... Ахъ!.. (*у ней подкашиваются ноги; дочь ее поддерживаетъ, сынъ подставляетъ стулъ*.)

Степанъ Михайловичъ. (*хмурясь*.) Безъ слезъ, жена! Слушай Анна: безъ слезъ, говорю! Дѣло сдѣлано, его теперъ ничѣмъ не воротишь! Не первый годъ ты со мной живешь! Можно нашу Острѣчину на верхъ заставить течь? Можно мою волю назадъ повернуть? Кузнецовка и Сырково—проданы! Слышишь? Я ихъ продалъ! Значитъ конецъ, отрѣзано!

Анна Ивановна. (*рыдая*.) Кузнецовка! Сады-то, сады!.. Сырково... храмъ Божій—проданы!..

Степанъ Михайловичъ. Счастія своего не понимаешь! Куда ты отсюда ѣдешь?—въ Европейскую столицу! Другая-бы на аршинъ припрыгнула отъ такой радости, а ты... О, деревня такъ деревня и есть! (*дочери*) А ты что? и ты тоже хнычешь?

Настасья Степановна. (*стараясь быть веселой*) Нѣтъ-съ, папенька!

Степанъ Михайловичъ. Поди ко мнѣ! Ну не плакать! Будь поумѣ матери!.. Скажи ей, чтобы она на старости лѣтъ, съ ума не схо-

дила! Иной-бы полжизни отдалъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть, гдѣ мы будемъ всю жизнь проводить!

Анна Ивановна. Вонъ въ Питерѣ-то, говорятъ, мука по золотникамъ продается... А мы бросимъ такое угодые!..

Степанъ Михайловичъ. Молчи, надоѣла! Чтожъ, я это сдѣлалъ къ худу, что-ли? а? говори! Зла я вамъ желаю? зла? говори!

Анна Ивановна. Какъ же можно говорить зла? Мнѣ только жалко...

Степанъ Михайловичъ. А если не отъ зла, значитъ съ дуру? Съ дуру, что-ли? говори? Глушь я, по твоему?

Анна Ивановна. Какъ же можно это подумать?

Степанъ Михайловичъ. Славнаго же ты мнѣнія обо мнѣ, когда не довѣряешься на мое рѣшеніе! Такъ—то ты меня уважаешь? Человѣкъ всю свою жизнь положилъ на жену, да на дѣтей, собственнымъ умомъ нажилъ состояніе, а она вонъ какъ поговариваетъ! Да если я до сихъ поръ все къ добру вель, какъ же ты смѣешь во мнѣ сомнѣваться! Ужъ если я, что положилъ, значитъ, хорошо! Если я скажу: ѣдемъ въ Петербургъ, не то что въ Петербургъ, за границу, на край свѣта, ты должна молчать, не разсуждать и повиноваться!

Анна Ивановна. Я повинуюсь, Степанъ Михайлычъ... видно судьба наша такая!

Степанъ Михайловичъ. Судьба! что за глупое слово! Судьбы нѣтъ! Человѣкъ самъ воленъ въ своей судьбѣ, для того ему и разумъ въ голову вложенъ! Я всю жизнь трудился, заботился объ васъ, за то вы теперь живете въ благоденствіи и полномъ счастіи, вотъ тебѣ и судьба! Уѣдемъ въ Петербургъ, сына отдамъ на службу, дочь замужъ, а мы, старики, будемъ смотрѣть на нихъ, да радоваться! Вотъ какая наша судьба! Я самъ себѣ ее устроилъ!

Анна Ивановна. Ваша воля, Степанъ Михайлычъ!

Степанъ Михайловичъ. Ну, да, знаю, что моя воля! Только мнѣ одно досадно: видѣвши, какъ меня, не только что въ уѣздѣ, въ губерніи всѣ уважаютъ.—никогда ты не можешь, чтобъ неусумниться въ моемъ рѣшеніи! Нехорошо! я недоволенъ тобой! Вотъ тебѣ мое грозное приказаніе, и не заставляй меня повторять его: утри слезы, и съ завтрашняго дня, укладывай свои тряпицы. Рухляди—тамъ этихъ банокъ съ вареньемъ, соленьемъ,—не брать! Въ Москвѣ на машину сядемъ!

Анна Ивановна. На машину! Господи!

Степанъ Михайловичъ. Чего испугалась? Натолковали, что нечистая сила возитъ! О-то-деревня! Науку за дьявола принимаютъ! Берри только необходимое! Тряпье свое, и дочкино, что похуже, да позаношено,—раздай по бѣднымъ... Тамъ я вамъ модныхъ нарядовъ

нашью, а въ этихъ, какъ вы выдете на Невскій проспектъ—засмѣютъ!... Слышала?...

Анна Ивановна. Слышала.

Степанъ Михайловичъ (дочери). Ну, а ты, стрекоза, пойми, что ѣдешь въ столицу, и старайся, хоть по малости, приспособить себя къ этому... Ты не можешь себѣ вообразить, какое объ тебѣ отецъ попеченіе имѣетъ! Таковую я тебѣ партію составлю, что и помышлений твоихъ не хватитъ! Ну, благодари! (*дочь цѣлуетъ у него руку и плачетъ.*) Опять плакать! Охъ, эти бабы! неразумное племя! Сами не знаютъ объ чемъ хнычатъ!... Ну, разливайтесь, разливайтесь, вѣдь это вамъ ни по чемъ!

Анна Ивановна (удерживая рыданія). Степанъ Михайлычъ! батюшка, не сердитесь! Мы не будемъ... мы сегодня только.. вотъ теперь... не можемъ удержаться... а то не будемъ!...

Степанъ Михайловичъ (подтрунивая). Ну, отплачьтесь, отплачьтесь! Ха, ха! вдвоемъ-то вамъ веселѣе плакать! (*сынъ сердито.*) Эй, ты! поэтъ! Если ты, неслухъ, баловень, да не перемѣнишься, не будешь какъ быть слѣдуетъ человѣку, въ гробъ я тебя вгоню! Легче мнѣ будетъ видѣть тебя въ могилѣ, чѣмъ имѣть на мѣсто наслѣдника, подпоры,—какую-то тряпку, размазю! Стихотворство изволь бросить! Къ чорту эту пачкотню! Вѣдь ужъ Пушкинымъ не будешь?... Здѣсь я смотрѣлъ на эти глупости сквозь пальцы, а если въ Петербургѣ я увижу у тебя клочекъ, исписанный стихами,—плохо тогда тебѣ будетъ! Я тебя опредѣлю на службу, подъ начальство такого человѣка, который шутить не любитъ, стараго покроя!... Потри-ко лямку!

Федоръ Степановичъ. На службу? Папенька, вы общались въ университетѣ!

Степанъ Михайловичъ. Зачѣмъ въ университетѣ? Заняетесь вы тамъ очень!... Уваженіе къ старшимъ теряете! Учень довольно! Опредѣлю на службу,—а тамъ дорога открытая! Глядишь и чинокъ дадутъ,—а тамъ и орденкомъ украсятъ!

Федоръ Степановичъ. Я неспособенъ къ службѣ!

Степанъ Михайловичъ. Что-о? Въ кузнецы отдамъ, въ каменотесы и тутъ будь способенъ! Еще способности разбирать! чѣмъ прикажу—тѣмъ и будь!..

Федоръ Степановичъ. Слушаю!

Степанъ Михайловичъ. Разложи ты среди двора костеръ, зажги его, да и свали туда всѣ свои оды и поэмы! Слышишь?

Федоръ Степановичъ. Слушаю!

Степанъ Михайловичъ. Кабы вы чувствовали всѣ мои заботы и попеченія, вы-бы не стали противорѣчить мнѣ! Развѣ я для себя хло-

почу?—Для дѣтей! Я вамъ оставлю послѣ себя, можетъ быть, милліоны!.. Будетъ чѣмъ отца помянуть! На насъ теперь деньги дождемъ посыплются! Вся наша губернія разинетъ ротъ! Не увидитъ,—такъ услышитъ, каковъ Степанъ Михайлычъ Трубинъ-Разладинъ!

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Навель Петровичъ.

(Лакеи накрываютъ столъ, ставятъ на него чаши, стаканы, множество разнообразнаго печенья, графинъ съ коньякомъ и потомъ самоваръ).

Навель Петровичъ *(изъ дому)*. Демосеенъ! что ты тутъ ораторствуешь?

Степанъ Михайловичъ. Да вотъ, братецъ, объявилъ домашнимъ новость!

Навель Петровичъ *(Настъ)*. Ахъ, моя невѣста! Ну что, мой ангелѣцки, рады вы, что поѣдете въ Петербургъ?

Настасья Степановна. Рада-съ!

Навель Петровичъ. Тамъ вы будете блистать, какъ *звѣздочка*! Какъ можно такой красотѣ прозябать въ деревнѣ?

Степанъ Михайловичъ. Рады онѣ, какъ же! Послушай, какъ спорять!

Анна Ивановна *(заваривая чай)*. Что же намъ спорить? Какъ мы можемъ спорить!.. жалко только...

Степанъ Михайловичъ. Ну, молчите-съ!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же, Александра Степановна и Алексѣй Васильевичъ.

Алексѣй Васильевичъ *(встревоженный)*. Мое почтеніе, Степанъ Михайлычъ!

Степанъ Михайловичъ. А, здравствуйте, Алексѣй Васильичъ! *(Александръ.)* Ты гдѣ пропадешь? Что къ обѣду не являешься? Какую манеру взяла!..

Александра Степановна. Я не хотѣла обѣдать!

Степанъ Михайловичъ. Не обѣдай,—а сиди за столомъ! вольница кака! У меня, чуръ, своихъ порядковъ не заводите! Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ! Вотъ уже я мужу напишу!

Алексѣй Васильевичъ *(онъ перелмянулся съ Анной Ивановной и Настей)*. Степанъ Михайлычъ! Я сейчасъ узналъ... мнѣ сказали... Неужели это правда?

Степанъ Михайловичъ. Что же такое вы изволили узнать?

Алексѣй Васильевичъ. Что вы ѣдите въ Петербургъ!

Степанъ Михайловичъ. Ъду-съ.

Алексѣй Васильевичъ. И со всѣмъ семействомъ?!

Степанъ Михайловичъ. И со всѣмъ семействомъ!

Алексѣй Васильевичъ. И что вы продали Кузнецовку и Сырково, а деньги отдали Бахтулину... на ту спекуляцію, о которой вы говорили!. Неужели это все правда?

Степанъ Михайловичъ. Вотъ что, сударь; я ужъ больше полусотни лѣтъ маячусь на бѣломъ свѣтѣ, до сихъ поръ жилъ своимъ собственнымъ умишкомъ,—и жилъ съ каждымъ годомъ лучше и лучше,—а за совѣтами ни къ кому не бѣгалъ! Такъ ужъ подъ старость не стать мнѣ учиться!.. А вы вотъ прежде проживите съ мое, наживите съ мое, да вырастите вотъ этакихъ пострѣлять и давайте имъ наставленія! А ужъ яйцамъ курицу учить не приходится!

Павель Петровичъ (*за столомъ*). Мнѣ неполный наливайте... я коньякомъ долю!

Анна Ивановна. Алексѣй Васильичъ!.. чайку стаганчикъ!

Алексѣй Васильевичъ. Я... благодарю васъ... мнѣ...

Степанъ Михайловичъ (*перебивая*). Если вамъ некогда, такъ мы удерживать не смѣемъ!

Анна Ивановна и Александра Степановна. Степанъ Михайлычъ! Папенька!

Степанъ Михайловичъ. Вы что?!.. (*Ему*). Мы, какъ теперь собираемся въ путь-дорогу, будемъ заняты!.. Просить васъ къ себѣ не смѣемъ! Ну, а коли въ Петербургѣ случится быть, не забывайте!

Алексѣй Васильевичъ. Очень сожалью, Степанъ Михайлычъ, что мы не сошлись съ вами! Я всѣми силами хлопоталъ объ этомъ, но вы, Богъ знаетъ за что, не полюбили меня! Прощайте, желаю успѣха вашему предпріятію. Можетъ быть, въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, мы свидимся съ вами и вы тогда узнаете меня покороче. Прощайте, Анна Ивановна! Мое почтеніе, Александра Степановна, Настасья Степановна. До свиданія, Одея! Желаю вамъ успѣховъ на службѣ! (*встѣмъ*). А вамъ счастливой и веселой жизни въ Петербургѣ! (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, кромѣ Алексѣя Васильевича.

Павель Петровичъ. Препустѣйшій, должно быть, малый!

Степанъ Михайловичъ. Хвастунъ! Бахвалъ! Гордецъ! Учить вздумалъ! (*Настѣ*). Ты что ревешь? Смотри! (*грозитъ ей*). Смотри, если я чуть что... Понимаю я!.. И помыслить ты объ этомъ не смѣй, иначе... Смотри, смотри!!

Анна Ивановна. (*сквозь слезы*). Полно, полно! Чего расплакалась?

Александра Степановна. Пойдемъ въ садъ, Настя! (*встаетъ*).

Степанъ Михайловичъ. Сидѣть! (*Всѣ садятся за столъ и пьютъ чай. Молчаніе*).

Навель Петровичъ. Славный коньякъ у тебя... отъ Елисеѣва выписываешь?

Степанъ Михайловичъ. Теперь, стало быть, все объявлено, рѣшено и покончено! Вотъ какъ у насъ дѣла дѣлаются! Вотъ какое мое управленіе!

Навель Петровичъ. Образцовое, примѣрное!

Степанъ Михайловичъ. Да! безъ похвалыбы могу назвать себя, истиннымъ отцемъ семейства!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

Въ Петербургѣ. Антрактъ 2 года.

ДѢЙСТВІЕ второе.

Комната, убранная довольно богато.

ЯВЛЕНІЕ I.

Настасья Степановна, потомъ Анна Ивановна.

Настасья Степановна. (*раскладывая карты*) Ахъ, сколько пикъ... разъ, два, три, четыре... пять! пять пикъ! ахъ, вотъ еще осьмерка... шесть! слезы... больная постель... ударъ, въ казенномъ домѣ... ай-ай!

Анна Ивановна. (*съ письмомъ*) Брось карты, грѣхъ, завтра праздникъ!... На-ка, вотъ письмецо...

Настасья Степановна. (*вскакивая*). Письмо? отъ Алексѣя Васильича? (*распечатываетъ*).

Анна Ивановна. Извѣстно отъ него! Кому же больше ко мнѣ писать?

Настасья Степановна. (*читаетъ*). «Добрѣйшая, Анна Ивановна! Я получилъ ваше послѣднее письмо, чрезвычайно благодарю за него и отъ души радуюсь, что вы здоровы. Вотъ ужъ скоро два года, какъ я разстался съ вами, когда-то Господь приведетъ опять свидѣться? Ъхать мнѣ къ вамъ въ Петербургъ не зачѣмъ; хоть я и ни слова не говорилъ Степану Михайлычу о Настинькѣ, но можно заранѣе ручаться, что онъ откажетъ на отрѣзъ, тѣмъ болѣе теперь, когда, какъ вы пишете, дѣла его пошли хорошо, въ чемъ, я, извините, сомнѣваюсь. Быть не можетъ, чтобы изъ этого предпріятія вышло что нибудь доброе. Я во всемъ положился на Бога, пусть будетъ то, что Ему угодно. Скажите Настенькѣ, что я люблю ее по преж-

нему, скажите, чтобы она не грустила, авось, Богъ поможетъ намъ. Прощайте, добрыйша Анна Ивановна. Маменька вамъ кланяется, а Настеньку цѣлуетъ тысячу разъ. Оедѣ поклонъ. Преданный вамъ, какъ сынъ, Алексѣй Сусловъ. Настенька, другъ мой, прошу негрустить!»

Анна Ивановна. Ужъ я такъ привыкла къ нему, словно къ сыну... Посмотрѣла бы я на него... Разказалъ-бы про нашу Михайловку... Что-то нашъ домъ, садикъ? чай все въ небреженіи... Вотъ теперь весеннее время... какъ у насъ въ саду-то деревцы распустились... Благодать, чай какая... Сырень твоя, у окошка-то, поди распустилась яблоньки забѣлѣли... Ароматы идутъ... птички чиркаютъ... А здѣсь-то? О-охъ, охъ, охъ! Квартира холодная, сырая, вездѣ камнемъ вымощено... Ни березки кругомъ, ни лужечка... Охъ, лѣто-то лѣтнское съ ума сойдешь здѣсь съ тоски... Ну, ужъ Питерь! и что это лезутъ въ него? Дороговизна такая, что и—и... Къ маслу, къ мукѣ приступу нѣту... Покуай всего по мелочи! А дома-то, бывало, какъ войдешь въ амбаръ,—сердце радуется; закромы ломятся подъ добромъ! И все теперь въ заустѣніи! Вспомнишь,—сердце кровью оболется!

Настасья Степановна. *(она читала письмо про себя)* Ну, что бы ему пріѣхать хоть не надолго... ну, хоть на полчаса.. ну, на день... или на недѣлку, только бы на недѣлку!

Анна Ивановна. Да что ему ѣхать-то? Какъ на него отецъ-то смотреть! Да и работы у него въ деревнѣ.. И зачѣмъ онъ пріѣдетъ? Раздражать себя только!

Настасья Степановна. Что же это будетъ? Чѣмъ же это все кончится?

Анна Ивановна. А чѣмъ кончится?—Господь знаетъ!. Не войдешь въ отцовское сердце! Можетъ завтра приведетъ кого ни на есть, да и велитъ тебѣ подъ вѣнецъ собираться!

Настасья Степановна. Маменька! что вы говорите?

Анна Ивановна. Почему знать! Какая его воля будетъ?

Настасья Степановна. Маменька, да я ни за кого не пойду, кромѣ Алексѣя Васильича!.. Ахъ, папенька, папенька! Я-бы призналась ему, какъ я люблю Алексѣя Васильича, я бы сказала ему, что безъ него, мнѣ жизнь не въ жизнь... Еслибы только онъ не былъ такъ строгъ!

Анна Ивановна. Ужъ и не говори, и прежде-то крутъ былъ, а теперь, Богъ его знаетъ съ чего,—еще лютѣе сдѣлался!

Настасья Степановна. Господи! что онъ со мной сдѣлаетъ, когда узнаетъ, что я люблю Алексѣя Васильича и переписываюсь съ нимъ? Господи!

Анна Ивановна. Полно, пустяки говорить! Какъ ему узнать? Письма Алексѣя Васильичъ на мое имя посылаетъ!.. Ну не плачь, и меня въ слезы вводишь!

Настасья Степановна. Ахъ, маменька, маменька! Какая наша съ вами невеселая судьба!

Анна Ивановна. Потерпимъ... не ропщи... Господь милостивъ... надѣйся и уповай на Него... Не плачь же, будь паюшкой, будь паюшкой!.. (*кладетъ ее по головъ*) Покормила-бы тебя вареньицемъ, да ужъ какое здѣсь лавочное варенье! Что бы хоть варенье-то взять? Все въ Михайловкѣ осталось! Вишня, клубника и смородина трехъ сортовъ...

Настасья Степановна. Маменька! Не прочесть-ли вамъ еще разъ письмо?

Анна Ивановна. Ну, прочти, прочти!..

Настасья Степановна. «Добрѣйшая, Анна Ивановна! Я получилъ ваше послѣднее письмо...

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Степанъ Михайловичъ.

Настасья Степановна. Ай, папенька! (*быстро прячетъ письмо.*)

Степанъ Михайловичъ. (*со шляпой и палкой изъ своей комнаты*) Что ты спрятала? а?... что ты спрятала?

Настасья Степановна. Ничего-съ!

Анна Ивановна. Что ей прятать?

Степанъ Михайловичъ. Не видалъ я, что ли? Слѣпъ я по вашему? а? покажи! Ну что?

Настасья Степановна. Письмо-съ...

Степанъ Михайловичъ. (*вырывая письмо*) Отъ кого это? А, вонъ отъ кого.. (*читая*) «Добрѣйшая Анна Ивановна! Я получилъ ваше послѣднее письмо—».... Съ чего ты это вздумала переписываться съ нимъ? Какое дружество завелось! Смотри, чтобъ впередъ у меня этого не было! (*рветъ письмо и бросаетъ его на полъ*) И къ чему эти тайны, къ чему скрываетесь отъ меня? Говорите вслухъ, громко! Не смѣть у меня шептаться!

Анна Ивановна. Мы не шепчемся!

Степанъ Михайловичъ. Поспорь! Человѣкъ день денской махтятся, махтятся,—придетъ домой успокоиться,—а дома только непрятности дѣлаютъ! Въ людяхъ горе, а дома вдвое!

Анна Ивановна. Какое же горе?

Степанъ Михайловичъ. Ни какое! Не твое дѣло! Знай свою кухню! Тамъ твое мѣсто. Писемъ не приносили?

Анна Ивановна. Вотъ это только...

Степанъ Михайловичъ. (*швыряя ногой клочки*) Хотя бы вѣкъ его не было!.. (*самъ собой*) Никакой вѣсти.. никакой.. что же это значитъ? (*садится, задумывается, потомъ смотритъ на часы*) Еще рано... да

вѣдь почта пришла... (*опять ходитъ*) Сегодня должно быть извѣстіе... должно непременно!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Федоръ Степановичъ.

Степанъ Михайловичъ. А, изъ должности?

Федоръ Степановичъ. (*въ вицъ-мундиръ, худой, блѣдный входитъ кашляя, съ кинотою бумагою и садится въ изнеможеніи на первый стулъ*) Да-съ, изъ должности... (*сильно кашляетъ*)

Степанъ Михайловичъ. Какъ ты смѣешь садиться, когда отецъ говоритъ съ тобой?

Федоръ Степановичъ. (*приподымаясь*) Извините, папенька, я такъ слабъ... поднялся я на лѣстницу... не могу.. одышка.. ноги дрожать... (*опускается на стулъ и кашляетъ*)

Анна Ивановна. (*подходя къ нему*) Ишь онъ, больнехонекъ! Ну, что-жъ.. Не сердитесь на него, Степанъ Михайлычъ.

Степанъ Михайловичъ. Онъ тебя долженъ благодарить за свою немочь! ты его такимъ сдѣлала! Вотъ они, вареньицы, да печеньицы,—отрыгнулись!.. Держать бы въ черномъ тѣлѣ, на щакъ, да на кашѣ, не былъ бы такимъ кислякомъ!. Куда! Отецъ пристраститъ, а матушка—баловница по головкѣ погладить.. вотъ и вышелъ за мѣсто мужчины, размазня! Нѣтъ—какъ меня отецъ-покойникъ въ ежовыхъ рукавицахъ держалъ, такъ вышелъ, небось человекъ! Цѣлые дни на морозѣ проводилъ, въ болотахъ ночевывалъ, мякину ѣдалъ, и не зналъ никакихъ хворостей!

Федоръ Степановичъ. Папенька! я вѣдь не нарочно... я самъ не радъ.. слабость такая... грудь болить... должно быть отъ работы!..

Степанъ Михайловичъ. Ха! ха! ха! Отъ работы! Велика твоя работа... такъ ли твой дѣдъ и отецъ работали? Да за эту работу ты мнѣ долженъ въ ноги кланяться, а не жаловаться на нее! Тяжелая работа, перомъ скрипѣтъ! Нѣтъ въ васъ ни въ комъ чувства, неблагодарные! Гдѣ бы порадовать отца за его благодарѣнія, а ты только огорченія приносишь!

Федоръ Степановичъ. Папенька, вѣдь я тружусь... вонъ какую кипу дали... всю ночь просижу.. не извольте гнѣваться.

Степанъ Михайловичъ. Чтобъ у меня этихъ оховъ впередъ небыло! не люблю я этого! Не отчего тебѣ заболѣтъ, самъ на себя дурь напускаешь!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Павелъ Петровичъ.

Павелъ Петровичъ. Здравствуй, Степанъ Михайлычъ!

Степанъ Михайловичъ. А, здорово!..

Павелъ Петровичъ. (*кланяясь встѣмъ*) Мое почтеніе! (*Настасья Степановна.*) Какъ вы въ своемъ здоровьѣ моя звѣздочка?.. невѣста моя дорогая?

Настасья Степановна. Благодарю васъ... я здорова.

Навель Петровичъ. Чрезвычайно радуюсь. А я, братъ, къ тебѣ проститься, сейчасъ въ Москву ѣду!

Степанъ Михайловичъ. Въ Москву? Зачѣмъ?

Навель Петровичъ. Дочь за мужъ выдаю, она тамъ живетъ у тетки... Наконецъ сваливаю съ рукъ...

Степанъ Михайловичъ. Вотъ какъ! Поздравляю! За кого?

Навель Петровичъ. За Юлія Петровича Гусинскаго!

Степанъ Михайловичъ. А! да вѣдь ему лѣтъ шестьдесятъ?

Навель Петровичъ. Безъ малаго! Ничего... За то, братъ, первый богачъ по Москвѣ! Одинъ одишешенекъ, — умереть, все женѣ останется! Увидалъ мою дочь на балу—и влюбился! Тетка, какъ-то все обдѣлала! Геніальная, братъ, женщина на этотъ счетъ!.. Ну, да мнѣ бы только развязаться!.. А партія славная!

Степанъ Михайловичъ. Партія завидная!

Навель Петровичъ. Ну, а какъ твои дѣла?

Степанъ Михайловичъ (*отводя въ сторону*). Ни слуху, ни духу! Жду вѣстей! Что-то будетъ? вѣдь тамъ *весь* мой капиталъ!

Навель Петровичъ. Какъ весь?

Степанъ Михайловичъ. Да вотъ, мѣсяца четыре тому назадъ, я Бахтулину послалъ еще 20 тысячъ, остальные! Требовалъ!.. Писалъ, что безъ этихъ денегъ прежнія должны бы были пропасть! Какъ не послать?

Навель Петровичъ. Разумѣется!

Степанъ Михайловичъ. Послалъ, и никакихъ вѣстей! Писалъ — нѣтъ отвѣта! Въ конторѣ тоже съ часу на часъ ожидаютъ денегъ... сейчасъ туда собрался... нѣтъ ли какихъ вѣстей?

Навель Петровичъ. Поѣдемъ вмѣстѣ... Прощайте, моя невѣста! Ужасно сожалѣю, что не буду имѣть счастья видѣть васъ на свадьбѣ дочери. Ну, да ужъ мы потанцуемъ на своей собственной!

Степанъ Михайловичъ (*женѣ*). А ты, потатчица, смотри! Я то сдѣлаю, что ты его вовсе видѣть не будешь!.. (*показываетъ на сына*). Найму ему гдѣ нибудь, горенку, и не велю показывать сюда глазъ! (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Анна Ивановна, Настасья Степановна и Ѳедоръ Степановичъ.

Ѳедоръ Степановичъ. Боже мой! Развѣ я виноватъ, что мнѣ такъ нездоровится?

Настасья Степановна. Сегодня папенька не въ духѣ!

Анна Ивановна. Когда онъ нынче бываетъ въ духѣ?.. Пойдемъ, покушай, Ѳединька... ты еще не обѣдалъ, голубчикъ...

Одоръ Степановичъ. Я не хочу обѣдать, маменька! Самъ не знаю, что со мной... силы съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе...

Анна Ивановна. Это весной завсегда такъ... вотъ и мнѣ тяжело... Богъ дастъ весну переможешься... лѣтомъ пооблегчаетъ!..

Одоръ Степановичъ. Кабы на лѣто уѣхать въ Михайловку, я бы вѣрно выздоровѣлъ тамъ... въ садикѣ нашемъ подышать чистымъ воздухомъ... Ахъ, маменька, если бы вы знали, какъ душно тамъ, куда я хожу на службу! Народу множество; и служащихъ и просителей... и всѣ такіе невеселые, мрачные ходять... И какъ сравню я эту темную комнату съ нашимъ домомъ въ Михайловкѣ, какъ тамъ все глядѣло привѣтливо... ласково... а здѣсь... Казенные шкапы, и тѣ, какъ будто, на тебя косятся... задумаюсь я о прежнемъ житѣи и навру что нибудь въ бумагѣ... Начальникъ сердится...

Анна Ивановна. Это отцовскій знакомый?

Одоръ Степановичъ. Да, онъ нехорошій человѣкъ! Никто его не любитъ! Какой, говорятъ, взяточникъ... любить, чтобъ ему льстили, подличали передъ нимъ! а я не могу, не умѣю!.. Гордецомъ называетъ, папенькѣ хочетъ жаловаться... Начнетъ конфузить передъ всѣми, ну, а тамъ и рады, смѣются надо мною!.. И душно-то мнѣ тамъ, и обиды и насмѣлки я долженъ терпѣть, а домой приду, папенька сердится, бранить! Онъ говоритъ, что все для счастья моего дѣлается... Нѣтъ, не надо мнѣ такого счастья; я у него въ университетъ просился!

Анна Ивановна. Потерпи... переможись... авось умягчится его сердце!

Одоръ Степановичъ. И книги въ руки взять некогда... вонъ какую кипу навалили... переписывай... скучныя, прескучныя бумаги, тяжбы какія-то... Я пишу, а иногда самъ не понимаю, что пишу! (*кашляетъ*).

Настасья Степановна. Ахъ, какой кашель! Неостороженъ ты, Оедя, простужаешься!

Одоръ Степановичъ. Онъ всегда у меня... ночью спать не даетъ!

Анна Ивановна. Ну, поди, прилягъ, коли кушать не хочешь, — отдохни немножко... А я самоварчикъ велю наставить, да горяченькимъ тебя напою!

Одоръ Степановичъ. Да... я горяченькаго бы выпилъ!..

Анна Ивановна (*ведетъ его въ боковую комнату*). Пойдемъ, пойдемъ, мое хворое дитяtko, не на радость я принесла тебя... тѣломъ немощенъ и сердце твое завсегда неспокойно. О-охъ-охъ-охъ! Такія наши прегрѣшенія! (*уходитъ съ нимъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Настасья Степановна (одна. Она подобрала клочки письма и складывала их на стол, во время прошедшей сцены). Господи! чѣмъ все это кончится? Надо съѣздить къ Скорбящей отслужить молебенъ... хорошо, говорятъ! Вотъ еще Катерина говоритъ, что здѣсь есть какал-то Мареуша хородивая... все до ниточки расскажетъ, чему случиться... Я попрошу маменьку съѣздить къ ней!.. Вдругъ какъ напророчить свадьбу съ Алексѣемъ Васильичемъ?... А почему знать?..

ЯВЛЕНИЕ VII.

Настасья Степановна и Александра Степановна.

Александра Степановна (входя). Здравствуй, Настя!

Настасья Степановна (вздрагивая). Ахъ! (прячетъ со стола клочки.) Это ты, Саша! здравствуй! (цѣлуются.) А я думала, не папенька-ли?

Александра Степановна. А гдѣ онъ?

Настасья Степановна. Ушелъ съ Павломъ Петровичемъ! Кажется въ контору.

Александра Степановна. Онъ получилъ какое нибудь письмо?

Настасья Степановна. Нѣтъ, но онъ дожидается! А я съ маменькой получила отъ Алексѣя Васильича!.. И, вообрази, оно поналось папенькѣ! Слава Богу, что онъ не прочитавши разорвалъ его! Я сейчасъ сложу и прочту тебѣ его!

Александра Степановна. Послѣ! Увѣрена-ли ты, что онъ точно любитъ тебя?

Настасья Степановна. Да, разумѣется,—ты сама это знаешь!

Александра Степановна. Не расчитываль-ли онъ на твое приданое?

Настасья Степановна. Сашенька, что ты говоришь? Развѣ онъ такой человѣкъ?

Александра Степановна. Почему знать; чужая душа потемки!

Настасья Степановна. Что ты говоришь, Саша?.. я право не понимаю!

Александра Степановна. Поймешь сейчасъ! Гдѣ маменька?

Настасья Степановна (въ дверь). Маменька! маменька! Саша, сестра пріѣхала!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и Анна Ивановна.

Анна Ивановна. Здравствуй, Сашенька!.. Здорова-ли? что мужъ? (цѣлуются.)

Александра Степановна. Слава Богу... здоровъ!..

Анна Ивановна. А братъ-то у насъ, что-то прихворнулъ... ка-

шель... да жаръ такой... малинкой хочу напоить!.. Да что ты, Сашенька, какъ будто не въ себѣ?

Настасья Степановна. Въ самомъ дѣлѣ, какая ты разстроенная!

Александра Степановна. Это оттого, что я пришла съ не совѣсьмъ пріятнымъ извѣстіемъ!

Настасья Степановна и Анна Ивановна. Что такое?... Какое извѣстіе?

Александра Степановна. Мужъ сейчасъ сказалъ мнѣ, что носятя непріятные слухи, о томъ предпріятіи, на которое папенька отдалъ свой капиталъ... Говорять, что розсыпи найдены самыя незначительныя, а денегъ на разныя машины и на разработку истрачено множество... что главный учредитель Бахтулинъ, ужасный плутъ, что онъ обманулъ пайщиковъ и всѣ капиталы пропали!

Анна Ивановна. Вѣдь у отца-то всѣ деньги тамъ были!

Настасья Степановна. Господи!

Александра Степановна. Вотъ какое извѣстіе!

Анна Ивановна. Вотъ бѣда-то... вотъ дожили!..

Настасья Степановна. Что будетъ съ папенькой? съ нами, что будетъ?

Александра Степановна. Сейчасъ мужъ поѣхалъ къ одному своему знакомому, и узнаетъ навѣрное. Если папенька еще ничего не знаетъ,—надо его приготовить понемногу! Вотъ Настя, къ чему я говорила объ Алексѣѣ Васильевичѣ! Теперь ты узнаешь, точно-ли онъ честный человѣкъ и, дѣйствительно-ли любить тебя! Черезъ часъ я заѣду къ вамъ, разузнаю навѣрное, и тогда мы подумаемъ, что дѣлать (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Анна Ивановна и Настасья Степановна.

Анна Ивановна. Вотъ горе-то, Господи! За грѣхи Ты насъ наказуешь! Да можетъ быть и неправда... Можетъ быть пустые слухи!

Настасья Степановна. А если правда?

Анна Ивановна. Ну, тогда хоть изъ дому бѣги! Что будетъ съ отцомъ?

Настасья Степановна. Маменька, мнѣ страшно!

Анна Ивановна. Господи! укроти его сердце! Пронеси бѣду безвредно!

Настасья Степановна. Ай, папенька!

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Степанъ Михайловичъ (блѣдный).

Объ (невольно бросаясь къ нему). Степанъ Михайлычъ! Папенька!

Степанъ Михайловичъ (останавливаясь). Что вы? Что съ вами?

Анна Ивановна. Ничего... мы такъ... сейчасъ Саша была... говорила... вздоръ вѣрно!..

Степанъ Михайловичъ. Не про то-ли говорила, что всѣ наши деньги лопнули?

Анна Ивановна и Настасья Степановна. Неужели это правда?

Степанъ Михайловичъ. Правда.

Объ. Правда? Господи!

Степанъ Михайловичъ. Правда! Сейчасъ въ конторѣ нашей былъ, получена радость! Такъ что же? А вамъ-то что до этого? Правда, да вамъ-то какое дѣло?

Анна Ивановна. Какъ же, вѣдь... жалко... и мы...

Степанъ Михайловичъ. Ну, разорены и кончено! Что тутъ разговаривать?

Анна Ивановна. Все-таки, какъ же вдругъ?...

Степанъ Михайловичъ (*съ крикомъ*). Я одинъ долженъ про то знать, не ваше дѣло! вы должны молчать и не пикнуть ни слова! Щеголяли въ шелковыхъ платьяхъ, теперь въ ситцевыхъ походите! въ набойку наряжу, и должны молчать, носить и благодарить! Привыкли къ роскоши, я васъ отучу! Пора, наконецъ, вамъ самимъ хлѣбъ зарабатывать! А гдѣ сынъ? Гдѣ онъ?

Анна Ивановна. Да грудь шибко схватило... Я самоваръ велѣла ставить... прилежъ немножко...

Степанъ Михайловичъ. Лежить! Отецъ сокрушается, а онъ лежитъ! Эй, Ѳедоръ! Ѳедька! (*растворяя дверь*). Лѣнты! трутень!.. Поди сюда!

Анна Ивановна. Степанъ Михайлычъ, батюшка... пожалѣйте его, больнехонекъ!

Степанъ Михайловичъ. Молчи, баловница!.. Эй, поди сюда, или я самъ подыму тебя!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же и Ѳедоръ Степановичъ.

Ѳедоръ Степановичъ. Что прикажете, папенька?

Степанъ Михайловичъ. Ну, г-нъ Пушкинъ, минуло время твоего бездѣлья! Теперь послѣ отца наслѣдства ждать нечего, у насъ ничего нѣтъ! Кромѣ казеннаго, я тебѣ найду частное мѣсто, ночи заставлю за работой сидѣть! Расплатишься ты со мною за сзую лѣность!

Ѳедоръ Степановичъ. За что вы сердитесь на меня, папенька? Чѣмъ же я виноватъ?

Степанъ Михайловичъ. Кто же виноватъ, я что-ли? Не тѣмъ ли я виноватъ, что всю жизнь заботился о васъ, ночей не спалъ, думалъ, какъ бы увеличить приданое дочери, а сына въ люди выве-

сти! Тѣмъ я виновать, что-ли? Говорите! (*Всѣ молчатъ*). Нѣтъ, ужъ если кто виновать, такъ это вы! да, всѣ вы виноваты! Именно, тѣмъ, что изъ васъ никто не былъ со мною откровенень!

Анна Ивановна. Степанъ Михайлычъ! да не вы ли...

Степанъ Михайловичъ. Молчи! когда я говорю, значить правда! всему виною вы! Отецъ думаетъ, судить, рядить одной своей головой, немудрено ему ошибиться! Возьмемъ теперешнее дѣло: отецъ накопилъ капитадецъ, задумалъ его увеличить, ищетъ къ тому средствъ, нашель! Подвернулся старый знакомый, рассказалъ, размазалъ, показалъ проекты, планы... Ну, отецъ видитъ, какъ будто и хорошо, какъ будто и надежно! А вотъ теперь и выходитъ, что кой-что опустилъ, недосмотрѣлъ, рано довѣрился! А отчего? Оттого, что мнѣ не съ кѣмъ было посовѣтываться! Вокругъ меня не кровные мои, а чужіе; словно по найму служатъ! Сынъ мараешь стишонки, мать балуетъ дѣтей, дочка бѣгаетъ отъ меня! Захочешь съ ними поговорить, чуждаются меня, дичатся! А отчего? Оттого, что совѣсть у васъ не чиста, чувствуете что живете не такъ, какъ слѣдуетъ, вотъ вамъ и боязно при отцѣ, страшно вамъ глядѣть на него! Еще говорятъ, что съ вами я строгъ! Нѣтъ, слабъ черезъ чуръ! Вотъ за это и довели вы меня до разоренія! Спасибо вамъ дѣточки, спасибо женушка! (*низко кланяется*). Спасибо!

Анна Ивановна. Ваша воля, Степанъ Михайлычъ!

Степанъ Михайловичъ. Молчи! пошли всѣ за дѣло! Поди, переписывай свои бумаги, за работу!

(*Федоръ Степановичъ уходитъ*).

Степанъ Михайловичъ. (*дочери*). За шитье, бѣлоручка! (*Настасья Степановна уходитъ*).

Степанъ Михайловичъ. (*женѣ*). Ну, и ты дѣлай, что-нибудь!

Анна Ивановна. Я пойду... мнѣ работа въ привычку... мнѣ скучно безъ ней. А вы дѣтей-то пожалѣйте... А пуще Федю... ишь, въ чемъ душа держится!

Степанъ Михайловичъ. Вздоръ!

Анна Ивановна. Э-эхъ, Степанъ Михайлычъ! видно вы только тогда повѣрите, когда онъ на столѣ будетъ лежать!.. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Степанъ Михайловичъ (*одинъ*). Что тутъ? Обманъ, или несчастіе? Обманъ!.. Сплутовалъ Бахтулинъ! И какъ я не разузналъ, недосмотрѣлъ? Ну, да ужъ дѣло кончено! Вотъ тебѣ и труды всей жизни... все пошло къ чорту! Что теперь дѣлать? Фхатъ въ Михайловку, перебиваться изъ-за хлѣба на квасъ?... Ха-ха!... Нѣтъ, лучше умереть, чѣмъ такой стыдъ нести... Умереть?—Вздоръ! Неужели не

перенесу? Пустяки! Перенесу!... Охъ, тяжело, больно... а перенесу, перенесу!... (*падаетъ на стулъ*).

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ТА ЖЕ КОМНАТА. ВО ВСЕМЪ ЗАМѢТЕНЪ БЕЗПОРЯДОКЪ И УПУЩЕНІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Степанъ Михайловичъ и Павелъ Петровичъ.

Степанъ Михайловичъ (*въ дверь*). Катерина! не слышишь, кто-то звонитъ? отопрі! (*отходя отъ двери*). Какой безпорядокъ... худо безъ хозяйки!..

Павелъ Петровичъ. (*входя*). Здравствуй, Степанъ Михайлычъ!..

Степанъ Михайловичъ. А... другъ... здорово.

Павелъ Петровичъ. Ну, братъ, я получилъ твое письмо!.. Какое несчастье!.. умерла?

Степанъ Михайловичъ. Да, умерла.

Павелъ Петровичъ. Жаль Анны Ивановны!.. еще здоровая такая женщина... и не старая!..

Степанъ Михайловичъ. Да сама во всемъ виновата! Сама!.. Говорилъ ей: здѣсь нельзя того ѣсть, что можно въ Михайловкѣ. Еще посты вздумала соблюдать какіе-то... Ну, само собой, грибы, капуста, и вотъ... Сама виновата!

Павелъ Петровичъ. Чортъ возьми, надо быть поосторожнѣе, а то умрешь ни за что, ни про что!

Степанъ Михайловичъ. Да, братъ, умирать скверное дѣло. О — охъ! у тебя радость, свадьба дочери, а у насъ похороны!..

Павелъ Петровичъ. Ну, и у меня радость не велика! столько хлопотъ было съ дочерью!.. Упрямится, да и только!.. Влюбилась дѣвчонка въ какого-то студентешку!..

Степанъ Михайловичъ. Дуры!..

Павелъ Петровичъ. Насилу тетка уговорила!.. Обвѣнчали!.. Слава Богу!.. Свалилъ съ шеи обузу! теперь я вольный казакъ!

Степанъ Михайловичъ. Ну, а мои дѣла все хуже и хуже! Еще при тебѣ было получено извѣстіе отъ Бахтулина, потомъ жена умерла, а теперь и сынъ расхворался. Простудился на похоронахъ, погода стояла сырая, и слегъ... И не такъ боленъ, какъ вообра-

жаеть! ходитъ докторъ, говоритъ что чахотка! Не вѣрю я ему!.. Съ чего у него быть чахоткѣ? Просто привередничаетъ!.. И что за народъ нынѣ сталъ, хилый, да дряблый!.. ну, а тутъ еще дочь на рукахъ осталась непристроенная, съ ней возись!..

Павель Петровичъ. Послушай, мой другъ, давно я хотѣлъ поговорить съ тобой объ этомъ предметѣ. Съ малолѣтства твоей дочери, я называю ее своей невѣстой. Что бы ты сказалъ, если бы я не шутилъ, а серьезно захотѣлъ бы назвать ее такъ?

Степанъ Михайловичъ. Невѣстой?

Павель Петровичъ. Ну, да! сначала невѣстой, а потомъ... женой!.. Она мнѣ давно нравится! Человѣкъ я теперь совсѣмъ свободный, она была бы со мной счастлива!.. А?.. Что ты на это скажешь?

Степанъ Михайловичъ. Я... чтожъ, я отъ этого не прочь!

Павель Петровичъ. Такъ ты согласенъ?.. серьезно?..

Степанъ Михайловичъ. Ты вѣдь самъ знаешь, что приданое теперь...

Павель Петровичъ. Какое приданое!.. Съ ума ты сошелъ. Значить, за тобой дѣло не станетъ! Теперь какъ она? не заупрямилась бы она!

Степанъ Михайловичъ. Кто, дочь? Да ты первый день меня знаешь?

Павель Петровичъ. Можетъ быть какая нибудь любовишка есть?

Степанъ Михайловичъ. Она и подумать объ этомъ не смѣетъ. Только теперь время не такое; трауръ, нельзя же свадьбу! Мѣсяць, два погодить надо, ну, а тамъ и сынъ поправится!

Павель Петровичъ. Я теперь и не требую свадьбы, только ты обручи насъ, чтобы уже я былъ увѣренъ!.. А въ это время я окончу свои дѣла, и тотчасъ послѣ свадьбы, поѣдемъ съ молодой женой за границу! Ну, а какъ ты думаешь, что начать теперь?

Степанъ Михайловичъ. Я объ себѣ не думаю, мы съ сыномъ найдемъ занятіе, меня только дочь беспокоила.

Павель Петровичъ. Такъ-то, Степанъ Михайловичъ, Богъ породниться приведетъ.

Степанъ Михайловичъ (со вздохомъ). Да, чего и не чаешь, — то случается!

ЯВЛЕНІЕ П.

Тѣ же и Настасья Степановна (въ траурѣ).

Павель Петровичъ. Ахъ, Настасья Степановна! какъ давно я не видалъ васъ, моя красавица! Маменька умерла? какъ жаль, какъ жаль!

Степанъ Михайловичъ. Гдѣ была?

Настасья Степановна. На кладбищѣ!

Степанъ Михайловичъ. Зачѣмъ это по такой погодѣ? дождикъ на дворѣ! Сама захвораѣ, этого только недоставало! Ужъ плачь, не плачь,—не воротись!

Настасья Степановна. Да-съ... я знаю!...

Навель Петровичъ. Ужъ маменьку не пустячь, дусенька, съ того свѣта! Тамъ она у Боженьки, ей хорошо!

Настасья Степановна. Маменька, маменька! голубушка ты моя, оставила ты меня! (*рыдаеть*).

Степанъ Михайловичъ. Не плачь-же, надоѣла!

Навель Петровичъ. Вы не думайте, душенька, разсѣйтесь! возьмите веселенькую книжечку съ картинками, почитайте... Поѣзжайте въ магазинъ, купите обновочекъ себѣ... поѣдемте со мной, я вамъ всего, всего накуплю!

Настасья Степановна. Благодарю васъ... мнѣ ничего не надо!

Степанъ Михайловичъ. Ты, Настасья, наконецъ меня выводишь изъ терпѣнія своими слезами! некогда мнѣ нянчиться съ тобой, пора наконецъ тебя пристроить.

Настасья Степановна. Какъ пристроить, папенька?

Степанъ Михайловичъ. Какъ обыкновенно пристраиваютъ молодыхъ дѣвушекъ; выдать замужъ!

Настасья Степановна. Замужъ?...

Навель Петровичъ. Что-жъ, ради-ли вы этому, мой *'амурникъ*?

Настасья Степановна. (*оживляясь*) Что-же, папенька, вы хотите ѣхать въ Михайловку?

Степанъ Михайловичъ. Зачѣмъ это? Я здѣсь тебя выдамъ!

Настасья Степановна. Здѣсь?...

Навель Петровичъ. Да, въ Петербургѣ, со всѣмъ великолѣпиемъ!

Степанъ Михайловичъ. Я нашелъ тебѣ прекраснаго человѣка... онъ тебѣ замѣнитъ отца и мать!

Настасья Степановна. Маменьки никто мнѣ замѣнить не можетъ!

Степанъ Михайловичъ. Человѣка солиднаго.. не молодаго, правда!

Навель Петровичъ. Среднихъ лѣтъ!

Степанъ Михайловичъ. Ты его знаешь, онъ давно...

Навель Петровичъ. (*тихо ему*). Тс! не говори! послѣ, безъ меня скажешь.

Настасья Степановна. Папенька, голубчикъ, я не желала-бы...

Степанъ Михайловичъ. Молчи!. должна слушать, что говоритъ отецъ и повиноваться!

Настасья Степановна. Слушаю-съ, папенька!

Навель Петровичъ. Однако до свиданья, братъ! мнѣ некогда!...

(тихо ему) ты тутъ безъ меня объяви ей, и прїѣзжай ко мнѣ, мы переговоримъ обо всемъ окончательно! А вечеромъ я самъ явлюсь, съ подарочками, и тогда дѣло вѣрно уладится безъ слезъ!

Степанъ Михайловичъ. Ну, хорошо, хорошо!!

Павелъ Петровичъ. Не плачьте, ангель мой, не портите свою красоту!. Ну, до свиданія, невѣста моя! ха ха... моя невѣста! (*про себя, любясь ею*). Какъ она хороша въ черномъ платьѣ!...

Степанъ Михайловичъ. (*проводя ее*) Черезъ часъ я прїѣду къ тебѣ! (*уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Настасья Степановна (*одна*) Замужъ?... за кого же?... А какъ-же Алексѣй Васильичъ? я думала, что не про него-ли говорилъ папенька?... Господи!.. опять папенька что-то задумалъ!.. Теперь и маменьки нѣтъ, не съ кѣмъ мнѣ переговорить... Пойду къ брату, не знаетъ-ли онъ?... (*отворяя дверь*) Онъ спитъ... не стану его тревожить!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Настасья Степановна и Александра Степановна.

Александра Степановна. (*въ траурѣ*). Настенька!.. (*цѣлуются*) была на кладбищѣ?..

Настасья Степановна. Была !.. свезла левкой! а твоя резеда завяла;

Александра Степановна. Завяла!.. и мы завянемъ безъ маменьки!. Нѣтъ ее, голубушки!...

Настасья Степановна. Маменька, маменька! (*плачутъ обнявшись*).

Александра Степановна. Ну, полно-же, Настя, перестань.

Настасья Степановна. Я не плачу,— и ты не плачь, сестрица!.

Александра Степановна. Грѣхъ плакать объ умершихъ, имъ отъ этого тяжело дѣлается на томъ свѣтѣ!.

Настасья Степановна. Такъ я не буду... никогда не буду!.

Александра Степановна. Что братъ? легче-ли ему?

Настасья Степановна. Спитъ... я сейчасъ смотрѣла... Докторъ увѣряетъ, что болѣзнь опасная,—а папенька говоритъ не правда!

Александра Степановна. Онъ ни чему не вѣритъ!. А я отъ Алексѣя Васильевича еще не получала отвѣта на свое письмо.

Настасья Степановна. Ахъ, Саша! я боюсь, что онъ пришлетъ сюда письмо. Маменька предъ самой смертью написала ему, а твое письмо вѣрно пришло тогда, какъ онъ ужъ отвѣтилъ на маменькино. Если это письмо какъ нибудь попадетъ къ папенькѣ... я не знаю, что со мной будетъ!

Александра Степановна. Успокойся, Настенька

Настасья Степановна. Онъ убьетъ меня, когда узнаетъ, что я

переписываюсь съ Алексѣемъ Васильевичемъ! Я просила Катерину стеречь почталіона... и если письмо къ маменькѣ—тихонько передать мнѣ!

Александра Степановна. Если какъ нибудь случится, чего не дай Богъ, письмо попадетъ къ отцу, ты бѣги ко мнѣ. Сегодня мой мужъ уѣхалъ изъ Петербурга. Я тебя спрячу на первое время. Только-бы первый гнѣвъ прошелъ, а тамъ Богъ дастъ...

Настасья Степановна. Хорошо... я непременно приѣду, если такъ случится! Ахъ Саша, знаешь что сейчасъ сказалъ мнѣ папенька? Онъ меня хочетъ выдать замужъ, за какого-то своего знакомаго!

Александра Степановна. Да такое-ли теперь время, чтобы думать о свадьбѣ? маменькѣ еще шести недѣль не вышло!

Настасья Степановна. Онъ сейчасъ мнѣ сказалъ!..

Александра Степановна. Настенька, другъ мой! не выходи замужъ за человѣка, котораго не можешь любить: жизнь безъ любви—мука.. Я это по себѣ знаю. Пять лѣтъ я замужемъ,—а ни одного дня не была счастлива. Ты не можешь себѣ представить, какое мученіе—проводить всю жизнь съ человѣкомъ, который не нравится! Ласки его и угожденія—несносны. Легче, когда онъ сердится, бранится—тогда, покрайней мѣрѣ, и ты можешь излить свою досаду и злость! Говорятъ: дѣти укрѣпляютъ брачный союзъ,—этого я не знаю, у меня нѣтъ дѣтей, но не думаю, чтобы это было правда! И дѣти напоминали-бы отца и ихъ бы я не любила, какъ и его! эти семейныя мелочи, которыхъ нельзя описать, но и онѣ-то и ужасны. Каждый день онѣ, какъ невидимыя змѣи, сосутъ сердце! Здѣсь мнѣ ужъ не видать радостей, одна только вѣра въ Бога меня поддерживаетъ! Вотъ какая моя судьба, Настя! Не только тебѣ,—врагу моему я не пожелаю такой судьбы!

Настасья Степановна. Сашенька!—у меня силы не хватитъ идти противъ папеньки! Онъ тебя выдалъ замужъ, не спросивши, нравится-ли женихъ, а тогда маменька была жива... онъ и ее не послушалъ! а теперь кому за меня заступиться? Тебя онъ слушать не станетъ, братъ боленъ, да и не смѣлый онъ... я одна, что онъ захочетъ, то и сдѣлаетъ со мной.

Александра Степановна. Если-бъ маменька была жива, она заступилась-бы за тебя, она видѣла какова моя жизнь!

Настасья Степановна. Говорятъ, что 6 недѣль послѣ смерти душа по мытарствамъ ходитъ? *(тихо)* Можетъ быть и маменькина душа теперь здѣсь, съ нами.

Александра Степановна. *(тоже)* Да... можетъ быть *(объ стоятъ молча нѣсколько времени)*.

Настасья Степановна. Она молится обо мнѣ!

Александра Степановна. Да... молится!..

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Степанъ Михайловичъ.

Степанъ Михайловичъ (*громко*). Ну, вотъ новости... Письмо сейчасъ принесли!..

Объ. Письмо?

Степанъ Михайловичъ. Да... женѣ!..

} Настасья Степановна (*вскрикивая*). Маменькѣ?
Александра Степановна. Боже мой!..

Степанъ Михайловичъ. Что вы?.. Что съ вами?..

Александра Степановна. Отъ кого же письмо?..

Степанъ Михайловичъ. Да вѣрно отъ этого... какъ, бишь, его?

Александра Степановна. Не отъ Алексѣя-ли Васильича?

Степанъ Михайловичъ. Ну, да!.. вѣрно отъ него (*распечатывая письмо*.) Сусловъ! Такъ и есть!..

Настасья Степановна (*дрожитъ*). Саша!..

Степанъ Михайловичъ. Ишь, какая дружба завязалась!.. Вѣрно вздры какіе нибудь! (*кладетъ въ карманъ*.)

Александра Степановна (*тихо ей*). Ничего... успокойся!..

Степанъ Михайловичъ. Ну, Александра, я Настасью замужъ выдаю!

Александра Степановна. Неужели?.. за кого же?

Степанъ Михайловичъ. За Павла Петровича! знаешь?

Настасья Степановна (*про себя*). Такъ вотъ кто!

Александра Степановна. За него? Помилуйте папенька... Онъ и Настя...

Степанъ Михайловичъ. Что-жъ, пара! Это ужъ рѣшено. Вы по пустому и не спорьте! Черезъ день, черезъ два,—мы и обрученіе сдѣлаемъ!

Александра Степановна. Такъ скоро?

Степанъ Михайловичъ. Ему такъ хочется!

Александра Степановна. Такое ли теперь время?.. Маменька только что умерла. Не успѣли траура снять... и вдругъ... свадьба!

Степанъ Михайловичъ. Да и носить-то бы его совсѣмъ не надо! Носи трауръ въ душѣ, коли хочешь,—а не наружно! Ну, да еще до свадьбы далеко, мы обручимъ васъ; ужъ по крайности всѣ будемъ покойны! сегодня онъ придетъ вечеромъ, ну мы васъ и поздравимъ,—приходи и ты Саша! онъ просилъ меня сейчасъ отвѣтъ привезти. Ну, да что у тебя отвѣтъ спрашивать,—я знаю, что ты согласна!

Александра Степановна. Папенька... подумайте...

Степанъ Михайловичъ. Слушай Александра! я вижу, что ты хочешь поспорить со мной! смотри, я тебя принимать не стану, коли

ты будешь сестру смущать! и кто тебя звалъ? зачѣмъ пожаловала? Вѣрно мужа-то дома нѣтъ?

Александра Степановна. Да... онъ уѣхалъ на недѣлю!

Степанъ Михайловичъ. То-то ты и рыщешь по гостямъ! Ты, Настенька, не слушай ее, будь умной дочерью! Ну, я пойду къ Павлу Петровичу, обрадую его твоимъ согласіемъ!.. Поѣдемъ Саша!

Александра Степановна. Я-бы хотѣла съ Настей!..

Степанъ Михайловичъ. Пріѣзжай вечеромъ, наговоритесь!..

Александра Степановна. Прощай Настя, до свиданія! до *скорого* свиданія! понимаешь?

Настасья Степановна. Да... да... понимаю!

Степанъ Михайловичъ. Ну, иди, иди, не наговорились! (*Уходитъ съ Александрой Степановной.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Настасья Степановна (*одна*). Боже мой!... письмо у него... сейчасъ прочтеть... все узнаеть... Скорѣе къ Сашѣ, спрятаться тамъ... Но онъ найдетъ меня... онъ вездѣ найдетъ... отъ него нигдѣ не скроешься... Нѣтъ, я не уйду... я останусь... признаюсь ему, что писала письма къ Алексѣю Васильичу... что люблю еще его... признаюсь прежде, чѣмъ онъ прочтеть письмо... онъ проститъ меня... Но если и проститъ,—а вечеромъ, что ожидаетъ меня?.. Женихъ... Павелъ Петровичъ... потребуютъ согласія... Нѣтъ, ни за что!.. умру скорѣе чѣмъ соглашусь... Пойду къ Сашѣ... спрячусь... А какъ онъ найдетъ меня,—тогда хуже будетъ! Онъ убьетъ меня!.. Лучше бы если-бъ убилъ,—а онъ выдастъ меня замужъ за Павла Петровича... Насильно обвинчаютъ... Я буду женой его... нѣтъ—нѣтъ! Да что же мнѣ, дѣлать?... на что рѣшиться? Маменька! голубушка... гдѣ ты?.. Научи меня, что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать? (*рѣшительно.*) Убѣгу!!! (*бѣжитъ къ двери.*) А братъ?.. какъ я его оставлю, больнаго? (*идетъ къ нему.*) Братъ, братъ!.. Оеда!..

ЯВЛЕНИЕ VII.

Настасья Степановна и Федоръ Степановичъ.

Федоръ Степановичъ (*выходитъ изъ своей комнаты худой, блѣдный въ шlafрокъ и останавливается въ дверяхъ*). Здравствуй Настя!.. Посмотри, какой я молодецъ.

Настасья Степановна (*беретъ его подъ руку и ведетъ къ дивану*). Оеда! зачѣмъ ты всталъ съ постели?

Федоръ Степановичъ (*сидясь*). Сегодня мнѣ очень хорошо... я почти совсѣмъ здоровъ... только слабость маленькая.

Настасья Степановна. Слава Богу!.. ты скоро совсѣмъ поправишься!

Ододрь Степановичъ. Непремѣнно! Мнѣ Катерина говорила, будто докторъ сказалъ, что у меня чахотка!...

Настасья Степановна. Неправда, не вѣрь ей! она лжетъ!

Ододрь Степановичъ (*раздражительно*). Ахъ, какая ты! я п безъ тебя знаю, что она лжетъ, (*кашлитъ*) доктора ничего не понимаютъ! Вотъ я завтра по Невскому пойду гулять! Вотъ онъ увидитъ!

Настасья Степановна. Какіе у тебя сегодня свѣтлые глаза и румянецъ разыгрался!

Ододрь Степановичъ. Я говорю, что совершенно здоровъ... Налѣто уѣду въ Михайловку—совсѣмъ поправлюсь! Тамъ воздухъ поможетъ мнѣ! А здѣсь то холодно и сыро,—то жарко невыносимо! И какое нынѣшней весной солнце жгучее... точно раскаленные булавки... такъ и жгутъ лучи... въ моей комнатѣ. Здѣсь прохладнѣе! здѣсь выставлены рамы?

Настасья Степановна. Ужъ давно!

Ододрь Степановичъ. То-то разрытой землей пахнетъ.

Настасья Степановна. Одея!.. я хочу идти!

Ододрь Степановичъ. Куда?

Настасья Степановна. Къ Сашѣ! ты не знаешь, что случилось? Папенькѣ попалось письмо Алексѣя Васильича, которое онъ писалъ маменькѣ... Теперъ папенька узнаеть, что я все еще люблю Алексѣя Васильича!

Ододрь Степановичъ. Ахъ, Настенька! что съ тобой будетъ!

Настасья Степановна. Я убѣгу, спрячусь у Саши!..

Ододрь Степановичъ. Да къ лучшему-ли это?

Настасья Степановна. Ты не знаешь: папенька меня выдаетъ за Павла Петровича... хотять дѣлать обрученье!

Ододрь Степановичъ. Такъ ступай сестра!—ступай отсюда скорѣе!.. Напиши Алексѣю Васильичу, чтобы онъ ѣхалъ сюда скорѣе и спасъ бы тебя!

Настасья Степановна. Я бы ушла, Одея,—да какъ же тебя оставить?

Ододрь Степановичъ. Катерина останется!.. Я буду присылать ее къ тебѣ!.. Когда отца дома не будетъ, ты навѣстишь меня! А между тѣмъ будь у Саши, не показывайся отцу! Напиши скорѣе Алексѣю Васильевичу... какъ онъ пріѣдетъ, мы оба пойдемъ къ отцу, мы выскажемъ ему... пора наконецъ!.. Къ тому же времени я поправлюсь!

Настасья Степановна. Дай Богъ поправиться!

Ододрь Степановичъ. Непремѣнно! Не думаешь ли ты, что я умру?

Настасья Степановна. (*быстро*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

Федоръ Степановичъ. То-то, я буду здоровъ, я не умру! мнѣ нельзя умереть! я еще такъ мало жилъ!.. Нѣтъ, я чувствую, что еще долго, долго буду жить! Увижу тебя замужемъ, съ дѣтьми... самъ женюсь, и тогда пожалуй умру! а теперь... Господи! мнѣ еще рано умереть!

Настасья Степановна (*цѣлуя его*). Ну, прощай! прощай Оеда!

Федоръ Степановичъ. Не прощай, а до свиданія!.. Завтра я пойду гулять, и найду къ тебѣ!.. А между тѣмъ дѣло уладится!.. До свиданія!

Настасья Степановна. До свиданія!..

Федоръ Степановичъ. Что же ты не одѣваешься?

Настасья Степановна. Я возьму у Катерины платокъ... бурнусь тамъ... Что еще мнѣ взять?.. ничего не надо!.. Прощай! (*Идетъ и ворочается*). Прощай, Оеда!

Федоръ Степановичъ. Ступай, ступай скорѣе! Смотри, отецъ застанетъ!

Настасья Степановна. Господи! защити меня! (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Федоръ Степановичъ *одинъ*. Отецъ! до чего ты доводишь своихъ дѣтей! Если бы у меня были силы, я высказалъ ему... Ну, какъ выздоровлю!... Что это? какъ въ этомъ глазѣ стало у меня мутно. Отчего это? Пройдетъ! А гдѣ мои стихи? (*вынимаетъ изъ-подъ шлаф-форока бумаги*). Отецъ не увидитъ, смѣяться не станетъ! Я обдумаю, какъ бы мнѣ это мѣсто кончить! (*дремлетъ*). Никому не покажу... одинъ читать стану... а если напечатать?..

ЯВЛЕНИЕ IX.

Федоръ Степановичъ и Степанъ Михайловичъ.

Степанъ Михайловичъ. Дѣло кончено. Пристроилъ. Худо ли, хорошо ли, все-таки замужемъ, хоть прикрывка будетъ! Что это? Онъ вышелъ... спитъ! Ну, вотъ и хорошо, что вздумалъ пройтись!.. Я говорилъ, что нужно только пересилить себя, а то лежитъ цѣлый день, тутъ и здоровый занеможетъ! (*отходя*). Съ нимъ я найду мѣсто!.. Еще здоровье есть, работать могу, никакое дѣло изъ рукъ не вывалится! Трудненько правда, ну, да видно, дѣлать нечего! И не такъ меня работа страшитъ, какъ то, что подъ начало надо идти! Былъ самъ себѣ голова, а тутъ приказъ слушаться заставляютъ, вотъ что обидно! А безъ работы не пробудешь, а ужъ зятьями я одолжаться не намѣренъ! Много ли наличныхъ-то?.. (*вынимаетъ бумажникъ и письмо*). Это что? ахъ, да письмо! (*развертывая бумажникъ*). Немного, больно немного... Векселей правда тысячь на пять есть, да за одну уступилъ бы... чай и пяти со-

тенъ не получишь! Теперь за Михайловку проценты вносить надо— охъ, плохо! Что-то тамъ дѣлается? (*береть письмо*). Хорошо тамъ было! (*читаетъ*). «Настенька» — Вотъ какъ! (*читаетъ, все больше и больше приходя въ волненіе*) «Крайне сожалѣю о вашемъ несчастіи. «Не кого обвинять, отецъ самъ во всемъ виноватъ. Онъ, какъ ре- «бенокъ, позволилъ себя обмануть Бахтулину. Жаль всѣхъ васъ, по «дѣломъ ему. А воть это несчастіе образумить его хотъ нѣсколько.» (*въ бѣшенствѣ*). Какъ? такъ вотъ что!.. Она еще продолжаетъ переписываться потихоньку отъ меня!.. И онъ смѣетъ такъ обо мнѣ отзывать!.. И мать въ заговорѣ! О жаль, что она умерла! И эта дрянная дѣвчонка! Каково? Они смѣялись надо мной!.. вотъ я ее!.. гдѣ она? Настасья!

Ододръ Степановичъ (*который проснулся при ея первыхъ крикахъ, зоветъ*). Папенька!

Степанъ Михайловичъ (*не слыша*). Настасья! (*Уходитъ въ другую комнату и возвращается*). И тамъ нѣтъ!

Ододръ Степановичъ. Папенька!

Степанъ Михайловичъ. Что ты?

Ододръ Степановичъ. Вы ищите сестру?

Степанъ Михайловичъ. Да, вотъ ужъ я съ ней раздѣляюсь! Она переписку вела съ этимъ мерзавцемъ Сусловымъ!.. Смѣялись надо мной... а покойница потакать изволила!

Ододръ Степановичъ. Какая же въ томъ бѣда, что они переписывались?

Степанъ Михайловичъ. Что-о?

Ододръ Степановичъ. Если она любила его!

Степанъ Михайловичъ. Вотъ я ей задамъ любовь!.. Куда она ушла? Я ей задамъ, пусть придетъ!

Ододръ Степановичъ. Нѣтъ, она не придетъ!

Степанъ Михайловичъ. Какъ не придетъ?

Ододръ Степановичъ. Она совсѣмъ ушла!

Степанъ Михайловичъ. Ушла?

Ододръ Степановичъ. Когда вы получили письмо, потомъ сказали про свадьбу... она испугалась... и рѣшилась бѣжать!

Степанъ Михайловичъ. Не далеко убѣжитъ!.. Я ее догоню, отыщу, тогда будетъ каяться — да поздно! (*идетъ*).

Ододръ Степановичъ. Пойдите... не уходите... мнѣ что-то нехорошо... темно въ глазахъ!..

Степанъ Михайловичъ. (*подходя къ нему*). Что тебѣ?... хуже стало?

Ододръ Степановичъ. (*взявъ его за руку*). Оставьте сестру, она невиновата!

Степанъ Михайловичъ. Мать виновата, баловница, потатчица!

Оедоръ Степановичъ. Нѣтъ, и не маменька!

Степанъ Михайловичъ. Кто же?

Оедоръ Степановичъ. Вы.

Степанъ Михайловичъ. Я?

Оедоръ Степановичъ. Вы одни!

Степанъ Михайловичъ. Какъ ты смѣлъ сказать это? Какъ у тебя языкъ поворотился?

Оедоръ Степановичъ. Вы сами вынудили.

Степанъ Михайловичъ. Да, я тѣмъ виноватъ, что очень слабъ былъ съ вами, мало строгости было, страху въ васъ ко мнѣ не было!

Оедоръ Степановичъ. Нѣтъ, слишкомъ большой страхъ къ вамъ былъ, и черезъ чуръ вы были строги съ нами; вотъ въ чемъ ваша вина! Сколько разъ маменька покойница плакала съ нами, что ничего вамъ не могла сказать... что никогда вы ее слушать не хотѣли... и обращались съ ней, какъ съ рабой!

Степанъ Михайловичъ. Вѣрно она того стоила!

Оедоръ Степановичъ. Чѣмъ же стоила? Не тѣмъ ли, что она васъ любила перваго послѣ Бога, что служила, какъ господину? Когда вы ее хоть немного обласкаете, бывало, какъ она была счастлива!.. Но это случалось рѣдко! вы всегда съ ней были строги, смотрѣли на нее, какъ на работницу!

Степанъ Михайловичъ. А! такъ она вамъ жаловалась на меня? мать на отца дѣтямъ!.. Какъ это хорошо!.. То-то въ васъ и есть путь!

Оедоръ Степановичъ. Нѣтъ, она никогда не жаловалась, она безропотно страдала!.. Она только приходила къ намъ плакать... она даже плакать при васъ не смѣла!.. У ней сердце разрывалось отъ горя, а вы требовали веселаго лица... Она ни слова намъ не говорила... но мы догадывались о чемъ были ея слезы! Она бы ничего отъ васъ не скрыла, она бы счастлива была, если бы вы хоть изрѣдка говорили съ ней откровенно, хоть изрѣдка позволяли ей быть другомъ вашимъ, а не рабой!..

Степанъ Михайловичъ. Молчи!

Оедоръ Степановичъ. Нѣтъ, я не замолчу! я буду говорить про нее, страдалицу безгрѣшную! Она учила насъ переносить вашъ грѣвъ, и молиться за васъ! Ей мы передавали наше горе и радость, и она одна утѣшала насъ и радовалась съ нами! Вы совершенно отшатнулись отъ своихъ дѣтей!

Степанъ Михайловичъ. Отшатнулся?.. Да не для васъ ли я трудился до кроваваго пота? Чего вамъ еще недоставало?..

Оедоръ Степановичъ. Свободы, свободы!.. *(сильно кашляетъ)*.

Степанъ Михайловичъ. Свободы?.. Какой же свободы?

Оедоръ Степановичъ. Теперь... кончили!.. *(тяжело опускается на подушки, кашлитъ, почти задыхается и стонетъ)*. Господи... какъ тяжело! Я прошу... благословите сестру... по любви... хоть она одна... будетъ счастлива...

Степанъ Михайловичъ. Оедя!.. хуже тебѣ? а?

Оедоръ Степановичъ. Благословите... Настю... Настю... ее... Господи!

Степанъ Михайловичъ. Оедя! Что ты? Оедя!!

Оедоръ Степановичъ. А маменька... маменька! никогда... вы виноваты. Я самъ, какъ выздоровлю... скоро... я самъ... *(стонетъ, тяжело вздыхаетъ и затихаетъ)*.

Степанъ Михайловичъ. *(сидитъ на диванъ и смотритъ на него)*. Оедя!.. Да развѣ я зналъ, что вы страдали? Я думалъ, что вы всѣ счастливы!.. Слышишь? Скажи теперь, виноватъ ли я? Оедя!.. заснулъ? *(ощупывая его)*. Холодѣеть!.. Оедя!.. Господи, неужели? еще рано!.. пусть онъ только выслушаетъ меня, пусть я оправдаюсь передъ нимъ! Я невиноватъ! Я докажу, что невиноватъ! Я не зналъ! Слышишь?.. Я не зналъ... Какой свободы?.. Умеръ! Такъ неужели точно я одинъ во всемъ виноватъ!... Я одинъ.... одинъ... *(Стоитъ у дивана, уставя взглядъ на сына)*.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

БОГАТАЯ КОМНАТА У АЛЕКСАНДРЫ СТЕПАНОВНЫ. УТРО.

ЯВЛЕНІЕ I.

Александра Степановна и Настасья Степановна. *(Настасья Степановна сидитъ у стола блѣдная и плачетъ)*

Александра Степановна *(стоитъ около нея и читаетъ письмо)*. «..... буду въ Петербургѣ, непременно 20-го числа этого мѣсяца! «И тотчасъ же приѣду прямо съ машины къ Александрѣ Степановнѣ.»

Настасья Степановна. И что-жъ?.. онъ приѣдетъ... что будетъ толку?.. чѣмъ же все кончится?

Александра Степановна. Алексѣй Васильичъ пойдетъ къ папенькѣ...

Настасья Степановна. Папенька его слушать не станет! Ахъ, зачѣмъ я ушла?... Ты меня научила!.. Зачѣмъ я ушла? Братъ умеръ безъ меня...

Александра Степановна. Знали-ли мы это?

Настасья Степановна. Что мнѣ теперь дѣлать? Зачѣмъ я уходила? Мнѣ-бы на другой день идти... Вѣднѣй папенька! Онъ былъ одинъ съ братомъ!.. А я... какой грѣхъ! Мнѣ прощенья не будетъ за такой грѣхъ... Онъ теперь въ отчаяніи, его некому утѣшить! Я пойду къ нему, пусть онъ что хочетъ со мной дѣлаетъ!

Александра Степановна (*удерживая ее*). Настя, погоди!

Настасья Степановна. Нѣтъ, я и такъ долго откладывала... завтра недѣля... Я пойду!.. (*идетъ и возвращается.*) А онъ скажетъ: зачѣмъ ты раньше не приходила? Папенька! сколько разъ я собиралась... я... я не могла совладать со своимъ страхомъ! Рѣшусь и останусь... дойду до самаго дома... и опять ворочусь... отнимите отъ меня этотъ страхъ!.. Нѣтъ, не пойду! Мнѣ не взглянуть на отца... такъ я виновата передъ нимъ!

Александра Степановна. Полно, мой другъ! Мы были съ тобой на похоронахъ у брата... ты была подъ вуалью... отецъ не замѣтилъ тебя... А видѣла, каковъ онъ былъ?... Стоялъ, какъ каменный!.. И во время панихиды, и когда гробъ опускали въ землю, ни слезинки не выронилъ!.. Счастіе твое дорого для меня, Настенька! останься же у меня, пока пріѣдетъ Алексѣй Васильичъ! Тогда мы всѣ пойдемъ къ отцу, всѣ станемъ просить его, и онъ вѣрно сжалятся!

Настасья Степановна. Нѣтъ, онъ проклянетъ меня.. Ахъ, зачѣмъ я убѣждала? Нѣтъ, я пойду къ нему! Я прежде пойду одна,—потомъ,—пожалуй, приходите и вы! А когда всѣ мы придемъ, онъ хуже разсердится!.. Что ни будетъ, то будетъ!.. Я рѣшилась; прощай, Саша!

Александра Степановна. Такъ ты непременно хочешь? Послушай, разсуди!..

Настасья Степановна. И не уговаривай. Иду! Прощай!.. (*идетъ.*)

Степанъ Михайловичъ (*за кулисами*). Что? докладывать? Пошелъ къ чорту!

Настасья Степановна. Ахъ, папенька! папенька! (*убѣгаетъ на право.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Александра Степановна и Степанъ Михайловичъ.

Степанъ Михайловичъ (*въ дверяхъ*). Дуракъ! докладывать!.. Ты не знаешь меня?

Александра Степановна. Здравствуйте, папенька! (*хочетъ поцѣловать у него руку.*)

Степанъ Михайловичъ (*вырываетъ руку и молча смотритъ на нее*). Долго-ли еще это будетъ продолжаться?

Александра Степановна. Что продолжаться?

Степанъ Михайловичъ. Долго-ли еще она не придетъ ко мнѣ?

Александра Степановна. Про что вы говорите, папенька? Я, право, незнаю!

Степанъ Михайловичъ. Цѣлую недѣлю я молчалъ... цѣлую недѣлю ждалъ ее... долго еще она будетъ испытывать меня?...

Александра Степановна. Вы говорите про сестру?

Степанъ Михайловичъ. Я все видѣлъ!.. Я видѣлъ, какъ она подъ вуалью, приходила на кладбище,—я бы могъ ее схватить,—я не хотѣлъ, я ждалъ, чтобъ она сама пришла! Долго-ли вы мнѣ ее ожидать прикажете?

Александра Степановна (*въ смущеніи*). Я не знаю, гдѣ она!..

Степанъ Михайловичъ. Слушай: вѣдь я съ тобой много разговаривать не стану, не стоишь ты того! Вотъ мужъ пріѣдетъ,—я съ нимъ поговорю! Онъ не станетъ держать бѣглянку, онъ выдастъ мнѣ ее... Смотри, тогда хуже будетъ!

Александра Степановна. Папенька! Посмотрите на мою жизнь! За что же вы хотите сдѣлать сестру такой же несчастной, какъ и я?

Степанъ Михайловичъ. Такъ ты недовольна своею жизнію?.. вотъ благодарность!

Александра Степановна. Моя жизнь—адъ! Но что сдѣлано,—того не воротить: я буду терпѣть до конца! Не губите сестры! Прошу васъ, ради Бога!

Степанъ Михайловичъ. Я ее не погублю,—а выдамъ замужъ!

Александра Степановна. За кого?

Степанъ Михайловичъ. За кого хочу, тебя не спрошусь!..

Александра Степановна. Выдайте ее за Алексѣя Васильича!

Степанъ Михайловичъ (*въ бѣшенствѣ*). За него? Онъ злодѣй! Черезъ него всё несчастія! Онъ погубилъ всю семью! О, я еще съ нимъ увижусь, я еще съ нимъ раздѣлаюсь!

Александра Степановна. Чѣмъ же онъ виноватъ?

Степанъ Михайловичъ (*вздрагивая*). Кто же виноватъ? Кто же виноватъ?

Александра Степановна. Вѣрно судьба!

Степанъ Михайловичъ (*успокоиваясь*). Да... можетъ быть!.. Только не я!.. Онъ напрасно сказалъ, что я!

Александра Степановна. Кто сказалъ?

Степанъ Михайловичъ. Никто!... Такъ она не выдетъ? Ну, хорошо! Я ухожу! Прощай!

Александра Степановна. Прощайте, папенька!

Степанъ Михайловичъ. Прощай! Ну, хорошо... ладно! Я ухожу!.. Хорошо!.. (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ Ш.

Александра Степановна, потомъ Настасья Степановна.

Александра Степановна (*прислушивается, потомъ идетъ въ комнату на право.*)

Настасья Степановна (*стоитъ въ дверяхъ блѣдная и въ слезахъ.*)
Ушелъ?

Александра Степановна (*ведетъ ее и сажаетъ.*) Ушелъ... успокойся!..

Настасья Степановна. Что теперь дѣлать? Что дѣлать?

Александра Степановна. Поѣдемъ скорѣе на машину, встрѣтимъ Алексѣя Васильича и посоветуемся съ нимъ!

Настасья Степановна. Вотъ онъ какъ про него говорить!.. Имъ нельзя видѣться!

Александра Степановна. Я теперь и сама не знаю, на что рѣшиться!

Настасья Степановна. Я убѣгу... въ рѣку брошусь!..

Александра Степановна. Полно, Настенька... поѣдемъ на машину, посоветуемся... авось!..

Настасья Степановна. Зачѣмъ?.. Не надо!.. все напрасно!..

Александра Степановна (*одывая ее.*) Поѣдемъ же!

Настасья Степановна (*безсознательно.*) Какъ хочешь!.. Мнѣ все равно... что хочешь, то и дѣлай со мной... Ахъ, зачѣмъ я уходила?

Александра Степановна (*ведетъ ее.*) Поѣдемъ, поѣдемъ!..

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же, и Степанъ Михайловичъ.

Степанъ Михайловичъ. (*входитъ быстро и останавливается въ дверяхъ.*) Что?.. Попался? (*подходя къ Настѣ.*) А, бѣглянка!..

Настасья Степановна (*падая передъ нимъ на колѣни.*) Папенька!

Степанъ Михайловичъ. Что? долго набѣгала? Отецъ со дна моря достанетъ! Что теперь скажешь?... Боишься, дрожишь?... Вотъ я тебя!

Александра Степановна. Папенька!

Степанъ Михайловичъ. Ты поди прочь, ты укрывала ее!.. Ты не дочь теперь мнѣ, я тебя знать не хочу!

Настасья Степановна. Папенька! я просила сестру!.. Не обвиняйте ее!... меня!.. меня!..

Степанъ Михайловичъ. Встань! встань, говорятъ!.. Ну, что? виновата? говори, виновата?

Настасья Степановна. Виновата!

Степанъ Михайловичъ. Безъ оправданій виновата!.. Я-бы могъ теперь, сдѣлать съ тобой все, что ни захочу,—и былъ бы правъ! Ты переписку вела съ этимъ... съ разбойникомъ! Смѣялись надъ отцомъ! Изъ дому убѣжала! Что бы за это съ тобой сдѣлалъ другой отецъ? А я... видишь?—Я прощаю тебя.

Настасья Степановна (*недовѣрчиво*). Прощаете?

Степанъ Михайловичъ. Да... прощаю! Поди ко мнѣ... ближе!.. Не бойся! Ну, благодари! Цѣлуй у отца ручку! Ну, скажи теперь: строгъ-ли я послѣ этого?

Настасья Степановна. Нѣтъ, вы не строги, папенька!

Степанъ Михайловичъ. Я думаю, что нѣтъ! Какъ же онъ говоритъ, что я строгъ, что вы всё страдаете черезъ меня?

Настасья Степановна. Кто говоритъ?

Степанъ Михайловичъ. Твой братъ!

Настасья Степановна. Оедя? да вѣдь онъ ужъ умеръ!

Степанъ Михайловичъ. Ну, да! Теперь умеръ!.. А тогда, что онъ говорилъ? Сынъ отцу, что говорилъ? Я знаю, что я правъ! И я выслушивалъ, молчалъ!.. И послѣ этого я строгъ!.. Строгъ! Чѣмъ же? (*задумывается.*)

Александра Степановна (*тихо Настя*). Чтобъ Алексѣй Васильичъ не пріѣхалъ сюда, я поѣду на машину.

Настасья Степановна. Что же потомъ?

Александра Степановна. Тамъ мы разсудимъ!

Степанъ Михайловичъ (*самъ съ собою*). Не на радость мнѣ дѣти! Вонъ у Павла Петровича дочь: приказалъ идти за 70-ти лѣтнаго старика,—безпрекословно вышла! И теперь живутъ оба счастливо и благодарятъ родителя! Вотъ дочь, а вы... неблагодарные, все на отца, да на отца!

Александра Степановна. Прощай же!

Настасья Степановна. Скорѣе, скорѣе приходи!.. Мнѣ страшно!..

ЯВЛЕНИЕ V.

Степанъ Михайловичъ и Настасья Степановна.

Степанъ Михайловичъ. А отецъ для кого хлопочетъ? Я сейчасъ оправдаюсь передъ вами! Настя, поди сюда! Что ты дрожишь? Я тебѣ докажу, ты увидишь, что онъ напрасно обвинилъ меня!

Настасья Степановна. Кто васъ обвинилъ?

Степанъ Михайловичъ. Братъ, братъ! развѣ ты глуха? твой братъ!

Настасья Степановна. Оедя?..

Степанъ Михайловичъ. Ну, да! Онъ сказалъ, что я одинъ во всемъ виноватъ! а? каково? Будь же судьей между имъ и мной! Начнемъ съ матери: взявъ ее чуть не нищую, а черезъ меня всѣ ее уважать стали! Я ея счастье сдѣлалъ! А чѣмъ она мнѣ за это отплачивала? Другая бы всю жизнь радовалась такому счастью... а она всегда была хмурая, кислая, съ постнымъ лицомъ! А баловство ея! до чего она васъ избаловала! И я только ей за это выговаривалъ! только! Неужели это строгость? А когда насъ постигло несчастье, когда мы разорились, утѣшала ли она меня въ горести? Нѣтъ, она еще нагоняла на меня тоску, сидитъ въ углу, да плачетъ! И за это я ей только выговаривалъ! И это строгъ! Ну, говори: строгъ ли я?

Настасья Степановна. Нѣтъ, не строг, папенька!

Степанъ Михайловичъ. Теперь сестра, Александра! вотъ примѣръ неблагодарности! Выдалъ ее за коллежскаго ассессора, а теперь ужъ онъ статскій совѣтникъ! Живетъ въ Петербургѣ, вотъ на какой квартирѣ! Зеркала, ковры! Хочетъ въ театръ, хочетъ въ маскарадъ, — мужъ вездѣ возить! Ни въ чемъ отказу нѣтъ! И все недовольна! Засыпъ золотомъ и тутъ не будутъ довольны! Вотъ тутъ я виноватъ, что такого мужа отыскалъ, — не стоитъ она того!

Настасья Степановна. (*про себя*). Что-то сестра? встрѣтитъ ли она его?

Степанъ Михайловичъ. Теперь возьмемъ его самого, брата! Вѣдь онъ у меня одинъ былъ, мой наслѣдникъ, моя надежда! Я его хотѣлъ возвеличить надъ собою! Думалъ: приѣду въ Петербургъ, отдамъ его на службу, онъ будетъ стараться, войдетъ въ чины, а тамъ, глядишь, и орденочъ дадутъ! Вотъ чего я хотѣлъ! (*воодушевляясь*). Сынъ получилъ мѣсто... Я прихожу къ нему, а онъ чиновникъ и кавалеръ, мнѣ кланяется, дискать, все ты отецъ, всѣмъ я тебѣ обязанъ! Вотъ какъ я о немъ заботился! А онъ что? дѣломъ не занимался, только баклуши билъ! И онъ осмѣлился сказать, что я съ нимъ строгъ былъ! Ну, скажи, скажи, по совѣсти: строгъ ли я былъ?

Настасья Степановна. Нѣтъ, вы не были строг!

Степанъ Михайловичъ. А онъ говоритъ—строгъ! Теперь перейдемъ къ тебѣ!

Настасья Степановна. (*быстро*). Я виновата! Я одна во всемъ виновата!

Степанъ Михайловичъ. Нѣтъ, погоди!.. Я докажу, что онъ напрасно меня обвинялъ!.. Я вѣдь замѣтилъ въ Михайловкѣ, что этотъ бахвалишка на тебя засматривался, да не такого я тебѣ жениха готовилъ! Даже и не Павла Петровича! Что Павелъ Петровичъ! Я

думалъ: прїѣду въ Петербургъ, наживу сотни тысячъ, милліоны, — тогда графы, да князья стануть ухаживать за моею дочерью! Вотъ какъ я о тебѣ заботился! Нѣтъ, грѣшно тебѣ на меня пожаловаться! (*мечтая*). Вдругъ за дочь мою сватается какой нибудь кавалерійскій полковникъ... князь... приходитъ ко мнѣ испрашивать благословенія... Я говорю: дѣти! я васъ благословляю! И князь преклоняется предо мною! И моя дочь... (*со слезами*). Ея сіятельство!.. (*плача*). Вотъ какъ я любилъ тебя! А вы не разумѣли, какъ я о васъ заботился! послѣ этого я былъ строгъ съ вами? Нѣтъ, не я, а вы тиранили меня! И ты... и сестра... и братъ... и мать... и всѣ!.. А я изъ-за васъ страдалъ!

Настасья Степановна. (*съ страхъ отходя отъ него*). Господи! что съ нимъ?

Степанъ Михайловичъ. Поди сюда! Отчего у тебя такъ дрожать руки?

Настасья Степановна. Не знаю, отчего!

Степанъ Михайловичъ. Ты не бойся, мы не будемъ жить въ бѣдности! Мы разбогатѣемъ и тогда я отыщу тебѣ мужа, который поклонится мнѣ!

Настасья Степановна. Папенька! позвольте мнѣ сказать!

Степанъ Михайловичъ. Ну, что, и ты на меня? И ты, какъ братъ?

Настасья Степановна. Нѣтъ, я не объ томъ... я хотѣла сказать... я только такъ... вы не сердитесь... Не лучше ли намъ, чѣмъ оставаться здѣсь, уѣхать...

Степанъ Михайловичъ. Куда?

Настасья Степановна. Уѣхать... въ Михайл...

Степанъ Михайловичъ. Тс!.. Молчи! Ты опять свое! Смотри! вѣдь ужъ не быть тому! Поняла? На смѣхъ ѣхать, чтобъ пальцами показывали!.. Коли разбогатѣю, ну, тогда поѣду! Я имъ пушу пыли! А теперь, сплетень-то, чай, тамъ! Ну, поѣдемъ!

Настасья Степановна. Куда же?

Степанъ Михайловичъ. Домой!

Настасья Степановна. А какъ же Саша?

Степанъ Михайловичъ. Я тебѣ съ ней видѣться никогда не позволю! Ишь, ты, какая покровительница! Пойдемъ! (*беретъ ее за руку*).

Настасья Степановна. Саша идетъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Алексѣй Васильевичъ.

ИЗЪСТЪ. } **Настасья Степановна.** Ахъ!
 } **Степанъ Михайловичъ.** А!?

Алексѣй Васильевичъ. Степанъ Михайлычъ!.. Настенька!..

Степанъ Михайловичъ. *(въ бѣшенствѣ).* Вотъ онъ, вотъ кто во всемъ виноватъ!.. Довольны моими несчастіями?.. Они черезъ васъ, радуйтесь!.. Жена умерла черезъ васъ, ее совѣсть мучила! Сынъ тоже, дочь черезъ васъ убѣжала! Я разорился тоже черезъ васъ! Вы... вы во всемъ виноваты! *(въ изнеможеніи садится на стулъ; дочь около него).*

Алексѣй Васильевичъ. Я?.. Полноте, Степанъ Михайлычъ! А совѣсть-то вамъ что говоритъ?

Степанъ Михайловичъ. Ничего она мнѣ не говоритъ! Моя совѣсть чиста!

Алексѣй Васильевичъ. Полноте! Не упрекаетъ ли она васъ самихъ во всѣхъ несчастіяхъ? Если бы вы послушались меня... то не дались бы въ обманъ Бахтулину!

Степанъ Михайловичъ. Тутъ не было обмана... несчастіе!

Алексѣй Васильевичъ. Пусть такъ, но и несчастія бы тогда съ вами не случилось! Лучше оставьте говорить о прошедшемъ, и никогда не станемъ вспоминать объ немъ! Въ вашей волѣ наше счастье, благословите насъ!

Настасья Степановна. *(тѣшительно).* Папенька! что хотите со мной дѣлайте, а я ни за кого не пойду, кромѣ его! Я не помню, чтобы вы хоть когда нибудь были со мной ласковы! Будьте же, хоть однажды, добры ко мнѣ! За что вы меня губите? Что я сдѣлала? Скальтесь, папенька! Теперь рѣшается судьба моя! Не заставьте меня проклинать свою жизнь! Если не для меня, то хоть для маменьки, которая не видала радостей! для брата... хоть въ память ихъ... Папенька!.. *(падаетъ на колѣни и цѣлуетъ его руки).*

Алексѣй Васильевичъ. Степанъ Михайлычъ! не губите насъ! Развѣ мало вамъ тѣхъ слезъ, которыя изъ-за васъ пролили?..

Степанъ Михайловичъ. *(со слезами).* Господи! что же это такое? всѣ на меня напали, всѣ меня обвиняютъ! И она на меня! Ну, чтожъ, ваша воля! Дѣлайте со мной, что хотите! Теперь я разоренъ, боленъ, слабъ! Распоряжайтесь мною! *(плачетъ какъ ребенокъ)* Вонъ, у Павла Петровича, какая дочь!! а я... несчастный! Я вамъ долженъ въ ноги поклониться за то, что вы берете мою дочь... Кто ее возьметъ? да и могу ли я ей приказать? Что ей отецъ! Какъ вамъ, сударь, угодно! Я думалъ, что зять ко мнѣ придетъ, да поклонится, а теперь самому привелось кланяться! Приказывайте! Я нищій! Я сумасшедшій!.. Я погубилъ мою семью... Ну, прогоните меня... на что вамъ отецъ?... *(рыдаетъ).*

Алексѣй Васильевичъ. Степанъ Михайлычъ! Мнѣ больно слы-

нять отъ васъ такія слова! И чтобы доказать, что я не могу и не желаю вамъ приказывать, а свято уважаю въ васъ отцовскія права, извольте, — я становлюсь передъ вами на колѣни и прошу согласія на бракъ съ вашей дочерью!

Настасья Степановна. Для брата... для маменьки!

Степанъ Михайловичъ. (*отходя отъ нихъ*). Прочь подите отъ меня! Оставьте меня!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Александра Степановна.

Александра Степановна. Алексѣй Васильичъ!.. вы здѣсь? Мы разбѣхались съ вами!.. Папенька! васъ спрашиваетъ человекъ отъ Павла Петровича!.. Съ нимъ сдѣлался ударъ!

Степанъ Михайловичъ. Ударъ? Съ Павломъ Петровичемъ? (*машинально распускаетъ галстукъ*). Какъ, ударъ?

Александра Степановна. Дочь его ушла отъ своего мужа — онъ съ ней безчеловѣчно поступалъ... Простудилась, захворала и теперь лежитъ при смерти... Нѣтъ никакой надежды на спасеніе!

Степанъ Михайловичъ. А съ нимъ ударъ?.. (*еще болѣе распускаетъ*). Слышите, слышите... вотъ до чего дѣти доводятъ своихъ родителей, вотъ какъ легко намъ переносить!.. (*Настъ*). Дѣлай, какъ хочешь!.. Выходи за него, но ты придешь постѣ ко мнѣ... раскаешься, будешь просить прощенія! Живите, какъ знаете! Меня оставьте... не троньте! Я уѣду... далеко... далеко!

Настасья Степановна. Папенька, поѣдемте вмѣстѣ!

Алексѣй Васильевичъ. Въ Михайловку!

Степанъ Михайловичъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я одинъ буду... не хочу!.. Вы теперь всѣ на меня!.. Что мнѣ сказать?.. Пусть будетъ по вашему!.. Но слушайте: Богъ на томъ свѣтѣ разсудитъ, кто изъ насъ былъ правъ, кто виноватъ! Прощайте, я къ Павлу Петровичу пойду!

КОНЕЦЪ:

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

SECTION VII

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

SECTION VIII

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

НЕ ВЪ ДЕНЬГАХЪ СЧАСТЬЕ,

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СЪ ПРОЛОГОМЪ.

И. ЧЕРНЫШЕВА.

Представлена въ первый разъ на Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ Г. Мар-
тынова, Января 30 дня 1859 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

1858.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВЪ ПРОЛОГѢ:

Василій Иваннычъ Боярышниковъ, купецъ 35 лѣтъ . Г. Мартыновъ.
Дмитрій Федотычъ Колесниковъ, купецъ, его тесть . Г. Алексеевъ.
Егоръ Ефимовичъ Щукпнъ, 30 лѣтъ Г. Самойловъ.
Каролина Г-жа Линская.
Молодецъ изъ лавки.
Дитя 4-хъ лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ, въ квартирѣ Боярышникова. *Между прологомъ и 1-мъ актомъ 15 лѣтъ антракта.*

ВЪ КОМЕДИИ:

Василій Ивановичъ Боярышниковъ, 50-ти лѣтъ . . Г. Мартыновъ.
Нильюша, его пріемышь и воспитанникъ Г. Бурдинъ.
Егоръ Ефимовичъ Щукпнъ, 43 лѣтъ. Г. Самойловъ.
Каролина Карловна Кризе, квартирная хозяйка . . . Г-жа Линская.
Марья Васильевна Колпннъ, модистка. } Жильцы у
Метръ Сергѣичъ Сергѣевъ, конторщикъ } Кризе. Г. Чернышевъ
безъ мѣста
Агафонъичъ, служащій у Боярышникова.
Дворникъ.

Первое и третье дѣйствіе происходятъ въ квартирѣ Кризе, а второе и четвертое — у Боярышникова, въ Петербургѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 24 ноября 1858 года.

Ценсоръ Д. Мацкевичъ.

ПРОЛОГЪ.

Небольшая комната въ купеческомъ домѣ. Мебель тяжелая, но стѣны съ картинами. Двѣ двери и окно.)

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ и КОЛЕСНИКОВЪ.

КОЛЕСНИКОВЪ (*осматривался кругомъ*). Важно, зятюшко, убралъ квартиру! важно! то есть просто по-барски!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Я, тятенька, это люблю! но мнѣ ужъ лучше не допить, не доѣсть, потому что мамонъ добра не чувствуетъ, только чтобы на себѣ было хорошо и жилище въ опрятности. Я еще когда находился въ прикащикахъ и тогда свою каморку отдѣлалъ по собственному вкусу. Купилъ разныхъ божественныхъ картинокъ, царскихъ патретовъ, и развѣсилъ по стѣнкамъ. Кроватку завѣсилъ ситцевою занавѣсочкой, къ оконцу шторку кисейную приладилъ, хоша и не дорожую, но приличную. Бывало, какъ хозяинъ войдетъ,—только знай похваливаетъ; всѣмъ молодцамъ въ примѣръ ставилъ!

КОЛЕСНИКОВЪ. Я, зятюшко, безъ лести скажу; въ тебѣ будетъ прокъ. Не отдавай бы я за тебя своей дочки, потому что съ тѣмъ приданымъ, какое я за ней далъ, можно бы сыскать было и побогаче жениха, но я видѣлъ, что ты человекъ дѣловитый, и что хоша теперича не при большомъ капиталѣ, то въ послѣдствіи будешь много денегъ имѣть!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ахъ, кабы вашими устами, да медь пить!

КОЛЕСНИКОВЪ. Вѣрь слову: миллионщикомъ будешь, потому что ты сердцемъ твердъ! вотъ я и побольше тебя занимаюсь торговлей, а сердце у меня мягче! Далекъ пойдешь ты, зятюшко! Только вотъ что я слышалъ: идетъ сумѣніе на счетъ твоей лавки!

БОЯРЫШНИКОВЪ. То есть въ какомъ же это смыслѣ.

КОЛЕСНИКОВЪ. А вотъ въ какомъ: люди толкуютъ, съ какихъ доходовъ ты снялъ лавку? Былъ, говорятъ, прикащикомъ у хозяина-сква-

лыги и вдругъ, не знаемо съ чего, приписался въ купцы, снялъ лавку и повелъ большую торговлю.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Тятенька! мало ли что люди говорятъ! про кого не плетутъ вздору? нѣшто кто зналъ мои капиталы? нѣшто кто лазилъ въ мой карманъ? У меня деньги давно въ ломбардѣ лежали, а что я находился въ прикащикахъ и не съмалъ своей собственной лавки, такъ на это была моя такая фантазія! а почему? никому до этого дѣла нѣтъ!

КОЛЕСНИКОВЪ. Вѣдь я только такъ сказалъ, зятюшко. Знаю, чего люди не выдумаютъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Это все, тятенька, бѣсъ глаголетъ ихъ устами, зависть въ сердцѣ гнѣздится! пуцай, что хотятъ, то и говорятъ! Богъ съ ними! — Такъ вы теперича, тятенька, въ ломбардѣ собираетесь?

КОЛЕСНИКОВЪ. Да... въ ломбардѣ... деньги нужно вынуть! О-охъ!... нужно съ тобою разсчитаться.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Такъ ужъ вы, тятенька, поторопитесь, потому что мнѣ деньги очинно нужны. Мнѣ съ васъ приходится дополучить 25 тысячъ рублей ассигнаціями!

КОЛЕСНИКОВЪ. Ну, да! такой у насъ уговоръ былъ! Кромѣ всего приданого, передъ отъѣздомъ въ церковь 25 тысячъ, и на другой день свадьбы 25 тысячъ.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Точно такъ, тятинька! такъ ужъ нельзя ли поторопиться.

КОЛЕСНИКОВЪ. А слушай, зятюшко! что если я тебя надую?

БОЯРЫШНИКОВЪ. То есть какъ надуете?

КОЛЕСНИКОВЪ. Да такъ,—не дамъ больше ни копѣйки,—да и шабашъ.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Оно, конечно, тятенька, человекъ обидѣтъ легко, но нужно подумать о Богѣ! Вѣдь вы теперича въ такихъ годахъ, что пора себѣ готовить путь въ царствіе небесное! Къ тому же вы то должны помнить, что ваша дочка теперича жена моя, слѣдственно я властенъ съ ней дѣлать, что ни захочу! Сами знаете, когда мужчина огорченъ,—женѣ въ тѣ поры плохо приходится; изъ-за васъ, тятинька, не взыщите, будетъ страдать ваше дѣтище!

КОЛЕСНИКОВЪ. Ну, ну! я вѣдь пошутилъ! оплетешь тебя! какже! держи карманъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Въ нашемъ быту надо ухо остро держать! Такъ отправляйтесь же, тятенька!

КОЛЕСНИКОВЪ. Иду, иду! Да неужто жена-то еще не подымалась.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Нѣтъ еще, проклажается! она у васъ шибко поизбалована! Я недѣлку, другую само-собою, спущу, а потомъ начну ей порядокъ внушать и своимъ чередомъ къ дѣлу пріохочивать!

КОЛЕСНИКОВЪ. Ты ей глава—твоя и воля! дѣлай какъ знаешь! теперь ужь я сторона! Знаю, сначала поплачетъ, поартачится, а тамъ и принаровится! Вотъ она и за тебя-то упрявилась идти: «не по идраву, говоритъ, онъ мнѣ»; а сама такъ и вопить... Да нѣшто* на женскія слезы можно смотрѣть?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Извѣстно, женскія слезы — вода! Такъ поторнитесь же тятенька!

КОЛЕСНИКОВЪ. Ладно! черезъ часъ, много черезъ два ворочусь! Прости пока! (*Уходитъ*).

БОЯРЫШНИКОВЪ (*вслѣдъ ему*). Такъ я дожидаться буду!

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ одинъ.

Дѣло сдѣлано,—я женатъ! женатъ на богатой! сбылись мои помышленія денныя и ночныя,—денежки есть! хоша эта блѣдная. сухопарая жена мнѣ и не совсѣмъ по вкусу, да зато 50 тысячъ взялъ за ней, а годъ тому назадъ у меня копѣйки не было! ловко обдѣлалъ дѣло! Главная вещь фундаментъ хорошо заложилъ!.. (*подумавъ*). Какъ мнѣ быть *съ тѣмъ-то?*.. вѣдь онъ скоро придетъ! неужто отдавать? вздоръ! на что ему деньги? онъ мотыжка, всѣ на пустяки истратить, а мнѣ теперь деньги нужны! Торговля пошла хорошо, а теперь пойдетъ еще лучше! И вдругъ Василій Ивановичъ Боярышниковъ будетъ милліонщикомъ! а тамъ можно приняться за откупа! Или нѣтъ, за откупа не возьмусь,—страшно, можно лопнуть! буду братья только за вѣрное! милліонщикъ! я милліонщикъ.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ, МОЛОДЕЦЪ, потомъ КАРОЛИНА съ ребенкомъ.

МОЛОДЕЦЪ. Тамъ какая-то женщина васъ спрашиваетъ, хозяинъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что такая за женщина?

МОЛОДЕЦЪ. Не знаю.... съ дѣвочкой!

КАРОЛИНА (*женщина лѣтъ 55-ти, одѣта блдно, съ дѣвочкой 4-хъ лѣтъней на рукахъ*). Это я.... я — Каролина! Здравствуйте Василію Ивановичъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*съ неудовольствіемъ*). А! здравствуй!... Пошелъ вонъ! (*Молодецъ уходитъ*). Чего тебѣ нужно? пошто пришла?

КАРОЛИНА. Василій Ивановичъ! вы женились!... женились.... Богъ съ вами!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Такъ что жъ, что женился? тебѣ до этого какая надобность?

КАРОЛИНА. А бѣдная Анхень? вы забыли ее!... а вы обѣщались на ней жениться!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что-о?... мнѣ жениться на ней, купцу-то, на какой-то нѣмкѣ безродной? Что ты такое мелешь? рѣхнулась видно!

КАРОЛИНА. Вы обманули ее, бѣдную! Вотъ ужъ съ полгода тому назадъ, вы стали къ ней ходить все рѣже и рѣже, а потомъ совсѣмъ оставили! Она плакала, очень плакала бѣдная моя Анхень! она всегда была нездорова, а какъ вы ее оставили, съ горя совсѣмъ забогѣла!

БОЯРЫШНИКОВЪ. А мнѣ-то до этого какая нужда?

КАРОЛИНА. Грѣхъ вамъ говорить такъ, Василій Ивановичъ! вспомните, какъ она васъ любила!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ладно! знаемъ мы эту любовь! деньги давалъ, — вотъ за что любила!

КАРОЛИНА. Деньги? ей? ужъ не мнѣ бы вы это говорили! вѣдь я все знаю! Вспомните, когда вы сдѣлались больны и потеряли мѣсто, вы жили у ней три мѣсяца, она васъ содержала на свои трудовыя деньги.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ой-ли? а гдѣ моя шуба, часы и перстень? все пошло за безцѣнокъ! ужъ ты лучше не растабарывай! знаю я, какова ты птица!

КАРОЛИНА. Вы меня не любите зато, что я всегда правду говорю, что я заступаюсь за несчастную Анхень! *(дѣвоцкѣ)* Марихень! сядь вотъ сюда!... на! поиграй! *(сажаетъ ее и даетъ со стола какую-то вещьцу)*.

БОЯРЫШНИКОВЪ *(вырываетъ вещь отъ дѣвоцки)*. Оставь! Что даешь не спрося? вещь-то деньги стоитъ, а ребенокъ разобьетъ!

КАРОЛИНА. Что жъ, вамъ жалко? кому вы жалѣете? вѣдь это дочь ваша!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ладно, дочь! слышали мы эту пѣсню! небось, не оплетешь!

КАРОЛИНА. Безсовѣстный вы, безсовѣстный!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну-ну! смотри! говори, да не заговаривайся!

КАРОЛИНА. Никому не позволю обижать мою Анхень! Да неужели вы въ ней можете сомнѣваться?

БОЯРЫШНИКОВЪ. А небось вамъ вѣрить? вотъ дурака нашли! Анна-то не жена мнѣ.... кто мнѣ поручится, что это моя дочь?

КАРОЛИНА. Я вамъ клянусь, всѣмъ на свѣтѣ, что Анхень любила васъ! могла ли она быть вамъ невѣрной?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да вѣдь ты съ ней, извѣстно, за одно!

КАРОЛИНА. Ну, не вѣрьте! Богъ съ вами! Богъ вамъ за это запла- тить! Анхень предчувствовала, что вы будете такъ говорить, и про- сила меня быть матерью для ея дочери, потому что маленькая Мари- хень скоро будетъ сиротой!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Какъ такъ?

КАРОЛИНА. Мѣсяцъ тому назадъ Анхень свезли въ больницу. У ней все болѣла грудь и мучилъ кашель.... Я призывала доктора, все, что можно продала, и покупала лекарства, но денегъ было мало. Анхень сама пожелала въ больницу, я ее уговаривала остаться, но она не хотѣла мнѣ быть въ тягость! Хоть Анхень мнѣ и запретила ходить къ вамъ, но я нѣсколько разъ была у васъ и не заставала до- ма.... въ вашей лавкѣ мнѣ тоже отказывали! послала письмо къ вамъ, но не получила отвѣта! Вы ее совсѣмъ забыли, совсѣмъ бросили, да- же въ больницѣ не навѣстили!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Досугъ мнѣ шлаться по больницамъ!

КАРОЛИНА. Бѣдная Анхень лежала безъ копѣйки денегъ, у ней не было ни чаю, ни сахару. Я ей иногда принесу булочку.... гривен- никъ... У меня у самой ничего нѣтъ! Но она не скучала объ этомъ, она все васъ ждала, она надѣялась, что вы придете!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну ладно.... хорошо.... На, вотъ, снеси ей цѣлко- вый-рубль!

КАРОЛИНА. Теперь ужъ ей ничего не нужно; она лежитъ въ бре- ду, безъ памяти.... Докторъ сказалъ, что она не доживетъ до завтра- го! Ахъ если-бы вы посмотрѣли, вы бы не узнали ее; совсѣмъ вы- сохла, кожа да кости, просто шкилетъ шкилетомъ! Она и въ бреду все поминаетъ васъ, молить за васъ Бога и просить не оставить ма- ленькую Марихень! *(плачетъ)*.

БОЯРЫШНИКОВЪ *(слегка тронутый)*. Что жъ, пожалуй, я тамъ, что нужно, на похороны дамъ! гробъ, пожалуй, бархатный можно съ позументомъ въ три ряда!

КАРОЛИНА. Къ чему ей бархатный гробъ? я продамъ остальные ея платья и кой-какъ похороню на эти деньги! — Василій Иванычъ! если вы хотите утѣшить умирающую Анхень, которая, Богъ свидѣ- тель, васъ любила и всегда была вѣрна вамъ, — то обеспечте участь Марихень!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Какъ это обезпечить?

КАРОЛИНА. Положите на ея имя въ ломбардъ хоть нѣсколько сотъ рублей... пусть, когда она вырастетъ большая, захочетъ вытти за- мужъ, — возьметъ тогда эти деньги! Богъ васъ наградитъ за это вдвое!

Анхень проститъ вамъ все, что вы противъ ней сдѣлали и будетъ молиться за васъ на томъ свѣтѣ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну, такъ и есть, сейчасъ и денегъ выманивать! знаю я тебя попрошайку! видно сама хочешь попользоваться!

КАРОЛИНА. Нѣтъ, я никогда не пользовалась чужимъ! Я сама могла бы имѣть тысячи, когда бы не была проста; да деньги любила! Теперь я васъ прошу для маленькой Марихень!... я съ ней теперь никогда не разстанусь, — я буду ее кормить на свои трудовыя деньги, — но если бы вы дали мнѣ хоть немного, — я могла бы ее образовать..... отдала бы въ пансіонъ, потомъ приучила къ какому нибудь рукодѣлюю.... Она бы всю жизнь за васъ Бога стала молить! *(подбѣгаетъ къ двоицѣ и подводитъ ее къ Болрышникову)*. Марихень! проси папу! проси, душечка! цѣлуй у него ручку!

ДѢВОЧКА. Папа! дай тѣтѣ, что она просить!

БОЯРЫШНИКОВЪ. *(тропутьей)*. Ну... хорошо.... Поди ко мнѣ, Маша! *(беретъ ее къ себѣ на руки)*. Скажи, ты любишь меня?

ДѢВОЧКА. *(обнимал его)* Люблю! вотъ какъ! тебя мама любить!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Слушай, Каролина, сбереги ты ее! вырасти ты ее! сохрани отъ соблазновъ, коли можно! *(цѣлуетъ ребенка и опускаетъ ее на полъ)*. На, вотъ сто рублей! это на воспитаніе *(даетъ Каролинѣ деньги)*.

КАРОЛИНА *(съ грустью)*. Сто рублей ассигнаціями!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Мало небось? Ну, на вотъ еще сто, — да и не заикайся больше! А если ты ее вырастишь въ добромъ поведеніи, да въ законѣ Божіемъ, — я ей, какъ Богъ дастъ доживу, приданое дамъ! ты сыщи ей жениха и приходи ко мнѣ! А коли она будетъ непутная, — такъ лучше и не являйся! Слышишь? до тѣхъ норъ, пока она не придетъ въ совершеннолѣтіе и не приходи ко мнѣ! Теперь я человѣкъ женатый... Мнѣ съ ней нельзя возиться!.. Къ тому же, кто знаетъ, моя ли еще она дочь!?

КОРОЛИНА. Ну, перестаньте объ этомъ! Можетъ быть теперь ужъ нѣтъ на свѣтѣ Анхень! не оскорбляйте мертвую! — Ну, Марихень, благодарн папу и простись съ нимъ, — можетъ быть ты его больше никогда не увидишь!

ДѢВОЧКА. Прощай папа!

БОЯРЫШНИКОВЪ. *(цѣлуетъ ее)*. Прощай Маша! Богъ тебя благослови!

КАРОЛИНА. Какъ Анхень умретъ, — увѣдомить васъ? будете на выносѣ?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да вѣдь ее на Нѣмецкомъ хоронить стануть, не пойду, грѣшно! да я и покойниковъ боюсь! простись ты за меня!

КАРОЛИНА. Какъ хотите, ваша воля! Благодарю васъ, что не оставили сиротку!... Если вы когда нибудь вспомните о бѣдной Мари-

снѣ, — отыщите ее, придите къ ней, — можетъ быть тогда сердце вамъ скажетъ, что она ваша кровь! (*беретъ на руки дѣвочку.*) Прощайте, Василии Пванычъ, прощайте надолго! (*Уходитъ съ ребенкомъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ одинъ.

Жаль Аннушку.... она была добрая, и, кажется, точно, меня любила.... Я не покинулъ бы ее, если.... Впрочемъ не жениться же мнѣ на ней да нищенствовать? Нѣтъ, мнѣ нужны деньги! Всѣ эти любви, да нѣжности прискучать, — а денежки никогда! Ну, Богъ съ ней! я свое дѣло сдѣлалъ! совѣсть очистилъ: далъ дѣвочкѣ денегъ! — Что я, въ самомъ дѣлѣ, думаю объ этомъ?.. одна только глупость! и въ головѣ не надо держать такой дури!

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ и ЩУКИНЪ.

ЩУКИНЪ (*Лѣтъ 50, одѣтъ по-пльнецки*). Здравствуй Вася! здравствуй!

БОЯРЫШНИКОВЪ. А, Егорушко, здравствуй! здоровъ-ли?

ЩУКИНЪ. Чего, братъ, здоровъ! вѣдь я сегодня насилу могъ подняться! просто головы не могъ поворотить! Вѣдь ты знаешь, что я пью мало, а вчера на твоей свадьбѣ такъ назюкался, что бѣда!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Полно, много-ли ты пилъ?

ЩУКИНЪ. Рассказывай, много-ли! не помню какъ домой привезли! Ну, ужь, браша, и свадьба-же была! Молодецъ! ужь вотъ, что называется, чего хочешь, того и просишь! И мороженое, и фрукты... а шампанскаго-то пили, пили!... Чай встало въ копѣйку?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да, таки порядочно; вѣдь это на тятенькинъ счетъ!

ЩУКИНЪ. Какъ не встать! Иногда на именины позовешь, припасешь такъ, кой-чего по малости, — хватъ, — рубликовъ десятокъ, другой вонъ изъ кармана!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Безъ малаго сточеловѣкъ за столомъ сидѣло! Генералъ былъ! Тятенька нарочно звалъ! при звѣздахъ и въ лентѣ! видѣлъ?

ЩУКИНЪ. Какъ же, видѣлъ! А знаешь, что, браша, сидѣлъ я у тебя на балу, да думалъ: когда мнѣ Господь приведетъ жениться?...

БОЯРЫШНИКОВЪ. За чѣмъ-же дѣло стало?

ЩУКИНЪ. Да надо, надо будетъ! пора завестись домкомъ.... Есть, браша, у меня дѣвушка на примѣтѣ, тихая, добрая и какая умница!..

БОЯРЫШНИКОВЪ. А велико-ли приданое?

ЩУКИНЪ. Безъ приданого, браша! да миѣ его и не нужно! у меня есть своихъ деньжонокъ малая толика, будемъ жить безбѣдно! Куда миѣ богатство! не сладить миѣ съ нимъ! Вотъ ты, дѣло другое, ты умѣешь беречь деньгу, — а у меня, самъ знаешь, ужъ лишняя копѣйка не заведется! Такъ я и жениться хочу для того, что бы жена всѣмъ распорядилась! Отдамъ ей все на руки, пусть хозяйничаетъ! Вотъ теперь, браша, я и зашелъ къ тебѣ.... знаешь, на счетъ того?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Не хочешь-ли выпить маленькую? съ похмѣлья-то хорошо!

ЩУКИНЪ. Пожалуй, можно!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Молодецъ!... (*Молодецъ уходитъ*). Спроси-ко настойки да огурчиковъ! (*Молодецъ уходитъ*).

ЩУКИНЪ (*осматривалъ*). Славная квартира у`тебя, браша!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. И деньги-то плачу за нее славные!

МОЛОДЕЦЪ (*вноситъ водку, закуску, ставитъ на столъ и уходитъ*).

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну, Егорушко, приступимъ! (*пьютъ*).

ЩУКИНЪ. А что, браша, гдѣ теперь твоя Аннушка Кѳлинъ? что съ ней?

БОЯРЫШНИКОВЪ (*заминалъ*). А Богъ ее знаетъ!.. живетъ, чай, по старому!

ЩУКИНЪ. Я думаю, куда какъ она, бѣдняжка, огорчилась, когда узнала про твою свадьбу? славная она дѣвушка! жаль ее сердешную!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что жъ, не жениться-же миѣ на ней!

ЩУКИНЪ. Ну да! — конечно!... Хоть, если разсудить.... А все таки жаль ее! Ты помогай ей, браша, она бѣдная! Къ тому-же.... вѣдь у васъ дочка есть! Ты долженъ о ней позаботиться!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ужъ я сдѣлалъ все, что слѣдуетъ!

ЩУКИНЪ. Вотъ это, браша, хорошо!... Но крайности на тебя плакаться не будутъ!... А Аннушка... ахъ, если бъ ты зналъ, какъ она тебя любитъ!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ишь какой заступникъ!

ЩУКИНЪ. Да какъ же, браша, жаль! — А вотъ что: хотѣлъ я съ тобой посоветоваться, сдають миѣ табачную лавку, славная такая лавка, на хорошемъ мѣстѣ и за выходъ ничего платить не нужно, — какъ присовѣтуешь, — снять?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что-жъ, сымай!

ЩУКИНЪ. Сниму, право! Женюсь да и начну, благословясь, по-маленьку торговать! Миѣ многого не нужно, хватало бы только на пропитаніе! Такъ я сегодня и задатку дамъ! Вотъ, браша, я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ; мы съ тобой условились, помнишь....

БОЯРЫШНИКОВЪ. А не выпить-ли намъ еще по маленькой?

ЩУКИНЪ. Нѣтъ браша, спасибо! ты знаешь, у меня сейчасъ гов-
лова кругомъ поидеть!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ничего! повторимъ, а то хромать станешь!

ЩУКИНЪ. Ну, одну, пожалуй, для друга! (*пьетъ*).

БОЯРЫШНИКОВЪ. Огурчика-то закуси!...

ЩУКИНЪ. Закушу! Такъ какъ же, браша? когда ты мнѣ возвратишь?
вѣдь у насъ уговоръ былъ...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Вотъ и тятенька идетъ! вотъ и онъ выпьетъ!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и КОЛЕСНИКОВЪ.

КОЛЕСНИКОВЪ. Вотъ и я воротился! что, скоро?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Очинно скоро!... Выпить не хотите ли тятенька?

КОЛЕСНИКОВЪ. Пожалуй, пропущу! (*пьетъ*). Чиновникъ знакомый
попался, онъ и хлопоталъ, чтобъ скорѣ выдали!

ЩУКИНЪ. Здравствуйте, Митрій Федотычъ!

КОЛЕСНИКОВЪ. А! здравствуйте, батюшко!... Вы кажется съ зя-
тешкой-то у одного хозяина жили?

ЩУКИНЪ. У одного! мальчиками даже вмѣстѣ были!

КОЛЕСНИКОВЪ. Такъ-съ! старые знакомые!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Такъ мы, тятенька, пойдемъ, да и покончимъ!
Ты не взыщешь, Егорушко? у насъ важеньныя дѣла есть!

ЩУКИНЪ. Постои браша! пожалуста кончи со мной! Я пойду с сеі-
часъ задатокъ за лавку давать!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да на счетъ чего съ тобой кончить?

ЩУКИНЪ. Ну, на счетъ того!... Неужто не помнишь? Ну, взялъ-
то тогда!... (*Тихо*) Да выдемъ на минутку, здѣсь, при тестѣ-то не
ловко!

КОЛЕСНИКОВЪ. Секреты у васъ, что-ли? я, пожалуй, выду!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Нѣтъ, тятенька, не уходите! у насъ секретовъ
никакихъ нѣту! Объясни скорѣ да потолковѣ, на счетъ чего ты хо-
чешь поговорить со мной? мнѣ нѣкогда!

ЩУКИНЪ. Ну, да на счетъ денегъ!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Какихъ денегъ?

ЩУКИНЪ. Какъ какихъ? да что ты, браша, въ правду забылъ,
или шутишь? На счетъ тѣхъ денегъ, которые ты у меня занялъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Я у тебя занялъ деньги?! вотъ-те новенькое!
Да когда же я у тебя занималъ и сколько?

ЩУКИНЪ. Да полно дурачиться! годъ тому назадъ, 10 тысячъ ас-
сигнаціями?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ты, любезный, видно съ ума сошелъ! Не токмо, что 10 тысячъ, я ни у кого отъ роду-родясь 10-ти копѣекъ не замѣствовалъ!...

ЩУКИНЪ. Какъ?... что такое? Браша! слушай! да ты шутишь, или нѣтъ? На чьи же ты деньги лавку-то открылъ?

КОЛЕСНИКОВЪ. Какъ, зятюшко! такъ ты, значить, лавку-то открылъ начужія деньги?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Вы, тятенька, не мѣшайтесь, гдѣ васъ не спрашиваютъ! вы этого дѣла не знаете, значить, вамъ и голосу давать не слѣдъ! (*Щукину*) Ты говоришь, что я тебѣ состою долженъ? Ладно, хорошо! покажь росписку!

ЩУКИНЪ. Браша! браша! опомнись, Богъ съ тобой! Какая же росписка? вѣдь я тебѣ далъ деньги по дружбѣ, на честное слово! зачѣмъ росписка?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Слышите, тятенька? 10 тысячъ далъ безъ росписки, на честное слово! есть ли нынче такіе дураки?

КОЛЕСНИКОВЪ. Кажись трудно сыскать!

ЩУКИНЪ. Росписка.... какая же между нами росписка? Мы съ тобой съ измалѣтства душа въ душу жили, словно родные братья, и горе и радость, все дѣлили пополамъ! Помнишь, на Голодаѣ мы купались? ты плавать не умѣлъ, началъ тонуть,— я тебя тогда вытащилъ изъ воды, послѣ того мы крестами помѣнялись и обѣщали другъ за дружку стоять горой! Бывало разсердится на кого нибудь изъ насъ хозяинъ,— другой на себя вину приметъ! И въ прикащики вышли, — всегда, вездѣ вмѣстѣ! Тутъ у меня дяденька въ Торжкѣ померъ, оставилъ наследство, вотъ тогда ты и началъ приставать ко мнѣ, да денегъ просить! Ты мнѣ говорилъ, что влюбился въ дѣвушку, помрешь съ горя, коли на ней не женишься, а отецъ за прикащика отдать не соглашается, требуетъ, чтобы зять былъ самъ хозяинъ, ходилъ бы по русски съ бородой. Помнишь, какъ ты меня упрашивалъ отдать тебѣ деньги? клялся передъ образомъ, считать меня вмѣсто отца и благодѣтеля — я отдалъ тебѣ всѣ свои деньги; мнѣ они тогда не нужны были! Я тебѣ, помнишь, далъ билетъ, самъ ты пошелъ въ ломбардъ и вынулъ всѣ 10 тысячъ! Потомъ открылъ свою лавку, надѣлъ сибирку и отростилъ бороду, и черезъ годъ женился! Ты сказалъ, что берешь за невѣстой 50 тысячъ, и велѣлъ мнѣ притти на другой день, послѣ свадьбы и обѣщался отдать долгъ съ благодарностью! Ну, вотъ я и пришелъ! деньги мнѣ теперь самому нужны.... Какая же тебѣ росписка?

КОЛЕСНИКОВЪ. Зятюшко! значить ты меня мало-моля поднадулъ!?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Эхъ, тятенька! охота вамъ уши развѣшивать! мало ли чего онъ не наскажеть!

ЩУКИНЪ. Э, браша! теперь я вижу, что ты деньги-то занималъ для того только, чтобы сдѣлаться хозяиномъ, да взять богатую невѣсту! Ну не зналъ я, что они тебѣ нужны были для обмана, — не далъ бы ни копѣйки! ты мнѣ клялся, что влюбленъ въ дѣвушку, что руки на себя наложишь, коли на ней не женишься!... я тебѣ повѣрилъ, а ты... Эхъ, браша! ты хитрилъ, обманывалъ — не хорошо!

КОЛЕСНИКОВЪ. Ну, кабы зналъ я это, — не отдалъ бы за тебя своей дочери!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Вы, тятенька, ничего не знаете, такъ не разсуждайте! Теперь нечего говорить: «не отдалъ бы!» Дѣло сдѣлано! Значить, спустя лѣто, въ лѣсъ по малину ходить не для чего! (*Щукину*). Что же касается до тебя, то я удивляюсь только твоей смѣлости: не имѣвши никакого документа, смѣешь говорить, что я тебѣ долженъ! За такое безчестіе, можно бы было раздѣлаться съ тобой своимъ порядкомъ, но я, по старому знакомству, прощаю тебя! Убирайся же! Знаю я, что ты, Егоръ Ефимовъ Щукинъ, былъ годъ тому назадъ вмѣстѣ со мной прикащикомъ, но денегъ никакихъ у тебя не бралъ и не состою тебѣ должнымъ ни копѣйки; лавку же я открылъ на свои собственные капиталы!

ЩУКИНЪ. Какъ ты отпираешься? — Браша! не ожидалъ я отъ тебя этого! За что же ты меня по міру-то пускаешь? Теперь я отъ мѣста отсталъ, долговъ надѣлалъ, какъ же мнѣ теперь быть? Вѣдь я теперь и жениться не могу, у моей невѣсты нѣтъ 50-ти тысячъ! не разводиться же намъ нищихъ! Браша! да ты побойся Бога! Неужто зато, что я по дружбѣ и по простотѣ своей повѣрилъ тебѣ на слово, ты меня погубить хочешь? Браша! вспомни нашу прежнюю дружбу!... Сжался надо мной!...

КОЛЕСНИКОВЪ. Слышь, зятюшко! коли бралъ, такъ отдать слѣдуетъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ничего я не бралъ! Лжетъ онъ! Ступай вонъ, тебѣ говорить, — али я пошлю за кварталнымъ!

ЩУКИНЪ. Такъ ты рѣшительно отказываешься? Богъ тебя накажетъ за это! покорыствовался ты чужимъ добромъ! Что мнѣ теперь дѣлать? судиться не могу, никакого доказательства нѣту!... Обмануть! Обмануть!... и кѣмъ же? другомъ, почти братомъ! О, Господи!... (*Утираетъ слезы*).

КОЛЕСНИКОВЪ. Да отдай ему сколько нибудь!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Дайте вы свои, тятенька, коли на васъ такая жалость напала!

КОЛЕСНИКОВЪ (*вынимая деньги*). Вотъ тѣ 25 тысячъ, которые я вынулъ изъ ломбарда.... я изъ нихъ, хоть скольконибудь ему дамъ!...

БОЯРЫШНИКОВЪ (*вырываетъ у него деньги*). Нѣтъ, тятенька, шалите! эти деньги мои! А коли есть ваше такое челоуѣколюбіе, такъ ступайте въ ломбардъ, выньте оттуда еще, да и раздавайте, кому хотите!

ЦУКНИЦЪ (*грустно*). Конечно, пропали мои надежды!... Прощай моя Сашенька, не женюсь я на тебѣ! не стану губить твою молодость! будь счастлива съ другимъ, а я, нищій, не гожусь тебѣ въ мужа! Лучше одному терпѣть нужду и горе, чѣмъ съ дѣтми!... Браша! да неужто ты въ самомъ дѣлѣ не отдашь денегъ? мнѣ что-то не вѣрится! Вѣдь ты знаешь, что есть Богъ на небеси, вѣдь ты вѣруешь въ Него! браша!.. Молчишь.... отворачиваешься.... Богъ же тебѣ судья! Эхъ, не даромъ говорится, что простота — хуже воровства! Спасибо! доказалъ ты мнѣ свою дружбу! Богъ съ тобой! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ и КОЛЕСНИКОВЪ.

КОЛЕСНИКОВЪ. Зятюшко! да неужто ты у него взялъ, и не отдаешь? а? вѣдь грѣшно! бралъ?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Кто? я-то, что-ль?

КОЛЕСНИКОВЪ. Зятюшко! побойся Бога, отдай

БОЯРЫШНИКОВЪ. Смѣшной вы, тятенька! какой вы легковѣрный, а сами въ преклонныхъ лѣтахъ! Мало ли что онъ наскажетъ! извѣстно, не бралъ!

КОЛЕСНИКОВЪ. Да вѣдь онъ такъ, ни съ чего, не могъ притти.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Онъ завсегда хмѣльемъ зашибается! пришелъ ко мнѣ съ-позаранку, попросилъ водки, — такъ можно ли ему вѣрить? Можетъ онъ отъ хмѣля въ разсудкѣ поврежденъ, а вы и уши развѣсили! Однако надо сосчитать (*вынимая деньги*), вѣрно ли все принесли?...

КОЛЕСНИКОВЪ. Ужъ вѣрно! нѣшто ты во мнѣ сумнѣваешься?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Я въ васъ, тятенька, не сумнѣваюсь, а все таки денежка счетъ любить!... Сто, двѣсти, триста... (*продолжаетъ считать*).

КОЛЕСНИКОВЪ. Ну, зятюшко, будетъ въ тебѣ прокъ! большой прокъ! много ты будешь денегъ имѣть!...

КОНЕЦЪ ПРОЛОГА.

Между прологомъ и 1-мъ актомъ проходитъ 15 лѣтъ антракта.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Очень маленькая комната. Двѣ двери: одни въ серединѣ — общій выходъ, другая съ правой стороны, въ комнату Марьи Васильевны. На право въ глубинѣ русская печка, На лѣво на первомъ планѣ окно, около него кровать и маленькій столикъ, огороженные бумажными ширмами. Нѣсколько табуретовъ и скамейка. Утро, едва брежжется свѣтъ. Слышно завываніе вѣтра и шумъ дождя).

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

СЕРГѢЕВЪ (*лежитъ на кровати, въ старомъ халатчикѣ. Около него столикъ, на которомъ бумаги, книги и огарокъ свѣчки. Онъ говоритъ во силь*). Боже мой! все пропало! опять неудача!... (*просыпаясь*) Ахъ, слава Богу! Это я видѣлъ во снѣ! Фу ты, Господи, какой страшный сонъ! сердце такъ и бьется!... даже потъ выступилъ! Мнѣ снилось, что я пришелъ за отвѣтомъ къ откупщику Петрову, а онъ велѣлъ меня вытолкать за дверь!... Меня схватили, потащили, и я проснулся! Что же значить этотъ сонъ? неужели мнѣ не будетъ удачи? вотъ уже третій мѣсяць я безъ мѣста, куда ни совался вездѣ занято! Научили сходить къ откупщику Петрову, снести ему свои проекты, сочиненія! Отнесъ... велѣлъ черезъ недѣлю притти, сегодня срокъ... что-то будетъ?... а славно можно было бы служить по откупу.... можно бы деньги пріобрѣсть!... Вотъ тогда бы я женился на Машенькѣ!... что-то она?... (*Подходитъ къ двери на право и слушаетъ*). Кажется еще спитъ.... Она, бѣдняжка, почти всю ночь работала!... Если бы привелъ Богъ мнѣ успокоить ее!... Однако сегодня очень холодно!...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

СЕРГѢЕВЪ И КАРОЛИНА КАРЛОВНА.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*лѣтъ 45-ти*). Фу! какой дождикъ!.... что это такое? вѣрно у насъ нынче зимы не будетъ!...

СЕРГѢЕВЪ. Сильный идетъ?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Такой мелкій, да частый... Что вы не спите? еще рано, 8-й часъ только, а вамъ, вѣдь, нужно итти въ десять!... *(разводитъ огонь на шесткъ, вынимаетъ изъ мѣшечка нѣсколько маленькихъ свертковъ, сухари, и начинаетъ варить кофе).*

СЕРГѢЕВЪ. Да не спится что-то, Каролина Карловна, вѣдь вы знаете, сегодня рѣшится моя участь... въ голову все идутъ такія непріятныя мысли!...

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Полно-те унывать! авось Богъ дастъ по-счастливится.

СЕРГѢЕВЪ. Съ младенчества не баловала меня судьба, такъ что-то плохо вѣрится въ счастье!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Грѣхъ отчаяваться! терпите! Богъ наградитъ за терпѣніе! А что, Машенька, еще не вставала?

СЕРГѢЕВЪ. Кажется, нѣтъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Нужно будетъ разбудить ее! сегодня ей нужно раньше шляпку снести!

СЕРГѢЕВЪ. Она, бѣдненькая, почти всю ночь не спала!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Что-жъ дѣлать! заказъ на срокъ! деньги даютъ хорошіе! а у насъ, вы знаете, сколько времени денегъ нѣтъ!

СЕРГѢЕВЪ *(конфузль)*. Каролина Карловна! вы не сомнѣвайтесь во мнѣ! будьте увѣрены, при первыхъ деньгахъ, до копѣйки расплачусь съ вами!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Э, полноте!... что говорить о пустяках!

СЕРГѢЕВЪ. Нѣтъ, я очень хорошо чувствую и понимаю вашу доброту, вотъ ужъ второй мѣсяцъ я вамъ не плачу ни за квартиру, ни за столъ! Какая-бы хозяйка это сдѣлала? Я всегда вамъ останусь благодарнымъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Перестаньте! Ахъ, батюшки! кофей-то чуть-чуть не ушолъ!... Мнѣ самой добрые люди вѣрятъ,—и я должна вѣрить! вотъ лавочникъ мнѣ и кофею, и сливockъ, и сухарей въ долгъ отпускаетъ! ничего! расплатимся! были-бы мы живы, а деньги будутъ!.. Я знаю, что вы не имѣете денегъ не отъ лѣности, или мотовства... Если-бы вашъ бывшій хозяинъ не обанкрутился, вы-бы при деньгахъ были!... Терпите! *(беретъ кофейникъ, сливки и сухари)*. Пойду будить мою нѣженку!

СЕРГѢЕВЪ. Каролина Карловна... я просилъ васъ... накрахмалить манишку... вы не забыли?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. У васъ въ сундукѣ лежитъ! еще вчера была готова!

СЕРГѢЕВЪ. Благодарю васъ, добрая Каролина Карловна!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Не стоитъ благодарности!... Маша, полно спать! (*растворяя дверь направо*). А! да ужъ она встала и одѣлась! умница! (*Уходитъ направо*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

СЕРГѢЕВЪ одинъ.

(*Снимаетъ халатъ, выдвигаетъ изъ-подъ кровати сундукъ, вынимаетъ изъ него манишку, сюртукъ и одѣвается*). Время приближается, скоро нужно будетъ идти!... (*мечтал*). Я приду къ нему, онъ приметъ меня ласково, скажетъ, что въ моихъ проэктахъ видно пониманіе дѣла!... А вдругъ, какъ онъ засмѣется надо мною? скажетъ: гдѣ вамъ толковать о томъ, чего вы не понимаете! Я васъ даже въ писаря къ себѣ не приму! что мнѣ тогда дѣлать? (*задумывается*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

СЕРГѢЕВЪ и МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*съ чашкою кофе и сухарями*). Здравствуйте Петръ Сергѣичъ!

СЕРГѢЕВЪ. Здравствуйте Марья Васильевна! какъ ваше здоровье?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Благодарю васъ! Не хотите-ли чашку кофею?

СЕРГѢЕВЪ (*конфузясь*). Нѣтъ-съ.... благодарю васъ.... я не хочу.... ей Богу, не хочу!...

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. И не стыдно вамъ церемониться со мною? я знаю, что у васъ теперъ денегъ нѣтъ! Кушайте! послѣ за это вы мнѣ цѣлый фунтъ подарите!

СЕРГѢЕВЪ. Право, Марья Васильевна, мнѣ совѣстно....

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Совѣстно вышить чашку кофею?

СЕРГѢЕВЪ. Но ужъ это не въ первый разъ!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Кушайте, говорятъ вамъ, или мы поссоримся!

СЕРГѢЕВЪ. За чѣмъ-же ссориться? только право.... (*пьетъ*).

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. А я сегодня разбогатѣю! кончила шляпку! получу ѓ цѣлковыхъ! Ахъ, да! вѣдь и вы сегодня получите мѣсто! поздравляю!

СЕРГѢЕВЪ. Погодите еще поздравлять Марья Васильевна, либо получу, либо нѣтъ, это еще дѣло закрытое!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Непремѣнно получите! у меня предчувствіе есть! Тогда вы переѣдете отсюда, забудете насъ!

СЕРГѢЕВЪ. Нѣтъ, Марья Васильевна, не считайте меня такимъ неблагогодарнымъ! я всегда буду помнить то добро, которое сдѣлали мнѣ вы и Каролина Карловна! да и кромѣ благодарности.... Забыть васъ!... да развѣ это можно?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Отчего-же нѣтъ? куда вамъ насъ помнить!

СЕРГѢЕВЪ. Вы знаете, Марья Васильевна, что у меня нѣтъ родныхъ, отца не помню, а матери лишился ребенкомъ. Всю жизнь я жилъ между чужими, ни отъ кого не слыхалъ привѣта.... Вы первые начали со мной обращаться, какъ съ роднымъ, — и я рѣшился никогда не разставаться съ вами и съ Каролиной Карловной!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не забывайте насъ! мнѣ безъ васъ будетъ очень скучно!

СЕРГѢЕВЪ. Такъ и вы хотѣли бы, что бы я всегда былъ съ вами?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да, всегда! всю жизнь!

СЕРГѢЕВЪ. Всю жизнь! не забудьте этихъ словъ, быть можетъ, я когда нибудь напомню вамъ ихъ!

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и КАРОЛИНА КАРЛОВНА.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*выноситъ съ-права бурнусъ, шляпку, калоши и картонку*). Ну, однако, Маша, не опоздай: вѣдь шляпка нужна къ обѣдинѣ хвать! ступай!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Отсюда недалеко, успѣю.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Ступай, лѣнивица этакая! Лучше раньше придти, чѣмъ опоздать! успѣете еще наговориться, не въ послѣдній разъ увидите! Одѣвайся! (*Подаетъ ей бурнусъ и шляпку*). Да и вамъ, Петръ Сергѣичъ, пора собраться!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*одѣвшись и беретъ картонку*). Такъ до свиданія Петръ Сергѣичъ! до радостнаго свиданія!

СЕРГѢЕВЪ. Ахъ, если-бы до радостнаго!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*останавливая ее*). А калоши-то? безъ нихъ не пуцу! простудишься! вотъ такъ. Ну, теперь съ Богомъ!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*Спрingsou*). Вотъ вамъ рука на счастье! До свиданія! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

СЕРГѢЕВЪ и КАРОЛИНА КАРЛОВНА.

СЕРГѢЕВЪ (*про себя*). Чудо, а не дѣвушка! ахъ, если бъ Богъ привелъ....

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Нужно бы написать билетикъ къ воротамъ, что у насъ отдается уголь, а то старѣй совсѣмъ дождемъ размыло! авось кто нибудь навернется,—все лучше лишнія деньги!

СЕРГѢЕВЪ. Не хотѣлось бы мнѣ, чтобы кто нибудь еще жилъ съ нами, да дѣлать нечего! какъ навернется жилецъ безпокойный, станеть тревожить Марью Васильевну

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Я такого держать не буду, откажу.

СЕРГѢЕВЪ. Такъ я сеіічасъ напишу! *(садится писать)*.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и ЩУКИНЪ.

ЩУКИНЪ, *(лѣтъ 45-ти, одѣтъ бѣдно, но опрятно; въ дверяхъ)*.
Здѣсь отдается уголь?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Здѣсь! пожалуйста! Только что говорили.

ЩУКИНЪ. Въ этой комнатѣ?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Въ этой! вотъ у печки; тепло! только безъ окна, окно занято!...

ЩУКИНЪ. Мнѣ окошка не нужно! Надобно вамъ сказать, что я нанимаю собственно для ночлега, чтобы ночью имѣть пристанище, а весь день я по дѣламъ хожу!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Такъ вотъ и чудесно! тутъ кроватку можете поставить, тутъ занавѣсочку придѣлать, потому что тамъ у меня дѣвушка живетъ, вы должны держать себя по аккуратнѣ!

ЩУКИНЪ. Дѣвушка? превосходная вещь! пріятное сосѣдство! А какъ цѣна?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Два цѣлковенькихъ дайте,— и довольно!

ЩУКИНЪ. Два цѣлковыхъ? что вы! да такой и цѣны нѣтъ! цѣлковый я съ-поконъ вѣка плачу.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Нѣтъ-съ, цѣлковаго взять не могу!

ЩУКИНЪ. Какъ вамъ угодно! два дорого! вѣдь это ни какъ шестой этажъ! *(идетъ оонъ)*.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Хорошо, полтора! послѣднія цѣна!

ЩУКИНЪ. Вотъ что хозяйшка; такъ и быть, четвертачокъ накинну! человекъ я смиренный, хмѣльнымъ не зашибаюсь; вы мной будете довольны! Ну, идетъ, что ли, рубль съ четвертью?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Несходно бы немножко,— ну, да такъ и быть! извольте.

ЩУКИНЪ. Вотъ и прекрасно! позвольте узнать ваше имя хозяйшка?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Каролина Карловна!

ЩУКИНЪ. А я—Егоръ Ефимовъ Щукинъ! прошу любить и жаловать! я малый простой! веселый, не смотря на то, что на головѣ солнышко сіяетъ и сереброцо блеститъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Вотъ мой жилецъ Петръ Сергѣичъ, вы съ нимъ въ одной комнатѣ будете жить!

ЩУКИНЪ. Очень пріятно познакомиться! Что это у насъ за погода такая?...

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Ужь и не говорите!.. не запомню такой!

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и ДВОРНИКЪ.

ДВОРНИКЪ. Карловна! ты просила щепокъ! такъ ступай, пользуйся, управляющій ушелъ,—я те подсоблю! (*Уходитъ*).

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Ахъ, сейчасъ! спасибо Похомушко! Нынѣ дрова дороги, такъ я щепочки беру!... Я сейчасъ! познакомьтесь покуда! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

ЩУКИНЪ и СЕРГѢЕВЪ.

ЩУКИНЪ. Очень пріятно! Егоръ Ефимовъ Щукинъ! Былъ во время оно прикащикомъ, потомъ чуть-чуть не сдѣлался хозяиномъ,—да не привелось! пріятель, Богъ съ нимъ, поднадулъ!

СЕРГѢЕВЪ. Очень жаль!

ЩУКИНЪ. Спервоначально, точно, было досадно, а потомъ черезъ годикъ, другой,—ничего! видно не судьба! Человѣкъ я слабый, мягкій, трудно мнѣ съ деньгами управляться! Почему знать, началъ бы торговать, проторговался, задолжалъ, а тамъ и до казенной квартиры не далеко. Одного жаль, Сашеньки! эхъ, за другимъ она теперь, сударка! Впрочемъ все къ лучшему! Богъ все дѣлаетъ къ добру! При деньгахъ-то я бы, пожалуй, залѣнился, а теперь я тружусь: занимаюсь, знаете, торговыми комиссіями — все съ купцами якшаюсь! Этотъ лавку сдаетъ, тотъ снимать хочетъ, вотъ я тутъ и маклерую, свожу ихъ! Спасибо, и они меня награждаютъ! и сытъ всегда и денежка, хоть и маленькая, а водится! Вотъ, что значитъ денегъ-то нѣтъ, такъ и живу своими трудами.

СЕРГѢЕВЪ. А развѣ съ деньгами нельзя трудиться? съ ними всѣ дороги открыты,—выбери любую!

ЩУКИНЪ. И, полно-те! пойдеть ли съ деньгами работа на умъ! Тутъ одна забота,—какъ бы вышить, да поѣсть повкуснѣе, или скупость нападетъ! Чѣмъ больше загребаешь, тѣмъ больше еще хочется! знаю ужъ я нашихъ богачей! частенько съ ними приходится возжаться! Иной купецъ ѣстъ щи да кашу, а у самого сундуки ломятся подъ деньгами, спитъ на нихъ.

СЕРГѢЕВЪ. Вотъ за то и худо, что наше купечество *спитъ на деньгахъ!* Вотъ теперь,—железная дорога, пароходства, заграничная торговля,—вотъ бы куда употреблять капиталы! Сколькимъ бы головамъ и рукамъ можно было дать работы, и самимъ, ужъ если корысть заѣла, можно бы обогатиться вдвое скорѣе!

ЩУКИНЪ. Нѣтъ, сударь; тутъ дѣло, по-ихнему, рисковое! а наши не любятъ риску! Паровитъ какъ бы снять лабазъ или въ родѣ того!

СЕРГѢЕВЪ. Вотъ то-то и плохо! Чѣмъ заняться? куда броситься? переписывай бумагу по три копейки серебромъ за листъ, вотъ те и занятіе? Ахъ, если-бы тотъ купецъ, у котораго я занимался пять лѣтъ, не обанкрутился, я и самъ теперь имѣлъ бы кое-что и могъ бы начать торговлю! Пять лѣтъ отказывалъ себѣ во всемъ, почти все деньги за хозяиномъ оставлялъ, — для того, чтобы послѣ пойти безъ копѣйки!

ЩУКИНЪ. Жаль! да, бываютъ такіе случаи!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же и КАРОЛИНА КАРЛОВНА.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*говоритъ за дверь*). Поставь вотъ тутъ! спасибо, Пахомушко! (*входитъ*). Ну, теперь въ дровахъ большая экономія будетъ! — Петръ Сергѣичъ! вѣдь ужъ девятый часъ! вѣдь до Невскаго-то не близко отсюда!

СЕРГѢЕВЪ. Ахъ, Боже мой! чтобъ не опоздать!... (*поспѣшно надъвигаетъ пальто*).

ЩУКИНЪ. Намъ по дорогѣ, и мнѣ къ Невскому! Я пойду за своимъ имѣньемъ, — и нынче же переѣду! Вотъ вамъ, Каролина Карловна, полтинничекъ задатку!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. У васъ, можетъ быть, много имѣнья? умѣстится-ли здѣсь?

ЩУКИНЪ. О, какже! ужасно много! Нара сапогъ, узелъ съ бѣльемъ и щетка, — вотъ какая груда! Подумайте, какъ размѣстить! ха, ха, ха!

СЕРГѢЕВЪ. Пойдемте-же. До свиданія, Каролина Карловна!

(*Уходитъ*)

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*вслѣдъ ему*). Даи Богъ счастливо! даи Богъ счастливо!

ШУКНИНЪ. До свиданія, восхитительная Каролина Карловна! вы такъ миѣ понравились что обѣщавъ, при деньгахъ, вамъ фунтъ кофею! вѣрно вы до него большая охотница, — собственно въ презентъ, не въ счетъ платы за квартиру! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА одна.

Прощайте! Ахъ, кабы удалось Петру Сергѣичу! я вижу, что онъ влюбленъ въ Машеньку и она тоже къ нему расположена! Вотъ тогда бы я сходила къ ея отцу! вѣрно бы онъ еи помогъ, онъ самъ обѣщавъ дать на свадьбу! гдѣ-то теперь онъ живетъ? Въ эти 10 лѣтъ, въ которые мы жили въ Ревелѣ, онъ съѣхавъ съ прежней квартиры! Надо будетъ сходить въ адресный столъ!

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА, МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА, потомъ ИЛЬЮША.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*вбѣгаетъ съ волненіемъ*). Ахъ, Каролина Карловна! за мной бѣжитъ какой-то мужчина! не пускайте!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Что за мужчина? кто такой?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не знаю! пристагъ ко миѣ на улицѣ! я ему не отвѣчаю, — а онъ за мной! вотъ онъ идетъ по лѣстницѣ! (*становится за нее*)

ИЛЬЮША. (*На немъ бобровое пальто, множество перстней, булава и массивная цепочка у часовъ. Входитъ едва переводя духъ и останавливается у двери*). Уфъ!... вотъ такъ лѣстница! эка вышка! эка колонна! уфъ!!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Что вамъ угодно? зачѣмъ вы пришли? кого вамъ надо?

ИЛЬЮША. Уфъ! погоди старушенція! даи отдышаться!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Старушенція!? какой грубиянъ! вонъ подите!

ИЛЬЮША. Какъ бы не вонъ! нѣшто я къ тебѣ пришелъ?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Къ кому-же? а? къ кому?

ИЛЬЮША. Къ кому?.. (*увидя Марью Васильевну*) Вонъ къ кому! Ну, мадемазель, легки-же вы на ногу! да нѣтъ, вѣдь и я соколъ! (*идетъ къ ней*).

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я васъ вовсе не знаю! что вамъ отъ меня угодно?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*заслоняя се*). Подите вонъ, говорить вамъ!

ИЛЬЮША. Не шуми, старушенція!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. За чѣмъ вы пришли?

ИЛЬЮША. Вы меня не знаете, мадемазель, а я васъ такъ знаю! я васъ нѣсколько разъ видалъ на гуляньяхъ, все хотѣлъ познакомиться, — да и потерялъ изъ виду!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я не желаю съ вами знакомиться!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. А, такъ вотъ вы, что за звѣрь! ошиблись, не туда попали! извольте отправляться!

ИЛЬЮША. Мадемазель? какъ васъ зовутъ?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не надо вамъ знать!

ИЛЬЮША. Ну, такъ сударыня «не-надо-вамъ-знать», надо вамъ знать, что у меня денегъ много!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Очень рада за васъ!

ИЛЬЮША. Коли на что пойдеть, — я ничего не пожалѣю!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Однако, глупостей не говорить!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я не имѣю ни желанія, ни времени, васъ кушать! Прощайте! (*Уходитъ къ себѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА и ИЛЬЮША.

ИЛЬЮША. Послушайте, мадемазель! дайте хорошее слово сказать! (*Идетъ за ней*).

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*оставаивая его*). Нѣтъ, позвольте! туда нельзя!

ИЛЬЮША. Отчего нельзя? я влюбленъ! понимаю, старушенція?.. влюбленъ! да гдѣ тебѣ понимать? ты ужь про это давно забыла!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Послушайте! вы, однако, не забывайтесь!

ИЛЬЮША. Да, я влюбленъ! я страдаю! я скованъ, связанъ, я въ кѣткѣ, въ тюрьмѣ! Дай мнѣ воды! (*садится*).

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Извольте! Что, или голова болитъ?

ИЛЬЮША. Трещитъ! сейчасъ изъ компаніи! Охъ! много было много што!..

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Молодой человек! мотаает папенькины денежки!

ПЛЮША. У меня нѣтъ ни папеньки, ни мамсеньки, ни тѣтишки ни дяденьки... ни... чорта, ни дьявола!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Такъ вы на своей волюшкѣ! то-то и кутите день и ночь!

ПЛЮША. Вотъ волюшки-то у меня и нѣтъ! эхъ, я самый несчастнѣйшій человекъ! Я тебѣ расскажу мою исторію! это меня нѣсколько освѣжитъ! Обѣди еще не кончилась?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Сей часъ только отзвонили!

ПЛЮША. Я сирота... когда мнѣ было лѣтъ 13-ть меня взялъ къ себѣ одинъ купецъ на воспитаніе... собственныхъ дѣтей у него нѣтъ, такъ онъ принялъ меня въ свой домъ! Купецъ этотъ вдовый, очень богатый; какъ умретъ, — мнѣ все останется!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Вотъ какой вы счастливый!

ПЛЮША. Да, счастливый! Скоро-ли еще онъ умретъ! онъ и хворать не думалъ! за то теперь жизнь-то моя какая!... о, тюремная! Сиди съ нимъ цѣлый день, да читай ему божественныя книги! не пускаетъ отъ себя ни на шагъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Какъ же вотъ теперь-то вы?

ПЛЮША. Это я къ заутрени и къ обѣди ушелъ! у меня кухарка на откупѣ! какъ *самъ-то* заснетъ, я и тягу! наряжусь вотъ въ это платье и жуирствую! Посмотрѣла бы на меня дома, — такъ не узнала бы! Денегъ хотя онъ мнѣ и недаетъ, да это не бѣда, я самъ пользуюсь, знаю лазейки!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Чего же вамъ еще? день-то можно поспучать, за то ночью повеселитесь!

ПЛЮША. Да вѣдь только *одна* ночь! одна! этого мнѣ мало! мнѣ хочется закатиться на недѣлю! чтобъ цѣлую недѣлю кутить и наслаждаться безъ остановки! растряссти свои силы, истратить здоровье, передраться, перебить стекла! этакъ на мѣсяцъ надорваться! вотъ чего мнѣ хочется!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. За чѣмъ-же все это?

ПЛЮША. За тѣмъ, что пріятно! до того повеселиться, чтобы опротивѣло! бушуетъ вотъ у меня тутъ! (*бьетъ себя по груди*) бушуетъ! А то ночка!... да и то не вся! — да и то пей въ мѣру и имѣй при себѣ фиалковый корень; утромъ надо явиться! Эхъ-ма! Ключемъ кипитъ кровь молодецкая, — а тутъ читай ему *Вѣрный путь съ царства небеснаго!* Только и отведешь душу, когда отпросишься къ Сергію или въ Колпино на богомолье! да хорошо, какъ отпустить одного, — а какъ самъ поѣдетъ вмѣстѣ, — тогда проклянешь, что и просяся!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Подождите, останетесь на своей волѣ — нагуллетесь!

ИЛЬЮША. Да онъ меня переживетъ! Хоть бы женилъ, да далъ полсотни тыщенокъ, — такъ нѣтъ, не женить! Ну, да я придумаю какуюнибудь штуку, и выморщю отъ него денегъ и выду на свою волю! Сыщу непременно какоенибудь средство!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Желаю вамъ.

ИЛЬЮША. Такъ ты, староплендія, поговори ей.... Это жилища твоя?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Да.

ИЛЬЮША. Поговори ей обо мнѣ! я ничего не пожалѣю!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Только ваши хлопоты тутъ будутъ напрасны! Она живетъ своими трудами, — и, если Богъ приведетъ, на дѣтса выдти замужъ! Я дала слово ея покойной матери — быть для ней защитницей и охранять отъ дурнаго! Къ тому-же у ней есть отецъ, который обѣщаль ей дать приданое, если она будетъ вести себя, какъ слѣдуетъ!

ИЛЬЮША. Полно лясы-то точить! знаемъ мы эти сказки! Я влюбленъ въ нее! Я ее разодрѣну, какъ куклу, найму квартиру, дамъ карету! одно слово: ничего не пожалѣю!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Ничего этого она отъ васъ не приметъ!

ИЛЬЮША. А вотъ ты спросив-ка ее! спроси, что она скажетъ? да и приди ко мнѣ! Я живу отсюда близко! на углу Садовой и вашей улицы, въ домѣ Петрова! Ты приди къ дворнику и вели ему вызвать Маланью, кухарку купца Боярышникова, она....

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Боярышникова? вы сказали Боярышникова?

ИЛЬЮША. Ну, да!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. А какъ его зовутъ?

ИЛЬЮША. Василіи Иванычъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Василіи Иванычъ! *(про себл)* Боже мой! это онъ! *(ему)* И вы говорите, что онъ вдовець?...

ИЛЬЮША. Ужь 8 лѣтъ, какъ овдовѣлъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. 8 лѣтъ! и дѣтей у него не осталось?

ИЛЬЮША. Ни кого нѣтъ? Я одинъ только, его воспитанникъ! Да ты развѣ знаешь его?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Такъ... немножко... слыхала....

ИЛЬЮША. Такъ и скажи этой Маланьѣ; какой отвѣтъ дастъ твоя мадамазель! слышишь?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА *(про себл)*. Боярышниковъ! Василіи Иванычъ!

ИЛЬЮША. А я проѣдусь.... нужно провѣтриться! Ахъ, ты чортъ

возьми! и повеселиться вдоволь нѣкогда! ну ужь я сыщу средство!
До свиданія мадемазель! Прощай старопландія! смотри же, помни;
домъ Петрова.... на углу.... большой такой!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Помню.

ИЛЮША. Спроси Маланью! а мадемазели скажи: ничего, молю:
не пожалѣть!... (*постъ*).

Ты Настасья, ты Настасья?

Отвори-ко ворота! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА одна, потомъ МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*съ раздумьи*). Боярышниковъ овдовѣлъ...
у него нѣтъ дѣтей! а я ничего не знала! овдовѣлъ и нѣтъ дѣтей!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*изъ своей комнаты*). Что, онъ ушелъ?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Ушелъ.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Слава Богу! охота вамъ была съ нимъ раз-
говаривать! Терпѣть не могу такихъ дерзкихъ мужчинъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Знаешь-ли ты, окомъ я сейчасъ слышала?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. О комъ?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. О твоёмъ отцѣ!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. О моемъ отцѣ? вѣдь вы говорили, что онъ
давно умеръ.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Нѣтъ, душенька! Я обманула тебя,—онъ
живъ!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Такъ у меня есть отецъ? я не сирота? гдѣ-же
онъ? пойдѣте къ нему!...

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Нѣтъ, Маша, нельзя тебѣ къ нему идти!
Ахъ, ты не знаешь его! Онъ не совсѣмъ хорошо поступилъ съ твоей
покойной матерью! Онъ мнѣ запретилъ къ нему являться до твоего за-
мужества!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. До замужества?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Да! и если Богъ пошлетъ тебѣ жениха, то
я тогда....

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Тѣ же И СЕРГѢЕВЪ.

СЕРГѢЕВЪ (*съ сильной радости*). Марья Васильевна! Каролина Кар-
ловна.

ОБЪ. Что такое? что съ вами?!

СЕРГЪЕВЪ. Я радъ!... я счастливъ!... Каролина Карловна! отдайте извопцику двугривенный! у меня нѣтъ мелкихъ! у меня бумажка въ 50 руб. серебромъ.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. 50 руб. серебромъ!... это будетъ на ассигнаціи.... Сейчасъ несусь, вы подождите меня, не рассказывайте! (*Убѣгаетъ*).

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Такъ вы сходили съ успѣхомъ?

СЕРГЪЕВЪ. Съ полнымъ успѣхомъ! Этотъ откупщикъ меня очень обласкалъ, онъ прочелъ всѣ мои планы о торговлѣ, остался ими очень доволенъ! Онъ сказалъ, что слышалъ обо мнѣ много хорошаго отъ моего прежняго хозяина! Онъ мнѣ говорилъ, не помню, что онъ мнѣ говорилъ, только много хорошаго, лестнаго... У меня отъ радости голова закружилась!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Поздравляю васъ, Петръ Сергѣичъ отъ души поздравляю!

СЕРГЪЕВЪ. Потому онъ мнѣ предложилъ заниматься у него въ конторѣ, 600 руб. серебромъ жалованья, квартира, отопленіе и освѣщеніе! И далъ впередъ 50 цѣлковыхъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*быстро входя*). Что, что такое?!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*скороговоркой*). Откупщикъ обласкалъ Петра Сергѣича! прочелъ его сочиненія, далъ ему хорошее жалованье, квартиру, дровъ, свѣчей, денегъ! Онъ очень счастливъ, а я вдвое!!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Погоди! заторопила! ничего не пойму!

СЕРГЪЕВЪ. Марья Васильевна! хоть теперь участь моя и не вполне обезпечена, но все-таки я могу жить безбѣдно! Я съ вами буду говорить откровенно; я не зналъ ни отца, ни матери.... Мое происхожденіе загораживало мнѣ вездѣ дорогу! Къ счастью я какъ-то нечаянно, самоучкой, успѣлъ нѣсколько образоваться! Нашелъ себѣ хорошее мѣсто, а если бы не несчастный случай съ моимъ хозяиномъ, я бы имѣлъ теперь деньги! Вы тоже сирота....

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*вопросительно*). Каролина Карловна!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*тихо ей*). Погоди!

СЕРГЪЕВЪ. Живете своими трудами и никому не обязаны, разумѣется, кромѣ доброй Каролины Карловны, которую вы считаете вмѣсто матери и которую я люблю и уважаю, какъ родную мать!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Полно-те! ну что я...

СЕРГЪЕВЪ. Я долженъ и буду трудиться и приобрѣту себѣ состояніе! Но одному, безъ друга, безъ опоры—тяжело бываетъ иногда трудъ; тяжело, когда нѣкому утѣшить въ несчастіи и не съ кѣмъ раздѣлить горе! Марья Васильевна! будьте моимъ другомъ, моимъ ангеломъ утѣшителемъ! Скажите, согласныли вы быть моею женою?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Каролина Карловна! сколько мнѣ сегодня радостей! какой счастливый день!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*про себя*). Кажется самъ Богъ помогаетъ намъ СЕРГЬЕВЪ. Скажите: да, или нѣтъ?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*бросаясь къ нему на шею*). Развѣ нужно объ этомъ спрашивать?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*тихо ей*). Вотъ теперь я пойду къ твоему отцу. (*Уходитъ направо*).

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

СЕРГЬЕВЪ, МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА и ЩУКИНЪ, потомъ КАРОЛИНА КАРЛОВНА.

ЩУКИНЪ (*съ узелкомъ*). Вотъ и я переѣхалъ! ба-ба! что это такое? объятія, поцѣлуй?...

СЕРГЬЕВЪ. Поздравьте меня, я получилъ мѣсто! а главная радость — вотъ она, Машенька, согласна быть моей женой!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Согласна! этого мало! я рада, счастлива, я въ восхищеніи!...

ЩУКИНЪ. Поздравляю васъ, Петръ Сергѣичъ! (*ей*) и васъ также... (*про себя*) Боже мой! какое знакомое лицо! на кого это она похожа?! (*вслушать*) Что можетъ быть лучше, пріятнѣе семейной жизни! Соединиться съ дѣвушкою, которую любишь, дѣлать вмѣстѣ и радость, и горе!... (*со вздохомъ*). Эхъ, и я бы, можетъ быть, кабы не... (*нахиловъ рукой*) Такъ быть должно! такъ Богъ велѣлъ! все къ лучшему!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*съ салономъ и шляпкой*). Ну вотъ и я готова!

СЕРГЬЕВЪ. Куда же вы, Каролина Карловна! я хотѣлъ бы попросить васъ распорядиться кой чѣмъ! Мы сегодня же сдѣлаемъ обрученье, я позову старыхъ пріятелей!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Я скоро ворочусь! и можетъ быть на нашемъ обрученьи будетъ неожиданный гость!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*тихо ей*). Скажите ему, что я... Боже мой! я не знаю, какъ сказать, что чувствую! если бы я его увидѣла, я бы высказала ему, что у меня на душѣ! Возьмите меня съ собою!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*тихо ей*). Нельзя Маша, потому можетъ быть! дай прежде мнѣ одной сходить! Ты только молись, чтобы Богъ умягчилъ его сердце! (*Сергѣеву*) Ну, вотъ давиче я вамъ желала успѣха въ дѣлахъ, теперь вы мнѣ пожелайте!... (*идетъ*).

ВСѢ (*ей вслѣдъ*). Дай Богъ счастливо! дай Богъ счастливо!

КОНЕЦЪ 1-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Небольшая комната у Боярышникова. Въ глубинѣ дверь—общій выходъ, съ правой стороны въ его комнату, съ лѣвой—окно. Мебель старинная, тяжелая, въ чехлахъ. На стѣнахъ нѣсколько почернѣлыхъ картинъ, въ золотыхъ рамахъ. На столѣ книги въ кожаныхъ переплетахъ).

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

АГАФОНЫЧЪ одинъ.

(Входя изъ середины, смотритъ въ замочную скважину, въ комнату Боярышникова). Богу молится! *(отходитъ.)* А тотъ-то поѣхалъ къ заутрени!... Онъ вонъ и чаю не пьетъ, все его дожидается!... Охъ ужъ смѣкаю я какая это заутрени!... ужъ подкараулю его соколика, да и наведу Василья Иваныча,—пусть-ка онъ задастъ ему фехтеру! Еще я замѣчаю за нимъ штучку, касательно денегъ.... Какъ поидеть за деньгами въ сундукъ, или понесетъ ихъ туда,—что-то долго копаются, — ну, ужъ поймаю, — выведу наружу! для меня хозяйское добро — святое дѣло! Десять лѣтъ служу, копѣйкой не пользовался, такъ ужъ и другому не позволю, будь онъ хоша сынъ родной, а не токмо что нищенка-пріемышъ! А, вотъ и самъ идетъ!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

АГАФОНЫЧЪ и БОЯРЫШНИКОВЪ.

БОЯРЫШНИКОВЪ *(50-ти лѣтъ)*. Здорово Агафонычъ!

АГАФОНЫЧЪ. Здравствуйте, батюшко, Василій Иванычъ! съ добрымъ утромъ, проздравляю! хорошо ли изволили почивать?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Сколько разъ говорилъ я тебѣ, чтобъ ты не грѣшилъ и не спрашивалъ, хорошо ли я почивалъ!... гдѣ намъ грѣшнымъ *опочивать*? мы спимъ.

АГАФОНЫЧЪ. Слушаю, батюшко, Василій Иванычъ! виноватъ! замятовалъ! впередъ не буду!

БОЯРЫШНИКОВЪ. А каково на дворѣ?

АГАФОНЫЧЪ. Мокротá такая, что и-и!... дождикъ, не дождикъ, снѣгъ не снѣгъ,—изморозь какая-то сѣется! Что-й-то, батюшко, али ужь мы зимы-то не дождемся?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Господь за грѣхи насъ наказываетъ! Прежде объ эту пору трескучіе морозы стояли,— оттого, что Бога помнили, молились лучше, народъ былъ въ вѣрѣ тверже! Охъ, Господи помилуй! грѣхи тяжкіе!

АГАФОНЫЧЪ. Правда, батюшко, истинная правда! Бывало прежде-то всю свою жизнь человекъ проживетъ въ правдѣ, отъ малыхъ лѣтъ, до старости глубокой — никого не обманетъ! а теперь-то ужь смолоду начинаетъ обманывать, рыть яму своему ближнему!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*хмурясь*). Смолоду! такъ что жъ, что смолоду обманывалъ? это ничего, отъ Бога простится! мало ли чего смолоду не дѣлаютъ? ино по глупости, ино по наущенію бѣсовскому! а бѣсъ силенъ, — горами шатаетъ!

АГАФОНЫЧЪ. Шатаетъ, батюшко, шатаетъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Если кто и согрѣшилъ въ молодости, обманулъ ли кого, или другое что сдѣлалъ, отъ Бога простится, лишь бы только подъ старость онъ покался! а покаянiе грѣшника Богу прiятно! знаешь вѣдь: не согрѣшивши — не покаешься!

АГАФОНЫЧЪ. Такъ, батюшко, это такъ! Не покаешься, коли не согрѣшишь!

БОЯРЫШНИКОВЪ. О, Господи помилуй, грѣхи тяжкіе!... (*помолчалъ*). Пльюша-те къ заутрени ушолъ?

АГАФОНЫЧЪ (*затмался*). Да.... сказалъ, что поидетъ къ заутрени.... и объдно отстоитъ!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Пусть его, пусть! Мы старики облѣнились, спимъ долго! плоть свою тѣшимъ! вотъ видишь, и между молодыми есть богомольные и благонравные!

АГАФОНЫЧЪ. Да.... вѣстимо.... коли смотрѣть со стороны!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что ты говоришь?

АГАФОНЫЧЪ. Нѣтъ, такъ-съ.... Чай-то вы вѣдь не сейчасъ будете кушать?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Извѣстно нѣтъ! Пѣшто не знаешь? подожду Пльюшу!... Теперь объдня идетъ, а я стану чаи распивать? грѣхъ какой!

... АГАФОНЫЧЪ. Такъ я пойду самоваръ прикрою, онъ ужь скипѣлъ, да понавѣдаюсь къ дворнику, земляки пріѣхали, можетъ не привезли ли писемца!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Отъ кого?

АГАФОНЫЧЪ. Отъ дѣтей, изъ деревни! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ, одинъ.

Отъ дѣтей!... У него есть дѣти! счастливецъ! вотъ меня Господь не наградилъ! Жена попалась слабая, больная, злая, — только и знала, что хворать! Не продлилъ Господь ей вѣку, за грѣхи ея... умерла, не оставила въ утѣху дѣтища!... Одинъ какъ перстъ!... совѣмъ одинъ!... Илюша, правда, есть, да нѣшто онъ мнѣ родной? Онъ любить меня, онъ долженъ меня любить, да все же онъ не мое дѣтище, не кровь моя!... Была, правда, дочка.... отъ Аннушки.... да гдѣ она теперь? жива ли еще? Э, да что я! *моя ли она дочка*, я еще этого не знаю!... Одинъ.... совѣмъ одинъ!... О, Господи помилуй!...

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ и ИЛЮША.

ИЛЮША (*въ поношенной сибиркѣ, входитъ скромно и почтительно цѣлуетъ руку у Боярышкінова*). Здравствуйте, тятенька! Богъ милости прислалъ!

БОЯРЫШКИНОВЪ (*цѣлуя его*). Здравствуй Илюша! Ну, что? усердно ли молился?

ИЛЮША. Какъ же не усердно, тятенька, когда я молился о вашемъ здравіи?...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Спасибо тебѣ! ты долженъ обо мнѣ молиться, потому что я твой благодѣтель, твой второй отецъ! я больше для тебя отца роднаго!...

ИЛЮША. Могу ли я этого не чувствовать, тятенька?

БОЯРЫШНИКОВЪ. И долженъ чувствовать! Я тебя призрѣлъ, воспиталъ, на путь наставилъ! Что бы ты былъ безъ меня?

ИЛЮША. Ничтожество-съ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Именно ничтожество! а черезъ меня ты попадешь въ уваженіе, потому что будешь съ деньгами, а въ деньгахъ все, все!... Послѣ моей смерти наслѣдникомъ моимъ будешь!

ИЛЮША (*про себя*). Охъ не дождешься этого!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Стало быть первая твоя молитва передъ Богомъ должна быть за меня, за твоего втораго отца! Ты долженъ меня почитать и любить всѣмъ сердцемъ и душою!

ИЛЮША. Могу ли я васъ не любить, тятенька?

БОЯРЫШНИКОВЪ. И долженъ любить, для того я твой благодѣтель!

ИЛЬЮША. Послѣ Бога,— вы у меня, тятенька! Я Богомъ созданъ,— а вами воспитанъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*глядитъ его по голову*). Такъ, такъ, умница! А про что нынѣ читали?

ИЛЬЮША. Про жену Самарянку!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Такъ, такъ!... про жену Самарянку!

ИЛЬЮША (*про себя*). Небось, не поддѣнешь, — ужь я справился!

БОЯРЫШНИКОВЪ. А поминанье подавалъ?

ИЛЬЮША. Подавалъ-съ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Припиши ты еще въ немъ.... рабу Божию Анну! (*про себя*) Да она Нѣмка! не грѣшно ли будетъ?...

ИЛЬЮША. Только-съ?...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Пстой! припиши ты еще, — раба Божія Гергя!

ИЛЬЮША. Хорошо-съ! (*садится къ столу и пишетъ*).

БОЯРЫШНИКОВЪ (*самъ съ собой*). А какъ онъ живъ? Нѣтъ едва ли... Кабы живъ былъ, неужто бы не пришелъ ко мнѣ? Онъ вѣдь зналъ бы, что я разбогатѣлъ, — какъ не придти! — вѣрно умеръ! Онъ проститъ меня... что-жъ, вѣдь я бы отдалъ теперь, — а тогда молодость... сѣти дьявольскія... О, Господи помилуй! Господи помилуй!
(*Задумывается*).

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и АГАФОНЫЧЪ.

АГАФОНЫЧЪ (*вноситъ самоваръ и тотчасъ-же чашки, чайникъ и прочее*). Самоваръ готовъ!

ИЛЬЮША (*садится за столъ и завариваетъ чай*).

АГАФОНЫЧЪ. Тамъ, Василии Иванычъ, нищѣ пришли: какъ сегодня давать? по пятаку, али какъ?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Раздай по гривнѣ!...

АГАФОНЫЧЪ (*Уходитъ*).

БОЯРЫШНИКОВЪ. Не забудь ты, Ильюша, когда меня не будетъ, творить милостьню!...

ИЛЬЮША. Безпремѣнно, тятенька! за первое правило себя поставлю!

АГАФОНЫЧЪ (*входитъ*). Тамъ, Василии Иванычъ, пришелъ Пѣнниковъ, мѣщанинъ, что вамъ долженъ по векселю 500 р. сер.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Деньги принесъ что-ли!

АГАФОНЫЧЪ. Нѣтъ... не принесъ! А завтра векселю срокъ, такъ онъ хочетъ попросить васъ не предъявлять ко взыскаю!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*разсердлся*). Вздоръ! пустяки! не пускай его лучше! знаемъ мы этихъ мошенниковъ! надуть хочеть! Денегъ нѣтъ, такъ въ тюрьму! Пльюша! чтобы завтра-же его вексель былъ поданъ ко взысканію!

ПЛЬЮША. Слушаю, тятенька!

АГАФОНЫЧЪ. Онъ шибко кручинится! жена, говоритъ, дѣти, малъ-мала меньше!

БОЯРЫШНИКОВЪ. А нѣшто я виновать, что у него дѣти? Надуть хочеть! нѣтъ, не на того напалъ! я себя никому обмануть не позволю! знаемъ мы эти штуки: придетъ, расплатится, умаслитъ, у-блажитъ, — да послѣ, выйдя за ворота, самъ-же надсмѣется! вотъ, скажетъ, стараго дурака ловко оплелъ! Гони его въ шею! завтра-же вексель будетъ предъявленъ, а черезъ нѣсколько дней онъ самъ будетъ на казенной квартирѣ! Можешь его съ этимъ поздравить! Пошелъ!

АГАФОНЫЧЪ. Ахъ, ты Господи! (*Уходитъ*).

БОЯРЫШНИКОВЪ. Помни ты мои слова, Пльюша: никому не до-вѣрайся! всѣ норовятъ обмануть! даже другу задушевному — и тому не вѣрь! Дружба это только такъ, одно слово, а на дѣлѣ ее никогда не бываетъ! Всѣ только хлопочуть выманить деньги, для того и говорятъ про дружество, да про любовь, — а все это вздоръ, пустяки, — обманъ! одинъ обманъ!...

ПЛЬЮША. Никогда не позабуду вашихъ словъ, тятенька!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Всего лучше жить одному, да копить деньги! съ ними ты можешь всего достать, чего ни пожелаешь! все можешь купить, коли захочешь! Облагодѣтельствуй кого нибудь, вотъ тотъ и друженъ съ тобой, и любить тебя долженъ! А безкорыстнымъ этимъ чувствамъ не вѣрь, — обманъ за ними кроется!

ПЛЬЮША. Слушаю-съ! ни когда не буду вѣрять!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Гораздо лучше жить одному и молиться Богу! уединеніе спасительно для души и полезно для тѣла! Вонъ тамъ лежитъ книжка: «*О великомъ поврежденіи челоуька*». Дай-ко ее! вонъ маленькая-то! Найди главу: *Объ уединеніи*. Нашелъ? читай!...

ПЛЬЮША (*читаетъ*): «Напрасно бѣгаемъ мы уединенія, которое «для нравственнаго нашего совершенства весьма нужно; постыдно челоуьку скучать тогда, когда онъ самъ съ собой, ибо отъ себя никто «не уйдетъ. Въ уединеніи челоуькъ всегда лучше: меньше лживъ и «больше справедливъ, внимаетъ гласу совѣсти и не лицемѣритъ, какъ «то въ обществѣ по нуждѣ, или по привычкѣ дѣлается. Омаа Кемпис-«скій говоритъ: я никогда не возвращался домой лучшимъ, когда бы-«валъ съ челоуьками!»

БОЯРЫШНИКОВЪ. Понимаешь-ли какая тутъ премудрость заклю-чается?

ИЛЮША. Понимаю, тятенька!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ты долженъ всегда это памятовать и въ своей головѣ держать! Когда будетъ тебя бѣсъ смущать идти въ дружество въ компанію грѣховную, — ты вспомни тогда эти премудрыя слова, — и козни нечистой силы разсѣются, яко дымъ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и АГАФОНЫЧЪ.

АГАФОНЫЧЪ. Странникъ съ Афонской горы, Платонъ, пришелъ!

ИЛЮША (*про себя*). Спасибо ему!

БОЯРЫШНИКОВЪ. А, старецъ благочестивый! примѣрной жизни! Его бесѣда для меня всегда сладостна! Что-же онъ не идетъ?

АГАФОНЫЧЪ. Онъ прошелъ въ вашу горницу!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да, мы тамъ всегда съ нимъ бесѣдуемъ! Ахъ, Илюша, какъ онъ расскажетъ про Афонскую-то гору... вотъ мѣсто-то благолѣпное, — именно: пристань надежная! Можетъ быть настаетъ время и я оставлю суету мірскую и отправлюсь туда! О, Господи помилуй! (*Уходитъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

ИЛЮША и АГАФОНЫЧЪ.

ИЛЮША (*про себя*). Ахъ, кабы это время скорѣе настало!...

АГАФОНЫЧЪ (*съ усмѣшкой*). Вы были нынче у обѣдни?

ИЛЮША. Былъ!

АГАФОНЫЧЪ. И у заутрени тоже?

ИЛЮША. Да!

АГАФОНЫЧЪ. Никакъ вы ужь больно рано поднялись? въ какой это церкви такъ рано службу начинаютъ?

ИЛЮША. Оставь меня! мнѣ заниматься нужно! ступай!

АГАФОНЫЧЪ (*какъ бы про себя*). Ужь какъ разузнають про эти обѣдни, такъ будетъ трезвонъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

ИЛЮША одинъ.

Что это? и онъ намеки дѣлаетъ! ужь не догадался ли, не разузналъ ли онъ? Экая жизнь-то моя какая! Цѣлый день мучься,—да еще бойся,

чтобы чегонибудь не пронюхали! вот теперь велить заложить лошадь, поѣдемъ по лавкамъ! потомъ приѣдемъ обѣдать, а послѣ обѣда заставить скучную книгу вслухъ читать, покуда онъ не заснетъ, потомъ къ вечернѣ... И все одно и тоже, одно и тоже каждый день!... Часто проситься къ заутрени опасно, заподозрить! Ну, да ужъ я придумаю какуюнибудь штуку, отыщу средство—и избавлюсь отъ этого ига! Ахъ, да! надо въ счетахъ кой-что подскоблить, а то я недавно... попользовался!... (*беретъ ножикъ, развертываетъ книгу и подкабливаетъ*). Онъ хоть рѣдко повѣряетъ, да все-таки лучше спрятать концы!

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

ИЛЮША, АГАФОНЫЧЪ, потомъ КАРОЛИНА КАРЛОВНА.

АГАФОНЫЧЪ (*входя*). Что вы тутъ дѣлаете? (*подходитъ къ нему*).

ИЛЮША (*закрывая книгу*). А тебѣ какое дѣло?...

АГАФОНЫЧЪ. Кажется, въ книгѣ-то подкабливаете?

ИЛЮША. Не твое дѣло! ты врешь! за чѣмъ ты пришелъ?

АГАФОНЫЧЪ. Какая-то женщина спрашиваетъ хозяина.

ИЛЮША. Что за женщина такая? вѣрно съ просьбой! Василій Ивановичъ занятъ! откажи ей!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*отъ дверей*). Ничего, что занятъ: я подожду.

ИЛЮША (*взглянувъ на нее, въ испугъ*). Аи! кто это?

АГАФОНЫЧЪ. Ну, куда лезешь-то?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*увидя Ильюшу*). А! да вотъ и знакомый! Здравствуйте! не ожидали такъ скоро со мной встрѣтиться?

АГАФОНЫЧЪ (*Ильюшѣ*). Э-ге! она васъ знаетъ!

ИЛЮША (*въ испугъ, тихо ей*). Что ты дѣлаешь? за чѣмъ ты пришла сюда? вѣдь я велѣлъ тебѣ спросить Маланью!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Я не къ вамъ пришла, мнѣ нужно видѣть Василья Ивановича!

АГАФОНЫЧЪ (*Ильюшѣ*). Какъ это вы познакомились съ ней?

ИЛЮША. Я?... да такъ!... (*ей*) За чѣмъ тебѣ Василій Ивановичъ?...

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. У меня есть до него дѣло!

ИЛЮША. Его нельзя видѣть : онъ занятъ! ступай! Онъ никого не принимаетъ! (*выпроясживаетъ ее*).

АГАФОНЫЧЪ. Нѣтъ, погоди тетушка! неправда! онъ приметъ! Я пойду, скажу ему! (*про себя*). Она не съ жалобой-ли на него? авось дѣло-то обнаружится! (*Уходитъ направо*).

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

ИЛЬЮША и КАРОЛИНА КАРЛОВНА.

ИЛЬЮША (*ей въ испугъ*). Слушай! ты что затѣваешь? а? слушай! ты на меня жаловаться хочешь, что-ли?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Богъ съ вами! за что мнѣ на васъ жаловаться?

ИЛЬЮША. А за давишее! Это я такъ! ей-Богу такъ! я больше никогда не приду къ тебѣ! На, вотъ тебѣ денегъ! только уйди отсюда, голубушка!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Чего вы боитесь? Я пришла къ Василью Иванычу по своимъ дѣламъ, которыя до васъ вовсе не касаются!

ИЛЬЮША. Лжешь, лжешь! какіе могутъ у тебя быть съ нимъ дѣла?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Да ужь вѣрно могутъ! если хотите, я и виду не покажу, что васъ знаю!

ИЛЬЮША. Нѣтъ, ты лучше уйди отсюда!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Сказала, что не уйду до тѣхъ поръ, пока не переговорю съ Васильемъ Иванычемъ!

ИЛЬЮША. Слушай! ты не погуби меня! тебя можетъ быть научили, общались заплатить, — скажи, сколько? я вдвое дамъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Отстаньте отъ меня съ глупостями!

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и БОЯРЫШНИКОВЪ.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что такая за женщина? ужь не оторвался-бы я ни для кого отъ душеспасительной бесѣды, кабы отцу Платону не нужно было идти! Ты, что-ли имѣешь до меня дѣло? что такое?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Позвольте мнѣ поговорить съ вами на единѣ! я имѣю до васъ очень серьезное дѣло!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Знаю, просьба какаянибудь! вѣрно ты благородная вдова!... Выдь Ильюша!

ИЛЬЮША. Сейчасъ тятенька! (*про себя*) Какое это дѣло? Нѣтъ, я подслушаю, и если чуть что, такъ пока придумаю, какъ оправдаться! (*Уходитъ на право*).

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ и КАРОЛИНА КАРЛОВНА.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну, въ чемъ-же дѣло? говори скорѣе!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Вы... не узнаете меня?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Мудрено узнать! я тебя съ роду не видывалъ!...

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Взгляните-ка попристальнѣе! Конечно 15 лѣтъ насъ много измѣнили!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. 15 лѣтъ!...

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Но я узнала-бы васъ съперваго взгляда!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Кто-же ты такая?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Каролина Кризе, подруга покойной Анны Коллинъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. А! Каролина! теперь вспомнилъ! Именно, 15 лѣтъ назадъ, ты приходила ко мнѣ!...

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Съ вашей дочерью Маріей!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*вскрикивал*). Дочь моя! моя дочь! жива ли она?!..

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Да, она жива!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*въ сильной радости*). Жива! жива! такъ у меня есть дочь! такъ я не одинъ! Господи! какое счастье!

ИЛЮША (*изъ-за двери, откуда онъ подслушивалъ*). Э-ге! такъ вотъ въ чемъ дѣло!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Гдѣ-же она? что-жъ ее здѣсь нѣтъ? пойдѣмъ скорѣе къ ней! къ моей дочери!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Пойдемте! съ какою радостью она встрѣтитъ васъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*вдругъ останавливается, нѣсколько времени смотритъ на нее и говоритъ холодно*). Нѣтъ, Нѣмка! ты лжешь! ты меня обмануть хочешь!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Въ чемъ обмануть?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Осталась она дѣвочкой махонькой, безъ матери гдѣ ей прожить? она вѣрно давно ужъ умерла! А ты, Нѣмка, хитрячка, научила какую нибудь дѣвочку: назовись, молъ, его дочерью, оплетѣмъ старика!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Василий Ивановичъ! грѣхъ вамъ говорить это!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ладно, грѣхъ! Я больше тебя, Нѣмка, знаю, что грѣхъ, что не грѣхъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Машенька ваша жива! Я ее воспитала и обучила на тѣ деньги, которые вы мнѣ дали!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Если она и въ правду жива, такъ жалъ мнѣ

дѣвушки! Хорошо, я думаю, ты воспитала ее! Кабы она попала въ купеческій домъ, гдѣ-бы сидѣла въ четырехъ стѣнахъ, да старуха-бабка тыкала бы ее носомъ на всякое дѣло,—вотъ былъ бы путь! А ты что! хоша читать и писать-то научила-ли?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. И по-русски и по-нѣмецки!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. По-нѣмецки!... экому добру научила! А Закону Божію небось забыла научить? чай, ни среды, ни пятницы не знает! въ Великій Постъ мясное ѣсть? а встаетъ, такъ и лба не перекрестить!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Нѣтъ, про нее этого нельзя сказать! богомольная! каждый праздникъ въ церковь ходитъ! славная она дѣвушка, посмотрите-ка на нее только! какая трудолюбивая. Я ее отдала учиться въ магазинъ и она въ два года всему выучилась! Теперь какія шляпки шьетъ, много денегъ зарабатываетъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Все это хорошо, а какъ она на счетъ нравственности? Да что, ужъ и спрашивать не нужно, — известно магазинщица!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Нѣтъ, ужъ обидѣть мою Машеньку никому не позволю! Я дала честное слово Аннушкѣ замѣнить ей мать. Я старалась внушить ей хорошія правила, сдѣлать доброй христіанской и честной женщиной, — и добилась этого! Повѣрьте, если-бы Маша не была благонравная дѣвушка, не пришла-бы я къ вамъ.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что-жъ ты... не привела ее?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Я не знала, пріятно-ли вамъ это будетъ! Мы не давно пріѣхали въ Петербургъ! почти 10 лѣтъ жили въ Ревелѣ у моихъ родныхъ. Они умерли, я пріѣхала опять въ Петербургъ и узнала сегодня, что вы овдовѣли!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*смутясь*). Ну, да! овдовѣлъ! и слава Богу!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Что дѣтей нѣтъ у васъ, кромѣ пріемыша!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да, я его облагодѣтельствовалъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Въ это время за Машу присватался женихъ славной такой молодой человѣкъ! бѣдненькій, правда; но все-таки они проживутъ своими трудами! Они полюбили другъ друга. Маша дала согласіе и сегодня ихъ обрученъе! Я помнила, что должна была—по вашему приказанію, притти къ вамъ въ то время, когда Маша сыщеть жениха!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Такъ ты на приданое пришла просить? Ну, такъ и есть! я такъ и зналъ, что деньги начнетъ маклачить!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Не именно за деньгами я пришла къ вамъ! Вѣдь, я думаю, вамъ скучно жить одному?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Нѣтъ, мнѣ весело! очень весело! слышишь, весело?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Полно-те, быть не можетъ! А если-бы вы

пришли къ вашей дочери на обрученіе... Какъ бы вы ее обрадовали, да сами-то можете быть порадовались на ея счастье! Мы живемъ не далеко отъ васъ,—въ Подъяческой, въ домѣ Иванова!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Въ Подъяческой?.. въ домѣ Иванова?..

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Если хотите, я къ вамъ ее пришлю?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Нѣтъ... нѣтъ... не надо!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Такъ придите къ намъ! дайте ей свое благословеніе!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Я не знаю... мнѣ нѣкогда!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Можно найти время! Придите, хотя не надолго! Если вамъ будетъ весело и пріятно у насъ, такъ останетесь,—а нѣтъ, такъ благословите ее и проститесь навсегда! Василій Иванычъ, такъ можно васъ ожидать?

БОЯРЫШНИКОВЪ (*рѣшительно*). Нѣтъ, нѣтъ! не буду!.. Я не могу! Вотъ видишь-ли, я не увѣренъ, я сомнѣваюсь....

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Въ чемъ?

БОЯРЫШНИКОВЪ (*со вздохомъ*). Моя-ли она дочь?!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Что мнѣ сказать вамъ противъ этого? Клясться и божиться, что Аннета была вамъ вѣрна, — но кчему это, когда вы въ ней сомнѣваетесь? Одно я вамъ только скажу: придите-поговорите съ Машей, и если сердце вамъ не скажетъ, что она ваша кровь,—тогда оставьте, забудьте ее навсегда!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Нѣтъ, не приду! ни за-что не приду! Я, пожалуй, дамъ, пришлю, что нужно на свадьбу, а самъ не приду!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Богъ съ вами Василій Иванычъ! дѣлайте, какъ хотите! Я свое исполнила, воспитала мою Машеньку, нашла ей жениха и сказала вамъ. Прощайте! Коли явится у васъ родительское чувство, такъ придите, обрадуйте, а забудете вашу дочь,—такъ и Богъ васъ забудетъ! Прощайте Василій Иванычъ, или.... до свиданія!..

БОЯРЫШНИКОВЪ. Прощай!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Ну, я свое сдѣлала, моя совѣсть чиста, а теперь ваша воля! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ одинъ.

За чѣмъ мнѣ итти къ ней? Я знаю, что тутъ кроется какойнибудь обманъ! Поддайся имъ,—дурака сдѣлаютъ и на смѣхъ подымутъ! (*помолчавъ*). А если и въ самомъ дѣлѣ Маша-то жива? Если и въ са-

момъ дѣлѣ она моя дочь? Хотѣлъ-бы я только взглянуть на нее... ей теперь ужь должно быть около 20 лѣтъ. На кого она похожа?—Если на меня, такъ она моя дочь! Да, я поѣду! я взгляну на нее, поговорю съ ней! Какъ Каролина-то сказала? въ Подъяческой, въ домѣ Иванова.... поѣду! (*помолчалъ*). Нѣтъ, не надо! не поѣду! Онѣ меня обманутъ, опутають! (*твердо*). Не поѣду!

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ и АГАФОНЫЧЪ.

АГАФОНЫЧЪ (*вноситъ шинель, зонтикъ и шляпу*). Лошадь заложена.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Заложена? для чего?

АГАФОНЫЧЪ. Да вѣдь вы въ это время всегда по своимъ лавкамъ изволите ѣздить!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ахъ, да!.. по лавкамъ!.. хорошо! я и забылъ! Дай мнѣ шинель! (*одъясаетъ*).

АГАФОНЫЧЪ. Ильюша-то тамъ.... позвать его?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ильюшу? за чѣмъ?

АГАФОНЫЧЪ. Да вѣдь вы съ нимъ всегда ѣздите!..

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ахъ, да! съ нимъ! Ну, хорошо!... позови!

АГАФОНЫЧЪ. Сейчасъ! (*идетъ*).

БОЯРЫШНИКОВЪ. Или нѣтъ, стой! Я одинъ поѣду!.. не надо! не зови!.. (*про себя*) Но я все таки къ ней ни за-что не поѣду! (*ему*). Пускай Ильюша дома останется... Мнѣ нельзя.. я одинъ поѣду... Я скоро буду... (*идетъ и говоритъ про себя*). Въ Подъяческой... въ домѣ Иванова... въ Подъяческой.... (*Уходитъ*).

АГАФОНЫЧЪ (*смотря ему въ слѣдъ*). Что это съ нимъ такое?.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

ИЛЬЮША одинъ.

(*Выходя справа*). Что я узналъ! вотъ такъ исторія! у Василія Ивановича есть дочь, и дочь его та самая, за которой я нынче... вотъ такъ штука! Чортъ возьми,—вѣдь эта наслѣдница! (*подумавъ*). А что, если-бы... вѣдь это была-бы славная вещь!... Онѣ-бы меня тогда отдѣлили, даль-бы денегъ и я зажилъ-бы на своей волюшкѣ!.. А если она заломается?—вздоръ! я объясню, расскажу.... Конечно! была-не была! такъ и сдѣлаю! Ура! вотъ оно — средство-то!... найдено, найдено!... Ура! (*бѣжитъ оонъ*).

КОНЕЦЪ 2-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Маленькая комната Марьи Васильевны. Столъ, коммодъ, нѣсколько соломенныхъ стульевъ, въ глубинѣ кровать съ бѣлыми занавѣсками. На окнѣ бѣлыя занавѣски, цвѣты и кѣтка съ птичкой. Одна дверь съ правой стороны.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА и ЩУКИНЪ прибираютъ комнату.

ЩУКИНЪ. Марья Васильевна! знаете что? не подвинуть-ли этотъ столъ сюда? вѣдь будетъ просторнѣе.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да что вы хлопочете о просторѣ? Петръ Сергѣичъ сказалъ, что позоветъ только двухъ, или трехъ своихъ пріятелей, такъ мѣста достаточно?

ЩУКИНЪ. Ну, какъ вамъ угодно! Вотъ теперь, кажется все прибрали и оставили, пабашъ! Вы меня хотѣли куда-то послать, я къ вашимъ услугамъ! я сегодня ужъ никуда по своимъ дѣламъ не пойду, сегодня я праздничую!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Нужно будетъ подождать Каролину Карловну! вы съ ней вмѣстѣ отправитесь за покушками (*со вздохомъ*). Ахъ, какое-то извѣстіе принесетъ она мнѣ?..

ЩУКИНЪ. Будьте увѣрены, что радостное! хоть вашъ отецъ и бросилъ васъ прежде, но потомъ, вѣроятно, раскаялся! я никогда не терю вѣры въ человѣческое сердце! Право, мнѣ что-то сегодня очень весело!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ и Каролина Карловна!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и КАРОЛИНА КАРЛОВНА.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*бросаясь къ ней*). Ну, что? ну, что?!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*разстроенная*). Ничего! лучше неспрашивай!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Онъ самъ придетъ сюда, или мнѣ велѣлъ явиться къ нему?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Ни то, ни другое! онъ совсѣмъ забылъ свою дочь! онъ тебя знать не хочетъ!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Забылъ?! Батюшка! Богъ съ тобой! *(ему.)* Слышите, Егоръ Ефимычъ?

ЩУКИНЪ. Быть не можетъ! вѣрно вы, Каролина Карловна, хорошо объяснились, а то какъ...

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Не хорошо! попробовали бы вы съ нимъ объясниться! Ну, да что толковать объ этомъ! Онъ не хочетъ насъ знать,—и мы забудемъ его! Признаюсь, мнѣ хотѣлось, чтобы онъ тебѣ тысячу-другую на приданое далъ, да нельзя было и приступить! Ну его! у насъ сегодня праздникъ, обручение,—забудемъ обо всемъ и станемъ веселиться!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА *(про себя)*. За чѣмъ я не пошла съ ней? я бы хоть посмотрѣла на своего отца.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА *(Шукину)*. Поидемте со мною! я куплю кой-чего, такъ подсобите! Что тратиться на извозчиковъ! *(ей)*. Петръ Сергѣичъ скоро хотѣлъ быть?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да... скоро!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Такъ надо поторопиться! поидемте! *(идетъ)*.

ЩУКИНЪ. Вотъ когда я женюсь, а вы, Каролина Карловна замужъ выйдите,—вотъ ужъ мы пиръ-то зададимъ!... о!... горой! *(Уходитъ за ней)*.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА одна.

Боже мой! я не увижу своего отца! Напрасно сказала мнѣ Каролина Карловна, что онъ живъ! Когда я считала его умершимъ, я была покойна, а теперь... Не пойти ли мнѣ къ нему? но гдѣ онъ живетъ? за чѣмъ я не спросила! Дождусь ее, узнаю и пойду къ моему отцу!—къ отцу! — какъ пріятно это слово!.. батюшка? батюшка!

БОЯРЫШНИКОВЪ *(за кулисами)*. Эй! да есть ли здѣсь ктонибудь!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ахъ, Боже мой! кто-то вошелъ.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА и БОЯРЫШНИКОВЪ.

БОЯРЫШНИКОВЪ *(отъ дверей)*. Здѣсь живетъ Нѣмка Каролина?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Каролина Карловна Кризе? здѣсь! только ее дома нѣтъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ *(подходя къ ней и смотря на нее)*. А вы... вы здѣсь, съ ней живете?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да... съ ней! *(про себя)*. Какъ онъ смотритъ на меня!

БОЯРЫШНИКОВЪ. А вы кто? какъ васъ зовутъ?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Марья Васильевна Коллннъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Марья Васильевна!... Марья Васильевна!...

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. *(особо)*. Господи! какъ забилося мое сердце! *(ему)*. Она скоро придетъ! если угодно, — подождите!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да... да... я подожду ее *(садится и пристально смотритъ на нее)*.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА *(про себя)* Онъ съ меня глазъ не спускаетъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Марья Васильевна!... Васильевна!... *(слово Васильевна, онъ произноситъ съ особеннымъ удовольствіемъ)*. Сядьте, поговорите со мной!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Съ удовольствіемъ! *(садится)*.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Вы вотъ въ этой горенкѣ и живете?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да-съ, въ этой!

БОЯРЫШНИКОВЪ *(осматриваясь)*. Помню я такую же горенку... такую же чистенькую... вотъ и занавѣсочки на окнахъ и цвѣточки тамъ тоже были ... и комодикъ такой же... просто, небогато, но зато уютно, покойно, весело!... И хозяйка была такая же, вотъ какъ ты! въ бѣломъ платьѣ, съ веселымъ лицомъ... а я сидѣлъ также съ ней и разговаривалъ!... Охъ, давно, давно это было! *(Утираетъ слезу)*.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Боже мой! что съ вами? вы плачете?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Это ничего... это хорошо!... Давно ужъ я не плакалъ... Теперь взглянулъ на все это и вспомнилъ прежнее, молодое время, хоша и небогатое, за то счастливое, веселое!... О-охъ!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА *(про себя)*. Кто это?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну, послушай, Марья Васильевна, у тебя есть родители?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. У меня никого нѣтъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Такъ ты одна? давно осиротѣла?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Матушки я лишилась на 5-мъ году, а отца...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну, а отца-то? отца?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я не знаю его! Онъ оставилъ матушку, когда я была маленькая! помню его... какъ будто во снѣ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. А, вотъ что! оставилъ! Чай, матушка-то твоя шибко сердилась на него, да и ты, я думаю, тоже?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Матушка простила его! а я... развѣ дочь можетъ сердиться на своего отца!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да ты знаешь, живъ онъ, или нѣтъ?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. До сегодняшняго дня я считала его умершимъ,—а сегодня узнала, что онъ живъ! Каролина Карловна была у него... говорила обо мнѣ... о томъ, что я выхожу замужъ.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну, и что-же? Твой отецъ тотчасъ-же пришелъ къ тебѣ?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Нѣтъ, онъ сказалъ, что никогда не придетъ ко мнѣ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну, а какъ ты-то... какъ думаешь, точно не придетъ онъ къ тебѣ? а?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*помолчавъ*). Нѣтъ, я этого не думаю!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Такъ ты не сомнѣваешься, что отцовское сердце не выдержитъ? что онъ придетъ къ тебѣ? Такъ, такъ Машенька! развѣ можетъ отецъ утерпѣть, чтобы не взглянуть, не обнять (*обнимаетъ ее*), не поцѣловать свое дѣтище? (*цѣлуетъ ее*).

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*въ его объятіяхъ*). Господи! неужели мое предчувствіе справедливо? только вы вошли сюда, я подумала....

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что я отецъ твой?...

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Такъ это правда?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да, я отецъ твой, моя доченька!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*бросаясь къ нему на шею*). Батюшка! батюшка!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*цѣлуетъ ее, гладитъ ее по головѣ и ласкаетъ*). Доченька ты моя! Машенька! Марья Васильевна! Васильевна! Какая ты хорошенькая! бѣленькая, румянькая! — Ты похожа на покойницу Аннушку, свою матушку... Вотъ и у той, такія-же были свѣтленькіе, веселые глазки... и щечки такія-же... и волоски ... Вотъ, вотъ и улыбка, точь въ точь. Аннушка! Машенька! голубушка! какъ мнѣ пріятно держать тебя въ своихъ объятіяхъ! Ты, вѣдь, дочь моя, кровь моя, сокровище мое! Скажи, ты не сердись, что я такъ давно не видалъ тебя, не пришелъ къ тебѣ?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Нѣтъ, не сержусь! могу-ли я на васъ сердиться?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Не сердись, голубушка! Я запутался съ дѣлами, съ торговлей, — прости меня, я почти забылъ о тебѣ! Я думалъ, что тебя нѣтъ на свѣтѣ, — а ты вотъ какая красавица! Скажи, ты будешь меня любить?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я и теперь люблю васъ, батюшка!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Люби меня, душечка! меня нѣкому любить! Пріемьшь мой, долженъ, обязанъ любить меня изъ благодарности, —

а то больше нѣкому! вѣдь я одинъ! Жена моя умерла! дѣтей, вотъ теперь, кромѣ тебя, нѣту!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Давно умерла ваша супруга?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ужь лѣтъ 10-ть!... Она не долго жила со мной! Богъ съ ней! Я тебѣ скажу, Маша, всю правду.... Мы съ ней не хорошо жили! она... она... не любила меня! Отецъ выдалъ ее замужъ за меня силою.... Она любила кого-то другаго!... У меня характеръ подозрительный, — а когда я это узналъ.... О, плохо ей тогда было! Она все хворала, хворала, — и совсѣмъ зачахла! Не весело мнѣ съ ней было жить, — и какъ умерла, не веселѣе стало! Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ твою матушку, я не знаю, что такое счастье!... Аннушка! Аннушка! зачѣмъ я не женился на тебѣ? Корысть меня заѣла! деньги, охъ, деньги!... Изъ-за нихъ, проклятыхъ, еще лежитъ у меня на совѣсти грѣхъ!... Охъ, тяжкій, большой грѣхъ!...

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Успокойтесь, батюшка!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да, я съ тобой успокоюсь, доченька милая! Ты будешь для меня, все равно, что твоя матушка — ангеломъ утѣшителемъ! Охъ, дитятко, грустно, грустно жить одному! Помню, я какъ-то захворалъ... и сильная меня болѣсть постигла... ужь и не думали, что я подымусь! Долго я лежалъ безъ памяти, думалъ, что я кончаюсь, — а я въ это время очнулся... въ разсудокъ вошелъ!... Гляжу, около моей постели сидитъ лекарь, рыжій такой, неприятный, блѣдный, да злой на видъ, сидитъ и смотритъ на меня, какъ будто хочетъ сказать: «Ну, умирай, что-ли!» Въ углу стоитъ Агафонычъ, и тотъ, какъ будто, ждетъ не дождется, чтобъ развязалъ его скорѣе, даже Пильюша, и тотъ, мнѣ показалось, ждалъ моей смерти; а между тѣмъ онъ обязанъ меня любить! Охъ, Маша, горько, больно мнѣ тогда стало! Вспомнилъ я твою матушку! вспомнилъ я, когда, бывши прикащикомъ, сдѣлался болѣнъ, потерялъ мѣсто и безъ копѣйки прпшелъ къ ней! Она не свезла меня въ больницу!... Привела лекаря, на свои трудовыя деньги покупала лекарства.... Ночи проспживала у моей кровати!... Пошевелинешься только, а она ужь спрашиваетъ; что тебѣ? не нужно-ли чего? не хуже-ли? Охъ, и стало мнѣ еще больнѣе, еще горче!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Батюшка! я буду васъ успокоивать! буду также, какъ матушка, если вы сдѣлаетесь больны, — чего не даи Богъ,—сидѣть у вашего изголовья! Вамъ не будетъ скучно, я и мужъ мой.... какъ жаль, что его нѣтъ здѣсь! вы вѣрно его полюбите! мы всѣ вмѣстѣ будемъ бесѣдовать, разгонять вашу грусть, — и вы вѣрно опять будете веселы и счастливы!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да, Машенька, утѣшите вы мою старость! Господи! благодарю тебя! теперь одно дѣло самое главное, свалилось съ совѣсти! Не привелъ мнѣ Богъ ещесъ однимъ человѣкомъ раздѣлаться...

онъ ужъ теперь, вѣрно, (*тамъ*)!... Ну, да если я съ нимъ не раздѣлался съ живымъ, такъ сдѣлаю пользу его душѣ,—онъ вѣрно тогда проститъ меня!... Ну, доченька, голубушка! поцѣлуй-же меня еще!...

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*цѣлуетъ его*). Батюшка!

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и КАРОЛИНА КАРЛОВНА.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*съ узелкомъ*). Ну, вотъ и я!... (*увидя его*). Боже мой!! кто это?... Василий Ивановичъ! (*останавливается съ изумленіемъ*).

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что, Каролина, не чаяла ты меня здѣсь встрѣтить?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Вотъ ужъ не думала-то!... Василий Ивановичъ! такъ вы... Машенька! Ахъ ты, Господи, какая радость!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Только батюшка вошелъ, у меня такъ забилося сердце, такъ забилося, точно выскочить хотѣло!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*цѣлуетъ ее*). Голубушка ты моя.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*прыгаетъ*). Вотъ такъ радость, вотъ такъ веселье! (*ей*) Поздравляю Марья Васильевна! поздравляю васъ! теперь вы, сударыня, богатая невѣста!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*хмурясь*). Богатая!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Ай-да Василий Ивановичъ! ай-да старичекъ! а я шла отъ васъ, да и думала: что бы мнѣ, хоть сколько нибудь съ васъ сорвать!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Сорвать?...

КАРОЛИНА КАРЛОВНА (*весело зашучивая съ нимъ*). Ну, ужъ теперь мы васъ растрясемъ! теперь папахенъ раскошеливайся, подавай намъ денегъ!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Денегъ?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Теперь ужъ Петру Сергѣичу не надо хлопотать: батюшка дастъ ему у себя хорошее мѣсто!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*смотритъ на нихъ, потомъ начинаетъ хохотать*). Такъ вы думаете, что батюшка вамъ и денегъ, и мѣсто, и все дастъ? Вы думаете, что онъ дуракъ, что вы его обманули? — нѣтъ, сударыни, не торопитесь, не такъ легко это сдѣлать!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Что такое?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Что вы говорите, батюшка?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Прочъ поди отъ меня! Нѣчего тутъ лебезить! «Батюшка, батюшка!» Я тебѣ такой-же батюшка, вонъ, какъ и ей! Обмануть хотѣла, такъ нѣтъ-же, не удался!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Каролина Карловна! что съ нимъ?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Онъ опять за старое!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Обманъ, обманъ, обманъ!... Нарочно заманили для того, чтобы деньги вытащить! А я-то, старыи дуракъ, разчувствовался, чуть-чуть не опростоволосился! Аи-да Василии Иванычъ! ужь тебѣ 50 лѣтъ, — пора-бы перестать малодушничать, — а то старуха, да дѣвчонка, — и тѣ едва тебя не обманули!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Господи, Боже мой! отчего вдругъ такая перемѣна?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Сейчасъ имъ и денегъ подавай? Небось проговорились! Да нечего притворяться-то, не повѣрю! Ты, Нѣмка, подлая обманщица! ты научила ее назваться моеи дочерью! Моя Машенька вѣрно умерла!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Умерла! батюшка!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Оставь его, Маша!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Не бось, кабы я былъ бѣденъ, вы-бы не стали меня искать, а то знаютъ, что богатъ, вотъ и придумали обманъ! Подавай имъ денегъ, приданое, мѣсто жениху... Что? не удалось? досадно? ха, ха, ха! Нѣтъ, вѣдь я тертый калачъ! я всю жизнь съ обманщиками вожусь, — такъ меня мудроно одурачить! ха, ха, ха!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и СЕРГѢЕВЪ.

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Петя!.. *(бросается къ нему)*.

СЕРГѢЕВЪ *(увидя Боярышникову)*. Кто это?

БОЯРЫШНИКОВЪ. А, это вѣрно женихъ вашъ сударыня? Славный молодецъ! вѣдь у васъ мало, да и у него, говоритъ Нѣмка, нѣтъ ничего! это скверно! Я вамъ, пожалуй, дамъ на приданое? вотъ вамъ сто *(бросаетъ на полъ ассигнаци)* вотъ вамъ двѣсти. *(бросаетъ еще)*.

СЕРГѢЕВЪ. Послушайте, какъ вы смѣете!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. *(тихо ему)* Это отецъ мой!

СЕРГѢЕВЪ *(въ удивленіи)*. Отецъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Ничего! оставьте его! пусть бросаетъ! *(Боярышникову)*. Бросайте, бросайте еще! я подберу! *(подбираетъ деньги)*.

БОЯРЫШНИКОВЪ. На, пожалуй еще! *(бросаетъ ассигнацію)*. Да, по крайности, я тѣмъ утѣшенъ: знаю, что не обмануть, а по собственной волѣ, изъ милости бросидъ! Ну, что, рады? счастливы, что получили деньги?

СЕРГБЕВЪ. Послушай, Маша, что съ нимъ?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я и сама не знаю! (отцу) Батюшка! неужели вы...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Прочь отъ меня! не подходи ко мнѣ, обманщица!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я обманщица! (плачетъ).

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ни гдѣ, ни въ чемъ нѣтъ правды! дружба, любовь,—все вздоръ! пустяки!—одни деньги! изъ-за денегъ всѣ хлопочуть, бьются, нарываютъ обмануть! Никому теперь не повѣрю! никому! Вездѣ обманъ, ложь, грѣхъ!.. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же кромѣ БОЯРЫШНИКОВА.

СЕРГБЕВЪ. Маша! неужели это отецъ твой? что съ нимъ? на что онъ сердится?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не знаю, онъ со мной былъ такъ ласковъ, нѣженъ и вдругъ....

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. На него вѣрно находить! Это отъ богатства! сидитъ всегда одинъ и считаетъ деньги,—вотъ у него и помутилось! Ну, слава Богу, хоть денегъ далъ!

СЕРГБЕВЪ. Далъ! но какъ онъ ихъ далъ?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Все равно! такъ-ли, этакъ-ли! вѣдь триста рублей серебромъ деньги! Это по старому будетъ....

СЕРГБЕВЪ. Не слѣдовало бы брать ихъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Полно-те пустяки говорить!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (утирая слезы). Батюшка! батюшка! за что ты меня обидѣлъ?

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и ИЛЮША.

ИЛЮША (выглядывая изъ двери). А! вы здѣсь! вотъ и славно!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Кого Богъ даетъ? а, это вы! Василій Ивановичъ сейчасъ былъ здѣсь!

ИЛЮША. Я знаю... я за угломъ стоялъ и видѣлъ, какъ онъ отсюда уѣхалъ! (раскланиваясь). Мое почтеніе! извините! (Каролинѣ) Вотъ что, старушенція! поди-ко сюда! (отводитъ ее въ сторону).

СЕРГѢЕВЪ. Это еще кто?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не знаю! вѣрно ея знакомый! (*тихо разговариваетъ съ Сергѣевымъ*).

ИЛЮША (*тихо ей*). Сватай меня!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Что такое?

ИЛЮША. Сватай, тебѣ говорить! Я женихъ, вотъ мадемазель не-вѣста, а ты свахой будь, — вотъ-те и вся недолга!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Перестаньте дурить! у ней ужъ есть же-нихъ! вонъ онъ!

ИЛЮША. Этогъ? полно врать! (*вслухъ*) Марья Васильевна! по-звольте вамъ слово сказать?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА (*въ удивленіи*). Что вамъ угодно?

ИЛЮША. Нынче по утру, я имѣлъ счастье разговаривать съ вами!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вы?.. Ахъ, да! только вы были не такъ одѣты!

ИЛЮША. Это все вздоръ! платья у насъ всякаго калибера вволю! Главная штука вотъ въ чемъ: этой старушенціи я объяснялъ свои на-мѣренія, касательно васъ!...

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Намѣренія?

СЕРГѢЕВЪ. Что это значить?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Кажется, и онъ рехнулся!

ИЛЮША. Но она, по своему разуму, можетъ статья, неправильно вамъ ихъ передала! Я ничего дурнаго не имѣлъ и въ помышленіи, а собственно хотѣлъ съ вами соединиться законнымъ бракомъ!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. А! вотъ что? такъ вы жениться ня мнѣ хо-тѣли? Слышите, Петръ Сергѣичъ? ха, ха, ха!

ИЛЮША. Да вы не смѣйтесь. Вы напередъ выслушайте какая изъ этого важная штука выдетъ! Я пріемышъ вашего тятеньки! Я знаю, что вы дочь Василья Иваныча! Теперь, разсудите, какія будутъ послѣдствія нашей свадьбы: онъ за вами дастъ большое приданое, да и мнѣ тоже кой-что на обзаведеніе, и мы заживемъ заливчатски! Кути малина! чего хочешь, того и просишь! Гуляй, значить, не-хочу!!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вы немного не вѣрно расчитали! Вы не зна-ете, что Василій Иванычъ не признаетъ меня своей дочерью! Онъ былъ здѣсь, но уже въ другой разъ никогда не придетъ и не дастъ за мной приданого ни копѣйки!

ИЛЮША. Вздоръ, пустяки! шалить, сударыня! Вы только дайте свое согласіе, что будете моею женою, — а тамъ ужъ мы его распа-тронимъ! Да просто-напросто — повѣнчаемся гдѣ нибудь въ тихо-молку, да потомъ къ нему! Поломается, да и благословить? знаю я

его; онъ только на первыхъ порахъ крутъ, а какъ поуходится—шелковымъ станетъ! Ну, такъ по рукамъ, что-ли?

СЕРГЪЕВЪ. Марья Васильевна! я не хочу мѣшать вашему счастью! Дѣйствительно, этотъ господинъ говоритъ правду; вашъ батюшка любить его, какъ сына; если вы выйдете за него замужъ,—то, вѣроятно, вашъ отецъ очень будетъ радъ такому случаю! Если теперь онъ на васъ за что-то рассердился, то, послѣ вашего замужества съ своимъ пріемышемъ, навѣрно снова возвратитъ вамъ свое расположеніе! Я вамъ возвращаю назадъ ваше слово! вы мнѣ болѣе не невѣста,—вы свободны!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. И не стыдно вамъ говорить это?

СЕРГЪЕВЪ. Я говорю по разуму! тутъ васъ ожидаетъ покойная жизнь и богатство, а со мной бѣдность и трудъ! Кажется—выбирать тутъ недолго нужно!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да, не долго, — вы сказали правду! — и я выбираю трудъ и бѣдность, но только съ тобой, съ тобою моею милою другъ!... *(бросается къ нему).*

СЕРГЪЕВЪ. Машенька! *(обнимаетъ ее).*

ИЛЬЮША. Какъ? что же это такое? Такъ вы не хотите за меня идти?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ мой женихъ! сегодня наше обрученіе!

ИЛЬЮША. Да нѣтъ! этого нельзя! Послушайте, какъ же это можно? Вѣдь я надѣялся, рассчитывалъ! Вотъ, думалъ, избавлюсь отъ неволи, самъ захозяинничая! нашелъ теперь средство! — Послушайте! что же вы со мною сдѣлали?!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Да женитесь на мнѣ! я соглашусь!

ИЛЬЮША. Убирайся ты къ чорту, старушенція!

СЕРГЪЕВЪ. Такъ уйдите, да и только! развѣ онъ можетъ васъ удержать!

ИЛЬЮША. Да, пожалуй, уйди,—а онъ тогда ни копѣйки не дастъ! А куда я пойду безъ денегъ? Мнѣ хочется пожить на своей волѣ съ деньгами, а не нищимъ! Фу, чортъ возьми, что же мнѣ теперь дѣлать? Неужто опять по старому цѣлыя дни мучиться? Нѣтъ, не въ терпѣжъ! Пусть онъ меня женитъ, отдѣлитъ! Слушайте, да согласитесь же пожалуйста! ради Бога!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Прощайте! прощайте!

ИЛЬЮША. О, какой я несчастнѣйшій человѣкъ! Да нѣтъ! я такъ не оставлю! теперь я на ходу! Я... я на все рѣшусь! я чортъ знаетъ, что сдѣлаю! *(уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же кромѣ ИЛЮЩИ.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Экой сумасшедшій!

СЕРГѢЕВЪ. Машенька! исполни мою просьбу!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Говори! все, что хочешь!

СЕРГѢЕВЪ. Отдай назадъ своему отцу 300 рублей!...

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Если ты этого хочешь, — съ удовольствіемъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Отдать назадъ деньги? что это за глупости? ни за что! онъ самъ далъ!

СЕРГѢЕВЪ. Нѣтъ, онъ не далъ, а бросилъ, какъ милостыню нищему... хуже! — какъ кость собакѣ! Если-бы онъ далъ эти деньги съ любовью, отъ чистаго сердца, — тогда глупо и неблагородно было бы отказываться; но принимать милостыню я не намѣренъ и не желаю, чтобы и жена моя это дѣлала! Повѣрьте, Каролина Карловна, мы не разбогатѣемъ, если эти деньги оставимъ у себя, лучше же возвратить ихъ — пусть онъ знаетъ, что мы не нуждаемся въ его подаяніи!... Дайте деньги!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Подумайте Петръ Сергѣичъ!...

СЕРГѢЕВЪ. Нечего тутъ думать! *(беретъ деньги.)* Можно взять деньги въ долгъ, если надѣешься ихъ отдать, а принимать милостыню въ молодыхъ лѣтахъ и при полномъ здоровьи — величайшая низость! вотъ я ихъ заверну, а вы отнесете назадъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Я? ни за-что! я съ нимъ поругаюсь, да мнѣ и жалко будетъ денегъ!

СЕРГѢЕВЪ. Вѣдь не Машѣ-же ихъ нести!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. О, нѣтъ! я не могу!

СЕРГѢЕВЪ. Кому-же? *(завертываетъ въ бумагу деньги.)*

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же и ЩУКИНЪ.

ЩУКИНЪ *(съ корзинкой и сверточками.)* Вотъ и я съ провіантомъ. Смотрите, Каролина Карловна, кажется все въ цѣлости донесъ! хересу славнаго дали, нарочно подальше къ знакомому ходилъ! *(вынимаетъ изъ корзинки разные свертки, бутылки и кладетъ на столъ.)*

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Спасибо!.. благодарю! *(подходитъ къ нему.)*

СЕРГѢЕВЪ *(завернувъ деньги.)* Видно мнѣ приходится идти! Каролина Карловна, гдѣ онъ живетъ?

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. На углу Садовой и нашей улицы, въ домѣ Петрова!.. спросите: Василья Иваныча Боярышниковъ, сейчасъ покажутъ!

ЩУКИНЪ (*роняя свертокъ изъ рукъ*). Боярышниковъ! Василіи Ивановичъ!!

ВСѢ. Что съ вами?

ЩУКИНЪ. Ничего!.. ничего! зачѣмъ поминули здѣсь Боярышниковъ?

СЕРГѢЕВЪ. Миѣ нужно итти къ нему!

ЩУКИНЪ. Зачѣмъ?

СЕРГѢЕВЪ. Онъ былъ здѣсь.

ЩУКИНЪ. Здѣсь!..

СЕРГѢЕВЪ. И... оставилъ деньги, которыя ему нужно возвратить?

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Онъ отецъ мой!

ЩУКИНЪ. Боярышниковъ?!..

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да! Онъ пришелъ ко миѣ, сначала былъ такъ ласковъ, добръ, — потомъ разсердился и ушелъ отсюда, не называя меня дочерью! бросилъ на полъ деньги, и сказалъ, что болѣе не знаетъ меня!

ЩУКИНЪ. Такъ вы дочь Боярышниковъ, а ваша матушка...

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Анна Колинъ.

ЩУКИНЪ. Такъ вы ея дочь!... голубушка ты моя!... душечка! (*бросается къ ней*). Машенька! (*опомнясь*). Ахъ, извините пожалуйста! Боже мой! вы очень похожи на свою матушку! Я только что увидалъ васъ въ первый разъ, замѣтилъ ваше сходство, да не помнилъ съ кѣмъ! Я зналъ вашу матушку! добрая была женщина!

СЕРГѢЕВЪ. Ужъ не хотѣлось бы миѣ къ нему итти, да дѣлать нечего!

ЩУКИНЪ. Къ Боярышникову?

СЕРГѢЕВЪ. Да!

ЩУКИНЪ. Дайте я схожу! я знаю, гдѣ онъ живетъ!

КАРОЛИНА КАРЛОВНА. Нѣтъ... какъ же вамъ?

ЩУКИНЪ. Не бойтесь! отдамъ ему въ руки деньги, — не утаю себѣ! вотъ вамъ мой паспортъ въ залогъ! (*отдаетъ ей*). А можетъ быть я сдѣлаю для васъ доброе дѣло, можетъ быть онъ снова придетъ къ вамъ и опять назоветъ своею дочерью!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Неужели вы это сдѣлаете?

ЩУКИНЪ (*взявъ деньги отъ Сергѣева*). Я говорю — можетъ быть! Молитесь Богу! Ну, Василіи Ивановичъ! давно мы съ тобою разстались, какъ-то мы свидимся!? Прощайте куда! (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(У Боярышпикова. Декорація 2-го дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

АГАФОНЫЧЪ одинъ (*входитъ съ двумя свѣчами*).

Эка погодка-то! Ишь какая темень, а еще рано бы! Что это самого нѣтъ? и обѣдать не ѣдеть! никогда онъ такъ не запаздывалъ! Ну-ка, прочту писемцо, что-то они, голубчики пишутъ? (*читаетъ*). «Милосливой государь, батюшко, дражайшій родитель, кланяемся тебѣ «твои дѣти Евграфъ, Матвѣй и Сидоръ и просимъ твоего родительскаго благословенія навѣки нерушимаго. Заждались мы тебя, батюшко! Сулилъ ты въ прошломъ годѣ къ Святой пріѣхать, а и въ «нынѣшнемъ не ѣдешь! Пріѣзжай къ намъ, батюшко! будешь жить «ты между нами въ довольствѣ и радости, успокоишь свою старость, «— ждемъ тебя не дождемся!» — Ахъ вы, голубчики мои! и то правда, давно ужъ я собираюсь въ деревню на родину, — да все откладываю! Пріѣду къ вамъ, родные мои! Ай, никакъ самъ пріѣхалъ! (*бл-житъ со свѣчкой ему на встрѣчу*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

АГАФОНЫЧЪ и БОЯРЫШНИКОВЪ.

БОЯРЫШНИКОВЪ (*разсерженный*). Что это? и посвѣтить нѣкому! спите, что-ль?

АГАФОНЫЧЪ. Какой-же теперь еще сонъ? Будете обѣдать, Василии Иванычъ? (*снимаетъ съ него шинель*).

БОЯРЫШНИКОВЪ. Нѣтъ!

АГАФОНЫЧЪ (*отряхивая шинель*). Экъ васъ промочило!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*садясь*). Дай мнѣ воды!... холодной, со льдомъ!

АГАФОНЫЧЪ (*про себя*). Что это съ нимъ? (*идетъ за водой*).

БОЯРЫШНИКОВЪ. Уфъ, жарко.... голова горить!...

АГАФОНЫЧЪ (*сг водой*). Извольте!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*вытиог*). Хорошо.... спасибо.... ступай!...

АГАФОНЫЧЪ (*переминался*). У меня есть до васъ просьбица, Василиіи Иванычъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что тебѣ?

АГАФОНЫЧЪ. Писемцо получилъ изъ деревни.... дѣти домой зовуть.... ужъ вы пожалуйте мнѣ разсчесть!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что-о? ты хочешь ѣхать? оставить меня? спасибо! вотъ благодарность за мою хлѣбъ-соль!...

АГАФОНЫЧЪ. Много вамъ благодаренъ, Василиіи Иванычъ! по гробъ не забуду вашихъ милостей, — а все таки въ деревню съѣздить хочется! Сколько времени дѣтей не видалъ, хопа не много проживу съ ними!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да, ужасно ты нуженъ дѣтямъ! пріѣзжай, такъ они тебя и кормить не стануть!...

АГАФОНЫЧЪ. Нѣтъ, Василиіи Иванычъ, грѣшно мнѣ пожаловаться на дѣтей! Да, ужъ извѣстно, — дѣтище, такъ дѣтище и есть! Кому же любить отца, какъ не дѣтямъ?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Полно врать! любить отца! пошли-ко имъ лучше денегъ, смотри, какъ обрадуются! Они знаютъ, что ты живешь на мѣстѣ, — значитъ, прикопишь деньжошку, — вотъ за что тебя и любить и зовутъ къ себѣ!

АГАФОНЫЧЪ. Какъ же можно такъ думать? вѣдь они кровь моя, нельзя имъ не чувствовать ко мнѣ привязанности!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Кровь твоя!... почему ты это знаешь?

АГАФОНЫЧЪ. Какъ же это такъ?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да такъ! Ты жилъ здѣсь, а въ деревню ѣздилъ черезъ три года въ четвертый.

АГАФОНЫЧЪ. Нѣтъ, не могу я заподозрить мою покойницу! любила она меня, сердечная!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Полно врать!

АГАФОНЫЧЪ. А если бы и такъ, то я долженъ исполнить свою обязанность и заботиться о дѣтяхъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Надъ тобой они смѣяться стануть, дуракомъ называть!

АГАФОНЫЧЪ. Зато совѣсть моя чиста! А если я безвинно заподозрю женщину и брошу ребенка, а онъ мой, — тогда-то что?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Глупости ты говоришь! ничего не понимаешь! Ну, да одно слово: я тебя въ деревню не пущу, ты мнѣ нуженъ! ты у меня живешь 10 лѣтъ, я привыкъ къ тебѣ! Кончено, и думать брось, — ты въ деревню не поѣдешь!

АГАФОНЫЧЪ. Ваша воля, Василиіи Иванычъ, а я долженъ ѣхать!

Этакъ помрешь, не благословимши дѣтей, — а мнѣ хочется сложить свои кости на родной сторонѣ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да ты разсердить меня хочешь, что ли? Ты не поѣдешь, говорю я тебѣ! а если станешь упрямиться, — не дамъ разсчета! поѣзжай безъ копѣйки!

АГАФОНЫЧЪ. Коли хотите вы меня обидѣть, — Богъ вамъ судья, а мнѣ безпремѣнно нужно ѣхать!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Вонъ пошелъ! вонъ! не бѣси меня, говорю я тебѣ! не поѣдешь ты, слышишь? я тебя не пушу! на зло не пушу! Пошелъ! да смотри, не смѣй и заикаться объ этомъ!

АГАФОНЫЧЪ. Господи твоя воля! что это съ вами сдѣлалось, Василии Ивановичъ? (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ одинъ (*Ходитъ по комнатѣ*).

Съ ума сошелъ!.. къ дѣтямъ!.. За чѣмъ? — здѣсь сытъ, обутъ, одѣтъ а хочеть ѣхать! одна глупость! Онъ, дуракъ этакій, хотѣлъ похвастать передо мною: «у меня-де есть дѣти, они любятъ меня!» Любятъ! и мнѣ тоже показалось сегодня... и я думалъ, что меня любятъ, а не деньги мои! А она, какъ будто, а въ самомъ дѣлѣ похожа на Аннушку, что если она моя... Нѣтъ, вздоръ! мнѣ показалось!.. О, женщины! хитрыя змѣи! сей часъ въ душу влѣзуть и обмануть!

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ и **ИЛЮША**.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Кто тамъ? А! это ты! что тебѣ?

ИЛЮША (*храбро*). Я, тятенька, къ вамъ пришелъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Вижу, что пришелъ, да пошто?

ИЛЮША. По своему дѣлу!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Нашелъ время! не могъ до завтраго отложить?

ИЛЮША. Я и такъ долго откладывалъ! Нужно же когда нибудь рѣшиться!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну, говори!

ИЛЮША (*про себя*) Ну, панъ, или пропазь! (*ослухъ, рѣшительно*).

А когда вы меня жените?...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Какъ? что такое? что-о?!

ИЛЬЮША. Да, ей-Богу, пора жениться! сыскали-бы мнѣ невѣсту, — а тамъ весельемъ пиркомъ, да и за свадебку! Дали бы мнѣ на обзаведеніе, сколько вашей милости будетъ, — а я за васъ вѣчно Богу стану молиться!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Господи помилуй! Господи помилуй! Я, просто, опомниться не могу! Жениться! да какъ ты смѣлъ объ этомъ подумать, — не только, что выговорить? Нѣшто твое дѣло объ этомъ заботиться? Я самъ знаю, нужно-ли тебѣ жениться, или нѣтъ! Какая дурь въ голову вошла! Да, вы меня уморить сговорились, что-ли?

ИЛЬЮША. Тятенька! ужъ я въ такихъ лѣтахъ....

БОЯРЫШНИКОВЪ. Молчать! розгами я тебя высѣку, вотъ въ какихъ ты лѣтахъ! забылъ съ кѣмъ ты говоришь? Я твой благодѣтель! отецъ! Ты меня долженъ почитать и любить! Что бы ты былъ безъ меня? что? нищій!!

ИЛЬЮША. Я это очинно хорошо понимаю и благодарю.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Молчать!

ИЛЬЮША. Нужно же мнѣ, наконецъ, своимъ домомъ, женой, дѣтьми....

БОЯРЫШНИКОВЪ. Молчать!... Молчать! (*грозно подходитъ къ нему*). Какъ ты смѣешь говорить, когда я молчать велю?

ИЛЬЮША. Да что-жъ.... вѣдь я дѣло...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что это! да ты, кажется, вино пилъ!

ИЛЬЮША. Ей Богу, тятенька, нѣтъ! сейчасъ умереть, не сойти съ мѣста, лопни....

БОЯРЫШНИКОВЪ. Пилъ, пилъ! не божись! Такъ ты пьянствовать начинаешь? этого только не доставало! Погоди-же дружокъ! я тебѣ покажу женитьбу! Я тебя сведу на съѣжку, да велю выпоротъ при себѣ!

ИЛЬЮША. Ну, это еще буки!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ахъ, ты Господи! я прибью его! пошелъ вонъ! съ глазъ моихъ долой! Завтра я съ тобой раздѣлаюсь! вонъ, вонъ пошелъ!

ИЛЬЮША. Такъ вы не хотите меня женить?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Уйдешь-ли ты?!

ИЛЬЮША. Ну теперь одно только остается! Эхъ-ма! была не была! пропадай моя голова! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ одинъ.

Что это такое? Тотъ хочетъ ѣхать, этотъ жениться! Да еще вздумалъ вино пить! Я ему завтра задамъ! Ахъ, Господи, что это съ моей

головой? Пить!.. воды! Эй!.. Эй!.. никого нѣтъ! всѣ оставили меня!.. одинъ!.. Господи! что если я вдругъ умру, и нѣкому будетъ помощи подать! Господи! отсрочь мою кончину! Анна, Георгій, помолитесь обо мнѣ на томъ свѣтѣ! Хотя я много вамъ зла сдѣлалъ, но простите меня, грѣшнаго! я за васъ панихиды служу, поминовение правлю, — простите меня! — Ай! тамъ кто-то ходитъ! Кто тамъ?

ЩУКИНЪ *(за кулисами)*. Гдѣ тутъ дверь? никого нѣтъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Кто тамъ? *(беретъ свѣчку и идетъ)* Кого нужно?

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ и ЩУКИНЪ.

ЩУКИНЪ *(отъ дверей)*. Василій Ивановичъ Боярышниковъ дома?..

БОЯРЫШНИКОВЪ. Это я! а вы кто такой? *(подноситъ свѣчку къ его лицу, вдругъ вскрикиваетъ и отбѣгаетъ въ испугъ)*. Господи помилуй!.. что это?!..

ЩУКИНЪ *(подходъ къ нему)*. Здравствуйте Василій Ивановичъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Господи! что со мной? не сонъ ли? не горячка-ли? Ты... ты живъ?!

ЩУКИНЪ. Живу еще, покада Богъ грѣхамъ терпитъ! *(Молчаніе. Оба смотрятъ другъ на друга)*. Давно мы съ вами не видались!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да, давно!... Я думалъ... что ты умеръ! и вдругъ... теперь... Я все ждалъ, что ты придешь ко мнѣ!

ЩУКИНЪ. Зачѣмъ?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну... извѣстно зачѣмъ!... Я бралъ у тебя въ долгъ... помнишь?

ЩУКИНЪ. Нѣтъ, не помню!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Какъ не помнишь? 10 тысячъ ассигнаціями я тебѣ ихъ сейчасъ же отдамъ! Этотъ долгъ лежалъ у меня на душѣ! Я давно хотѣлъ расплатиться, да не зналъ, гдѣ ты былъ! Что-жъ ты ко мнѣ не приходилъ такъ долго?

ЩУКИНЪ. Да вѣдь я былъ у васъ, — помните? лѣтъ 15-тъ тому назадъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да, правда! но тогда... я самъ не знаю, что со мной сдѣлалось!.. Вотъ теперь я тебѣ всѣ деньги съ благодарностью возвращу!

ЩУКИНЪ. Какой вы добрый, Василій Ивановичъ! Да въ продолженіи 15-ти лѣтъ успѣли, чай, на мои деньги вырасти большіе проценты?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ну я тебѣ съ процентами возвращу! хочешь, сумма на сумму!...

ЩУКИНЪ. Припомните пословицу, почтеннѣйшій Василій Ивановичъ: дорого личко въ Христовъ день! Когда я былъ молодъ, влюбленъ, думалъ жениться, обзавестись своимъ хозяйствомъ, тогда мнѣ подобны были деньги! Имѣя ихъ тогда, я, можетъ статься, былъ теперь мужемъ моей милой Сашеньки, жилъ бы семействомъ, — но вы взяли тогда мои деньги и присвоили ихъ себѣ!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*со вздохомъ.*) Бѣсъ меня попуталъ!..

ЩУКИНЪ. Да, онъ всегда виноватъ! Съ тѣхъ поръ я живу своими трудами, кормлюсь по милости добрыхъ людей;—и теперь, когда я привыкъ къ своему положенію, когда мнѣ больше ничего не нужно, какъ корка хлѣба да теплыи уголь, что я имѣю за свои трудовыя деньги, — вы мнѣ возвращаете старый долгъ! Очень вамъ благодаренъ, добрѣйшій Василій Ивановичъ! Я знаю, что теперь для васъ 10, 20-тъ тысячъ меньше, чѣмъ для меня 10 копѣекъ! Экой вы щедрый какой! Для чего мнѣ теперь деньги? для чего? Доживу кое-какъ свой вѣкъ, захвораю — свезутъ въ больницу, и тамъ добрые люди не оставятъ: придутъ навѣстить и деньжонокъ малую толику принесутъ! Умру — похоронятъ на казенный счетъ! а знакомые крестикъ поставятъ и на могилу въ праздникъ придутъ и добрымъ словомъ вспомнутъ! Такъ для чего-же мнѣ деньги? для того развѣ, чтобъ спиться съ кругу? больше не для чего! Такъ чѣмъ такой грѣхъ на душу брать, — лучше отступиться отъ нихъ! Нѣтъ, почтеннѣйшій Василій Ивановичъ! отняли вы у меня деньги, когда онѣ мнѣ были нужны, ограбили вы меня во время моей молодости, — такъ ужъ под старость я не возьму ихъ отъ васъ! Пользуйтесь ими! авось, когда умирать станете, такъ на гробъ пригодятся!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Нѣтъ, слушай! ты этого со мной не дѣлай! Я хочу очистить свою совѣсть! Я думалъ, что ты умеръ, я велѣлъ тебя въ поминанье записать, денно и ночью лампаду во успокоеніе твоей души теплить, — а теперь, когда ты живъ, возьми, возьми назадъ свои деньги!

ЩУКИНЪ. Не нужно!

БОЯРЫШНИКОВЪ. У меня только два гнета и лежало на душѣ; ты, да еще дочка... Маша! Съ ней я покончилъ, можетъ она обманывала меня, можетъ быть моя дочка умерла, а это другая назвалась ея именемъ, — но я все-таки бросилъ ей денегъ! Дай-же мнѣ теперь съ тобою разсчитаться!

ЩУКИНЪ. Да неужто вы думаете, что, если теперь отдадите мнѣ долгъ, такъ ужъ и покончили совѣсть? и дѣло рѣшено?.. А вы не считаете, что я 13 лѣтъ бѣдствовалъ по вашей милости? А съ дочерью-

то!.. Бросилъ ей денегъ и думаетъ, что очистилъ свою совѣсть? Какъ это вы, человекъ, я слышала, — стали богомольный, благочестивый, а полагаете все счастье человѣческое въ однихъ только деньгахъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Оттого, что всеъ бьются изъ-за нихъ и нарываютъ обмануть! Любовь, дружба — все изъ за — денегъ!

ЩУКИНЪ. Это оттого, что у васъ совѣсть нечиста, что сами вы обманывали, — вамъ вездѣ обманъ и кажется! Нѣтъ, ошибаетесь Василии Иванычъ! за деньги вы не купите ни любви, ни дружбы, ни привязанности! Будетъ изъ-за нихъ иной васъ въ глаза, пожалуй, почитать, а за глаза обманывать! Повѣрьте, что и дочери вашей не деньги были нужны, а родительское благословеніе, обіятія, поцѣлуй отцовскіи!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да она не дочь моя! она обманщица! Дочь моя умерла!

ЩУКИНЪ. Умерла! да она, — двѣ капли воды, — мать!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да... правда! она похожа на Аннушку. Но все-таки, если она и точно Аннушкина дочь, то кто-же поручится, что она навѣрно отъ меня?

ЩУКИНЪ. Я зналъ покойную Аннушку, она была добрая, простая дѣвушка, она истинно любила васъ, хоть вы этого и не стояли! У ней много было соблазновъ, она могла найти и побогаче васъ, но она ни за что не соглашалась разстаться съ вами! Вы этого не знали, а мнѣ все было извѣстно! Она вела себя примѣрно! и дай Богъ, что бы ваша жена была вамъ такъ вѣрна, какъ Аннушка!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Моя жена... ахъ, моя жена!

ЩУКИНЪ. И когда вы увидѣли Машеньку, признайтесь, что тогда говорило ваше сердце? что она кровь ваша, что она ваше родное дѣтище? а? не такъ-ли?

БОЯРЫШНИКОВЪ *(со вздохомъ)* Да!...

ЩУКИНЪ. А вы не повѣрили своему чувству, потому что въ головѣ все обманъ вертѣлся!...

БОЯРЫШНИКОВЪ. Старуха сейчасъ же заговорила объ деньгахъ, о приданомъ...

ЩУКИНЪ. Старуха любить ее больше всего на свѣтѣ, — немудрено, что съ радости и простоты помянула и о деньгахъ, и о приданомъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Онѣ теперь, вѣроятно, вмѣстѣ радуются, что удалось съ меня выманить 300 цѣлковыхъ!

ЩУКИНЪ. Ошибаетесь, Василии Иванычъ, теперь дочь ваша обручается съ своимъ женихомъ, умнымъ, трудолюбивымъ молодымъ человекомъ! Въ ихъ квартиркѣ нѣтъ такого богатства, какъ здѣсь, — но нѣтъ и такой грусти и одиночества, какъ здѣсь! Тамъ теперь весе-

лятся на свои трудовыя деньги! Дочь ваша и ея женихъ просили вамъ кланяться и сказать, что если вы не хотите ихъ знать, то и они васъ тоже, а въ деньгахъ, которыя вы имъ кинули, какъ корку хлѣба собакѣ, они не нуждаются! Вотъ ваши всѣ 300 руб. сполна! причтите ихъ къ моимъ, — а когда умирать станете, такъ захватите съ собою въ могилу! *(бросаетъ ему деньги)*.

БОЯРЫШНИКОВЪ *(озадаченный)* Какъ?.. деньги?.. назадъ?.. не берутъ?.. что-же это такое?

ЩУКИНЪ. То, что вы обидѣли свою дочь, оскорбили ее! Вотъ вы говорите, что вездѣ обманъ, что всѣ денегъ вашихъ добиваются! ошибаетесь Василій Ивановичъ! берите ихъ, наслаждайтесь ими, копите еще, и еще больше! — Теперь прощайте!

БОЯРЫШНИКОВЪ *(останавливая его)*. Пстой! послушай, Егорушко! другъ!

ЩУКИНЪ. Какой я вамъ другъ? 15 лѣтъ тому назадъ, былъ я вамъ другомъ, а теперь я не знаю васъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Братъ!

ЩУКИНЪ. Прочь!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Что же это? и ты... и дочка... Господи! Братъ! прости, прости ты меня! *(падаетъ передъ нимъ на колѣни)*. Правда, правда твоя, Егорушко, Богъ меня наказываетъ за обманъ! съ тѣхъ поръ, какъ я утаилъ твои деньги, я не живу, а страдаю! Вездѣ, во всемъ обманъ каже тся! иной говоритъ правду, а мнѣ все ложь чудится! Все мое богатство—укорь для меня, — я его нажилъ на украденныя деньги! Слушай, сними ты съ меня мой грѣхъ, прости, прости ты меня! *(падаетъ ему въ ноги)*.

ЩУКИНЪ. Мнѣ ничего не нужно! Вы ступайте къ Машѣ и признайте ее передъ всѣми своею дочерью! Возьмите ее къ себѣ, это не для нее, а для васъ! Вѣдь вы умрете, такъ и помянуть нѣкому будетъ! всѣ эти ваши любимцы, наемщики, — ждуть только вашей смерти! Сдѣлаютъ вамъ богатыя похороны, съ балдахинами и факельщиками, на могилу навалитъ мраморный монументъ, напишутъ на немъ золотомъ то и сѣ, — да это все вѣдь только наружно, а въ душѣ-то ничего нѣтъ; еще рады, что наследство досталось! А дочка-то успокоитъ вашу старость! вѣдь она кровь ваша, — а родное, такъ родное и есть! Захвораете, — станеть ухаживать за вами, помните, какъ Аннушка?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Да, да! твоя правда! Я пойду къ ней, я возьму къ себѣ ее и ея мужа! она проститъ меня! Егорушка! а ты? да неужто ты не скалишься надо мною, не успокоишь меня?

ЩУКИНЪ. Покуда вы не примиритесь съ своею дочерью, я не знаю васъ! но когда я ее увижу здѣсь, въ вашихъ объятіяхъ, когда

она будетъ при всѣхъ называть васъ отцомъ, — тогда, можетъ быть, и я назову васъ по старому — другомъ и братомъ! До свиданія! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ одинъ.

Къ ней! скорѣе къ ней!... Машенька моя! прости меня! Господи! какъ въ голову ударило!... не смерть-ли? (*садится*) неужели я умру, не благословивши своей дочери?

АГАФОНЫЧЪ (*кричитъ за кулисами*). Стой! что ты тутъ дѣлаешь? попался!!

ИЛЮША (*за кулисами*). Прочь! пусти!

АГАФОНЫЧЪ (*тамъ же*). Нѣтъ, не вырвешься! пойдемъ сюда!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Господи помилуй! что такое случилось?

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ, АГАФОНЫЧЪ и ИЛЮША.

АГАФОНЫЧЪ. (*тащитъ Ильюшу, у котораго въ рукахъ мѣшочекъ съ деньгами*). Василии Иванычъ! послушайте-ка, что Ильюша-то надѣлалъ; подобралъ ключъ къ вашему сундуку, захватилъ мѣшокъ червонцевъ,— да и хотѣлъ дать тягу!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Ильюша! Неужели?!

АГАФОНЫЧЪ. Я давно за нимъ слѣдилъ,— насилу поймалъ! Онъ васъ завсегда обманывалъ; онъ ни къ заутрени, ни къ обѣдни не ходилъ,— все кутилъ! Онъ ужъ не впервые запускаетъ лапу въ вашъ сундукъ! А сейчасъ, я гляжу, онъ, вышедши отъ васъ, началъ въ своей коморкѣ, что-то собирать, да укладывать; потомъ пошелъ сюда, я за нимъ потихоньку;— гляжу, изъ прихожей пошелъ въ вашу комнату, да и принялся за работу,— тутъ-то я его и накрылъ!

ИЛЮША (*съ отчаянiемъ бросая на полъ деньги*). Ну, да! правда, коли на то пошло! я хотѣлъ обокрасть! я воръ! ведите меня въ часть! не отпущусь! пусть посадятъ въ тюрьму,— все таки лучше, чѣмъ здѣсь мучиться! Надоѣло мнѣ это! поминутные попреки!... благодѣтель, да отецъ!... терпѣнiя не хватило! Ну что жъ! посылайте за кварталнымъ, или вяжите мнѣ руки, да ведите въ часть!

АГАФОНЫЧЪ. Вотъ, Василий Иванычъ, какъ онъ отплачиваетъ

вамъ за ваши благодѣянія! Я сеічасъ позову молодцевъ, — мы тебя, голубчика, скрутимъ и доставимъ куда слѣдуетъ!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Оставь его! (*про себя, съ грустію*). Правда за деньги любви не купишь; чужой, — такъ чужой и есть! (*ему*). Возьми все, что успѣлъ захватить и ступай изъ моего дома!

ИЛЮША (*озадаченный*). Какъ? неужели? вы... вы шутите?

АГАФОНЫЧЪ. Василій Ивановичъ! что вы! я его вора не пущу!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Оставь!пусти, говорю я тебѣ. (*Илюшѣ*). Ступай со всеми деньгами и не знай меня!

ИЛЮША (*съ страшной радости, подбирая деньги*). Деньги!... все!... все мое! и на волю! могу дѣлать, что хочу!... Василій Ивановичъ!... тягучка!... я не знаю... что это?.. Значить, могу гулять во всю силу и мочь? вотъ штука-то!... ха, ха, ха... Вотъ зальюсь-то, такъ зальюсь! Отвернись душа, — развернись тѣло, — катать-валяй безъ просыпу, на все! шабашъ! (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ. 9-е.

БОЯРЫШНИКОВЪ и АГАФОНЫЧЪ.

АГАФОНЫЧЪ. Ахъ, Василій Ивановичъ, напрасно вы его отпустили! что вору потакать?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Агафонычъ! ты просилъ къ дѣтямъ, въ деревню, — поѣзжай, завтра-же поѣзжай! я тебя не стану удерживать!

АГАФОНЫЧЪ. Покорно васъ благодарю, батюшко, а ужъ я отчался!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Вдвое отдамъ тебѣ, противъ того, что ты заслужилъ! поѣзжай къ дѣтямъ, — живи съ ними, люби ихъ! вѣдь они кровь твоя, они любятъ тебя по природѣ, а не изъ-за денегъ привязаны!

АГАФОНЫЧЪ. Какже вы-то? я васъ одного не оставлю!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Я не буду одинъ! у меня тоже есть родные! Агафонычъ! другъ! у меня есть дочь!

АГАФОНЫЧЪ. Дочь?

БОЯРЫШНИКОВЪ. Маша! Марья Васильевна! я пойду къ ней! Шляпу! скорѣе! къ ней, къ Машенькѣ, къ доченькѣ моей! (*хочетъ идти, — дверь растворяется, видно Марью Васильевну*).

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же, МАРЬЯ ВАСИЛЬЕНВА и СЕРГѢЕВЪ; за дверями видѣется ЩУКИНЪ.

БОЯРЫШНИКОВЪ. Вотъ! вотъ она! голубушка моя! поди ко мнѣ, дитятко мое! (*Маша подходитъ*). Прости ты меня, что я безвинно обидѣлъ тебя!

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕНВА (*бросался къ нему на шею*). Батюшка! батюшка!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*цѣлуетъ ее*). Машенька! голубушка! Агафонычъ! смотри, вѣдь это дочка моя! дитя мое!! (*Сергѣеву*). Ты любишь ее когда она была въ бѣдности, за то теперь получишь за ней большое приданое!

СЕРГѢЕВЪ. Василій Пванычъ! глупо отказываться отъ денегъ, когда ихъ даютъ отъ добраго сердца, но и привязать себя къ нимъ, — невеселое положеніе. Употребите свои деньги на полезныя предпріятія, вы дадите хлѣбъ тысячамъ людей, — и они будутъ молиться за васъ Богу!

БОЯРЫШНИКОВЪ. Распоряжайся ими! онѣ теперь не мои, а ваши, дѣти! Ну, сюда! на грудь ко мнѣ! (*Они его обнимаютъ*).

ЯВЛЕНИЕ 11-е и послѣднее.

Тѣ же и ЩУКИНЪ.

ЩУКИНЪ (*весело подбѣгалъ къ Болрышникову*). Здорово, браша! а я къ тебѣ за долгомъ! давай, браша, деньги, которыя занялъ! смерть нужно! возьму акцій на желѣзную дорогу! разбогатѣть хочу, чортъ возьми!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*взявъ его за руку*). Егорушко! другъ! маленькимъ ты меня спасъ отъ смерти, — а теперь ты болѣе сдѣлалъ; ты спасъ душу мою!

ЩУКИНЪ. Э, полно, браша! поживемъ — повеселимся на старости! Вотъ свадьбу отпиреваемъ лихо! Кончимъ нашу жизнь такъ, какъ начали, — друзьями, братьями, а о старомъ, чтобъ и помину не было, (*Цѣлуются*). Ну теперь съ ними поцѣлуйся! Вотъ такъ! Экая радость! экое веселье!

БОЯРЫШНИКОВЪ (*держа дѣтей въ объятіяхъ*). Что, братъ, Агафоничъ? Что скажешь?

АГАФОНИЧЪ. А скажу, я хозяинъ, что не тамъ счастье, гдѣ денегъ много, — а тамъ гдѣ правда, совѣсть да честь!

К О Н Е Ц Ъ .